

И. Бурин

Артистическое заведение Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

И.А.БУНИНА

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ИЗДАНИЕ Т-ВА А. Ф. МАРКСЪ :: ПЕТРОГРАДЪ

Приложение къ журналу „Нива“ на 1915 г.

Артистическое заведеніе Т-ва А Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

ИЗЪ ЮНОШЕСКИХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ.

* * *

Шире, грудь, распахнись для принятія
Чувствъ весеннихъ—минутныхъ гостей!
Ты раскрой мнѣ, природа, объятія,
Чтобъ я слился съ красою твоей!

Ты, высокое небо, далекое,
Безпредѣльный просторъ голубой!
Ты, зеленое поле широкое!
Только къ вамъ я стремлюся душой!

28 марта 1886 г.

П О Э Т Ъ.

Поэтъ печальный и суровый,
Бѣднякъ, задавленный нуждой,
Напрасно нищеты оковы
Порвать стремишься ты душой!

Напрасно хочешь ты презрѣньемъ
Свои несчастья побѣдить
И, склонный къ свѣтлымъ увлеченьямъ,
Ты хочешь вѣрить и любить!

Нужда не разъ еще отравитъ
Минуты свѣтлыхъ думъ и грезъ
И позабыть мечты заставить,
И доведетъ до горькихъ слезъ.

Когда жъ, измученный скорбями,
Забывъ безплодный, тяжкій трудъ,
Умрешь ты съ голоду,—цвѣтами
Могильный крестъ твой перевьютъ!

1886,

ДЕРЕВЕНСКІЙ НИЩІЙ.

(Первое напечатанное стихотвореніе).

Въ сторонѣ отъ дороги, подъ дубомъ,
Подъ лучами палящими спитъ
Въ зипунишкѣ, заштопанномъ грубо,
Старый нищій, сѣдой инвалидъ;

Изнемогъ онъ отъ дальней дороги
И прилегъ подъ межой отдохнуть...
Солнце жжетъ истомленные ноги,
Обнаженную шею и грудь...

Видно, слишкомъ нужда одолѣла,
Видно, негдѣ пріюта сыскать,
И судьба безнадежно велѣла
Со слезами по окнамъ стонать...

Не увидишь такого въ столицѣ:
Тутъ ужъ впрямъ истомленный нуждой!
За желѣзной рѣшеткой въ темницѣ
Рѣдко виденъ страдалецъ такой.

Въ долгій вѣкъ свой немало онъ силы
За тяжелой работой убилъ,
Но, должно-быть, у края могилы
Ужъ не стало хватать ему силъ.

Онъ идетъ изъ селенія въ селенье,
А мольбу чуть лепечетъ языкъ,
Смерть близка ужъ, но много мученья
Перетерпитъ несчастный старикъ.

Онъ заснулъ... А потомъ со стенаньемъ
Христа ради проси и проси...
Грустно видѣть, какъ много страданья
И тоски и нужды на Руси!

1886.

ПОЛЕВЫЕ ЦВѢТЫ.

Въ блескѣ огней, за зѣркальными стеклами,
Пышно цвѣтутъ дорогіе цвѣты,
Нѣжны и сладки ихъ тонкіе запахи,
Листья и стебли полны красоты.

Ихъ возрастили въ теплицахъ заботливо,
Ихъ привезли изъ-за синихъ морей;
Ихъ не пугаютъ мятели холодныя,
Бурныя грозы и свѣжесть ночей...

Есть на поляхъ моей родины скромные
Сестры и братья заморскихъ цвѣтовъ:
Ихъ возрастила весна благовонная
Въ зелени майской лѣсовъ и луговъ.

Видятъ они не теплицы зеркальныя,
А небосклона просторъ голубой,
Видятъ они не огни, а таинственный
Вѣчныхъ созвѣздій узоръ золотой.

Вѣсть отъ нихъ красотою стыдливою,
Сердцу и взору родные они
И говорятъ про давно позабытые
Свѣтлые дни.

1887.

Какая теплая и темная заря!
Давнымъ-давно закатъ, чуть тлѣя, чуть горя,
Померкъ надъ сонными весенними полями,
И мягкими на все ложится ночь тѣнями,
Въ вечернія мечты, въ раздумье погрузивъ
Все, отъ затихшихъ рощъ до придорожныхъ ивъ
И только вдальскѣ вечерней тьмой не скрыты
На горизонтѣ грустныя ракеты.

Надъ садомъ облака нахмурившись стоятъ;
Весенней сыростью наполненъ тихій садъ;
Надъ лугомъ, надъ прудомъ, куда ведутъ аллеи,
Ночныя облака темного посвѣтлѣе,
Но въ чащѣ, гдѣ, сокрывъ весенніе цвѣты,
Склонились кущами зеленые кусты,
И темь, и теплота...

1888.

Блѣднѣетъ ночь... Тумановъ пелена
Въ лощинахъ и лугахъ становится бѣлѣе,
Звучнѣе лѣсъ, безжизненнѣй луна
И серебро росы на стеклахъ холоднѣе.

Еще усадьба спить... Въ саду еще темно,
Недвижимъ тополь матово-зеленый,
И воздухъ слышенъ мнѣ въ открытое окно,
Весеннимъ ароматомъ напоенный...

Ужъ близокъ день, прошелъ короткій сонъ —
И, въ домѣ тишины не нарушая,
Неслышно выхожу изъ двери на балконъ
И тихо свѣтлаго восхода ожидаю...

1888.

* * *

Осыпаются астры въ садахъ,
Стройный кленъ подъ окошкомъ желтѣетъ,
И холодный туманъ на поляхъ
Цѣлый день неподвижно бѣлѣетъ.
Ближній лѣсъ затихаетъ, и въ немъ
Показались всюду просвѣты,
И красивъ онъ въ уборѣ своемъ,
Золотистой листвою одѣтый.
Но подъ этой сквозною листвою,
Въ этихъ чащахъ не слышно ни звука...
Осень вѣетъ тоской,
Осень вѣетъ разлукой!

Поброди же въ послѣдніе дни
По аллеѣ, давно молчаливой,
И съ любовью и съ грустью взгляни
На знакомыя нивы.
Въ тишинѣ деревенскихъ почей
И въ молчаньи осенней полночи
Вспомни пѣсни, что пѣлъ соловей,
Вспомни лѣтнія почи
И подумай, что годы идутъ,
Что съ весной, какъ минуетъ лѣнастье,
Намъ они не вернутъ
Обманувшаго счастья...

1888.

* * *

Любилъ я въ дѣтствѣ сумракъ въ храмѣ,
Любилъ вечернею порой
Его, сіяющій огнями,
Передъ молящейся толпой:

Любилъ я всенощное бдѣнье,
 Когда въ напѣвахъ и словахъ
 Звучить покорное смиренье
 И покаяніе въ грѣхахъ.
 Безмолвно, гдѣ-нибудь въ притворѣ,
 Я становился за толпой;
 Я приносилъ туда съ собой
 Въ душѣ и радости и горе;
 И въ часъ, когда хоръ тихо пѣлъ
 О „Свѣтѣ Тихомъ“,—въ умиленьи
 Я забывалъ свои волненья
 И сердцемъ радостно свѣтлѣлъ...

Прошли года, прошли надежды;
 Перемѣнились мечты;
 Въ душѣ ужъ нѣтъ теперь, какъ прежде,
 Такой сердечной теплоты.
 Но тѣ святыя впечатлѣнья
 Надъ сердцемъ властны и теперь,
 И я безъ слезъ, безъ раздраженья
 Переживаю дни сомнѣнья,
 Дни оскорбленій и потерь
 Для сердца грусть уже привычна,
 Но эта грусть въ душѣ моей
 Такъ молчаливо-поэтична,
 Что часто счастья милѣй...

1888.

*

Далеко за моремъ
 Догораетъ вечеръ...
 Потемнѣло небо,
 Потемнѣли волны...
 Только на закатѣ
 Свѣтитъ тихимъ свѣтомъ
 Полоса зари...

Но душѣ все это
 Чуждо, не знакомо;
 Каждый день съ закатомъ
 Ухожу на берегъ
 И сажусь на камнѣ,
 Вижу бѣлый парусъ,
 Вижу, какъ темнѣетъ
 Полоса зари.

И знакомой грустью
Сердце сладко поетъ:
Кажется, что снова
По степи родимой
Бду я проселкомъ,
И закатъ далекий
Долго-долго свѣтитъ
Надъ стемнѣвшимъ моремъ
Зрѣющихъ хлѣбовъ...

1889.

* * *

...Зачѣмъ и о чемъ говорить?
Всю душу, съ любовью, съ мечтами,
Все сердце стараться раскрыть—
И чѣмъ же?—одними словами!

И хоть бы въ словахъ-то людскихъ
Не такъ ужъ все было избито!
Значенья не сыщете въ нихъ,
Значеніе ихъ позабыто!

Да и кому рассказать?
При искреннемъ даже желаньи
Никто не сумѣетъ понять
Всю силу чужого страданья!

1890.

* * *

... Позднимъ лѣтомъ
Это было, другъ милый.
Ужъ давно не звучали
Соловьиныя пѣсни
По безмолвнымъ садамъ;
Въ темнотѣ по аллеѣ
Разливался неясный
Запахъ листьевъ сухихъ
И склоненныхъ акацій...

Тамъ, гдѣ въ двери балкона
Лампа смутно свѣтила,
Зачиналися пѣсни,
И веселыя рѣчи

Молодыхъ голосовъ
Раздавались неясно...
Сговорившись какъ будто,
Мы спустились съ балкона
И въ аллею вошли... Сердце билось,—
Сердце ждало признанья,
Опасалось любви... И приснился
Вешній сонъ позднимъ лѣтомъ..

Дни идутъ... Еще много
Будетъ въ жизни обидъ,
И потерь, и страданій,
И нерадостныхъ думъ...
Но, какъ грустную пѣсню
О далекомъ, о миломъ,
Вспоминай, дорогая,
Свѣтлый сонъ, что приснился
Позднимъ лѣтомъ на мигъ!

1890.

О Т Р Ы В О К Ъ.

Изъ Мюссе.

...Когда изъ школьныхъ стѣнъ домой мы возвращались,
Мы находили тамъ безмолвіе одно;
Отцы и братья намъ не улыбались,
Отцы, за родину погибшіе давно...
И хоть не разъ горячихъ впечатлѣній
Душа недѣтская въ томленіи ждала,
Но было пусто все! И только по селенью
Гудѣли медленно вдали колокола...

Жизнь представлялась намъ какъ бы двумя мірами:
За нами—прошлое съ угасшею борьбой,
А новый день, встающій передъ нами,
Еще во тьмѣ, чуть тронутой зарей...
И ангелъ сумрачный для насъ сталъ духомъ вѣка:
Мы обрѣли его сидящимъ на костяхъ,—
Въ плащъ себялюбія закутанъ онъ, калѣка,
Не то живой, не то ужъ полупрахъ...

Такъ въ Страсбургѣ дочь графа Сарвердена
Въ гробу, подъ бѣлою вѣничальною фатой,
Лежитъ, сохранена, какъ мумія, отъ тлѣна,
Но страшень видъ ея, ребячески-худой!

Холодною тоской и безотчетнымъ страхомъ
Томить ея нарядъ и мертвое лицо:
Еще блеститъ ея вѣнчальное кольцо,
А голова въ цвѣтахъ рассыпалася прахомъ!

О, дѣти будущихъ, далекихъ поколѣній!
Когда вы въ лѣтній день, въ отчизнѣ дорогой,
На зелени луговъ, въ часы отдохновеній,
У плуга потъ съ чела сотрете трудовой,
И улыбнется вамъ подъ яркими лучами
Земля-кормилица,—подумайте порой,
Что мы свой путь прошли съ безсильными слезами,
Что жертвой были мы за будущій покой!

1890.

* * *

Нѣтъ, не о томъ я сожалею,
Прощаясь съ юностью моею!—
Не жаль мнѣ первыхъ ясныхъ дней
И сладкихъ грезъ, и увлеченій,
Но жаль мнѣ гордости своей
И первыхъ самообольщеній!

Да, я гордился, я мечталъ.
Но не сулила гордость эта
Ни благъ житейскихъ, ни похвалъ,
Ни лавровъ славнаго поэта:
Звучали струны, но не тѣ!
То было счастье просвѣтлѣнья,
Высокій трепетъ приобщенья
Къ духовной жизни, къ красотѣ!

1891.

А Н Г Е Л Ъ.

Въ вечерній часъ, надъ степью мирной,
Когда закатъ надъ ней сіялъ,
Среди небесъ, стезей эфирной,
Вечерній ангелъ пролеталъ.

Онъ видѣлъ сумракъ предзакатный, —
Уже синѣть вдали востокъ,—
И вдругъ услышалъ онъ невнятные
Во ржахъ ребенка голосокъ.

Онъ шелъ, колосья собирая,
Сплеталъ вѣнокъ и пѣлъ въ тиши,
И были въ нѣснѣ звуки рая,—
Невинной, неземной души.

„Благослови меньшого брата,—
Сказалъ Господь.—Благослови
Младенца въ тихій часъ заката
На путь и правды и любви!“

И ангелъ свѣтлою улыбкой
Ребенка тихо осѣнилъ
И на закатъ лучисто-зыбкій
Поднялся въ блескъ нѣжныхъ крылъ.

И, точно крылья золотыя,
Заря пылала въ вышинѣ,
И долго очи молодыя
За ней слѣдили въ тишинѣ!

1891.

Р О Д И Н Ъ.

Они глумятся надъ тобою,
Они, о, родина, корятъ
Тебя своею простотою,
Убогимъ видомъ черныхъ хатъ...

Такъ слышь, спокойный и пахальный,
Стыдится матери своей—
Усталой, робкой и печальной
Средь городскихъ его друзей,

Глядитъ съ улыбкой состраданья
На ту, кто сотни верстъ брела
И для него, ко дню свиданья,
Послѣдній грошникъ берегла.

1891.

Л И С Т О П А Д Ъ.

Стихотворенія 1886—1900 г.

Л И С Т О П А Д Ъ.

Осенняя поэма.

М. ГОРЬКОМУ.

Лѣсъ, точно теремъ расписной,—
Лиловый, золотой, багряный,—
Веселой, пестрою стѣной
Стоитъ надъ свѣтлою поляной.

Березы желтою рѣзьбой
Блестятъ въ лазури голубой;
Какъ вышки, елочки темнѣютъ,
А между кленами синѣютъ
То тамъ, то здѣсь въ листьвѣ сквозной
Просвѣты въ небо, что оконца...
Лѣсъ пахнетъ дубомъ и сосной,—
За лѣто высохъ онъ отъ солнца,
И Осень тихою вдовой
Вступила пынче въ теремъ свой...

Какъ хорошо ей! На полянѣ,
Среди широкаго двора,
Воздушной паутины ткани
Блестятъ, какъ сѣтъ изъ серебра.
Просѣка узкая, какъ сѣни,
Уводитъ въ теремъ, а по ней
Лежитъ коверъ листьвы осенней
Среди кустарниковъ и пней.
Тамъ, въ потаенномъ чернолѣсѣ,
Всегда затишье: частый боръ
Надъ нимъ темнѣетъ въ поднебесѣ

И окружаетъ свѣтлый дворъ.
Сегодня цѣлый день играетъ
Въ дворъ послѣдній мотылекъ
И, точно бѣлый ленестокъ,
На паутинѣ замираетъ,
Пригрѣтый солнечнымъ тепломъ;
Сегодня такъ свѣтло кругомъ,
Такое мертвое молчанье
Въ лѣсу и въ синей вышинѣ,
Что можно въ этой тишинѣ
Разслышать листика шуршанье.
Лѣсъ, точно теремъ расписной, —
Лиловый, золотой, багряный, —
Стоитъ надъ солнечной поляной,
Завороженный тишиной;
Заквохчетъ дроздъ, перелетая
Среди подседа, гдѣ густая
Листва янтарный отблескъ льетъ;
Играя, въ небѣ промелькнетъ
Скворцовъ разсыпанная стая—
И снова все кругомъ замретъ...
Лѣсъ розовѣетъ. А въ ворота—
Среди двухъ высохшихъ осинъ—
Глядятъ и синева долины,
И мелколѣсье, и болота,
И даль лиловыхъ деревень...
Какъ хорошо! Но жаль чего-то,
И грустно Осени весь день.

Порой задумчиво выходитъ
Она на солнце изъ воротъ
И бродитъ въ полѣ, и не сводитъ
Очей съ желтѣющихъ болотъ.
Тамъ, по дощинамъ и полянамъ,
Густыхъ кустарниковъ бугры
Раскинулись широкимъ станомъ,
Какъ темно-красные шатры.
Тамъ путь на югъ. Съ нѣмой печалью
На край небесъ глядитъ она,
Гдѣ даль слилась съ небесной далью,
Мечтами тихими полна.
А день уходитъ. Небо ясно,
Прозрачный воздухъ сухъ и тихъ,
Лѣса алѣютъ... И безгласно

Уходитъ свѣтлый день отъ нихъ.
Послѣднія мгновенья счастья!
Ужъ знаетъ Осень, что такой
Глубокій и нѣмой покой—
Предвѣстникъ долгаго ненастья.
Все строже вдаль она глядитъ,
Все рѣзче тайное страданье
Въ ея нѣмыхъ очахъ сквозитъ...
Какое вѣщее молчанье!
Глубоко, странно лѣсъ молчалъ
И на зарѣ, когда съ заката
Пурпурный блескъ огня и злата
Пожаромъ теремъ освѣщаль.
Потомъ угрюмо въ немъ стемнѣло...
Луна восходитъ, а въ лѣсу
Ложатся тѣни на росу...
Вотъ стало холодно и бѣло
Среди полянъ, среди сквозной
Осенней чащи помертвѣлой,
И жутко Осени одной
Въ пустынной тишинѣ почной!

Теперь ужъ тишина другая:
Прислушайся—она растетъ;
А съ нею, блѣдностью пугая,
И мѣсяцъ медленно встаетъ.
Всѣ тѣни сдѣлалъ онъ короче,
Прозрачный дымъ навелъ на лѣсъ—
И вотъ ужъ смотреть прямо въ очи
Съ туманной высоты небесъ.
О, мертвый сонъ осенней ночи!
О, жуткій часъ ночныхъ чудесъ!
Въ серебристомъ и сыромъ туманѣ
Свѣтло и пусто на полянѣ;
Лѣсъ, бѣлымъ свѣтомъ залитой,
Своей застывшей красотой
Какъ будто смерть себѣ пророчить.
Сова, и та молчитъ: сидитъ
Да тупо изъ вѣтвей глядитъ...
Порою дико захохочетъ,
Сорвется съ шумомъ съ высоты,
Взмахнувши мягкими крылами,
И снова сядетъ на кусты
И смотритъ круглыми глазами,

Вода ушастой головой
По сторонамъ, какъ въ изумлени...
А лѣсъ стоитъ въ оцѣпенѣннѣ,
Наполненъ блѣдной, легкой мглой
И листьевъ сыростью гнилой...

На утро слабой и больною
Проснется Осень. На дворѣ
Темно и хмуро. За стѣною
Бушуетъ боръ, какъ въ ноябрѣ...
Теперь ужъ долго не проглянетъ
На небѣ солнце. Дождь и мгла
Холоднымъ дымомъ лѣсъ туманятъ...
Не даромъ эта ночь прошла!
Но Осень затаитъ глубоко
Все, что она пережила
Въ нѣмую ночь, и одиноко
Запрется въ теремѣ своемъ:
Пусть боръ бушуетъ подъ дождемъ!
Пусть мрачны и ненастны ночи,
И на полянѣ волчьи очи
Зеленымъ свѣтятся огнемъ!
Лѣсъ, точно теремъ безъ призора,
Весь потемнѣлъ и полинялъ,
Сентябрь, кружась по чащамъ бора,
Съ него мѣстами крышу снялъ
И входъ сырой листвою усыпалъ;
А тамъ зазимокъ ночью выпалъ
И таять сталъ, все умертвивъ...

Трубятъ рога въ поляхъ далекихъ;
Звенить ихъ мѣдный переливъ,
Какъ грустный вопль, среди широкихъ
Ненастныхъ и туманныхъ нивъ.
Сквозь шумъ деревьевъ, за долиной,
Теряясь въ глубинѣ лѣсовъ,
Угрюмо воетъ рогъ туринный,
Скликая на добычу псовъ,
И звучащий гамъ ихъ голосовъ
Разноситъ бури шумъ пустынный...
Льетъ дождь, холодный, точно ледъ.
Кружатся листья по полянамъ,
И гуси длиннымъ караваномъ
Надъ лѣсомъ держать перелетъ...

Но дни идутъ. Свѣжѣтъ просинь
Студеныхъ далей. Ихъ просторъ
Въ поля инныя тянетъ Осень..
Близка зима, стихаетъ боръ.

И вотъ встаютъ столбами дымы
Въ селѣ на утренней зарѣ;
Лѣса багряны, недвижимы,
Земля въ морозномъ серебрѣ.
И въ горностаевомъ шугаѣ,
Умывши блѣдное лицо,
Послѣдній день въ лѣсу встрѣчая,
Выходитъ Осень на крыльцо.
Дворъ пусть и холоденъ. Въ ворота,
Среди двухъ высохшихъ осинъ,
Видна ей синева долинъ
И ширь пустыннаго болота, —
Дорога на далекій югъ...
Туда отъ зимнихъ бурь и вьюгъ,
Отъ зимней стужи и мятели
Давно ужъ птицы улетѣли;
Туда и Осень поутру
Свой одинокій путь направить
И навсегда въ пустомъ бору
Раскрытый теремъ свой оставить...

Прости же, лѣсъ! Прости, прощай!
День будетъ ласковый, хорошій,
И скоро мягкой порошей
Засеребрится мертвый край.
Какъ будутъ страны въ этотъ бѣлый,
Пустынный и холодный день
И боръ, и теремъ опустѣлый
И крыши тихихъ деревень,
И небеса, и безъ границы
Въ нихъ уходящія поля!
Какъ будутъ рады соболя,
И горностаи, и куницы,
Рѣзвась и грѣясь на бѣгу
Въ сугробахъ мягкихъ на лугу!
А тамъ, какъ буйный плясъ шамана,
Ворвутся въ голую тайгу
Вѣтры изъ тундры, съ океана,
Гудя въ крутящемся снѣгу

И завывая въ полѣ звѣремъ...
Они разрушать старый теремъ,
Оставляютъ колья и потомъ
На этомъ островѣ пустомъ
Повѣсятъ иней сквозные,
Воздвигнуть арки кружевные, —
И будутъ въ небѣ голубомъ
Сіять чертоги ледяные
И хрусталемъ и серебромъ.

А въ ночь, межъ бѣлыхъ ихъ разводовъ,
Взойдутъ огни небесныхъ сводовъ,
Заблещетъ звѣздный щитъ Стожаръ—
Въ тотъ часъ, когда среди молчанья
Морозный свѣтится пожаръ,
Расцвѣтъ Полярнаго Сіянья!

1900.

НА РАСПУТЬѢ.

На распутьѣ въ дикомъ древнемъ полѣ
Черный воронъ на крестѣ сидитъ.
Заросла бурьяномъ степь на волѣ,
И въ травѣ заржавѣлъ старый щитъ.

На распутьѣ люди начертали
Роковую надпись: „Путь прямой
Много бѣдъ готовить, и едва ли
Ты по немъ воротишься домой.

„Путь направо безъ коня оставить,—
Побредешь одинъ и сиръ, и нагъ,—
А того, кто влѣво путь направить,
Встрѣтитъ смерть въ незнаемыхъ поляхъ...”

Жутко мнѣ! Вдали стоятъ могилы...
Въ нихъ бывшее дремлетъ вѣчнымъ сномъ...
„Отзовися, воронъ чернокрылый!
Укажи мнѣ путь въ краю глухомъ.

„Я покинулъ островъ Царь-Дѣвицы,
Сине море, теремъ и сады,
Не ищу я по свѣту Жаръ-Птицы,—
Укажи мнѣ ключъ живой воды!”

Дремлетъ полдень. На тропахъ звѣриныхъ
Тлѣютъ кости въ травахъ. Три пути
Вижу я въ желтѣющихъ равнинахъ...
Но куда и какъ по нимъ итти?

Гдѣ равнина дикая граничитъ?
Кто, пугая чуткаго коня,
Въ тишинѣ изъ синей дали кличетъ
Человѣчьимъ голосомъ меня?

И ужели нѣтъ пути иного,
Гдѣ бы могъ пройти я, не губя
Ни надеждъ, ни счастья, ни былого,
Ни коня, ни самого себя?

Вѣтъ поле тишиной великой!
Мертвецы въ могилахъ древнихъ спятъ.
Очарованъ красотою дикой,
Опускаю я покорно взглядъ.

И одинъ я въ полѣ, и отважно
Жизнь зоветъ, а смерть въ глаза глядитъ...
Черный воронъ сумрачно и важно,
Полусонный, на крестѣ сидитъ.

1900.

В И Р Ь.

Гдѣ ельникъ сумрачный стоитъ
Въ лѣсу зубчатымъ темнымъ строемъ,
Гдѣ старый позабытый скитъ
Манитъ задумчивымъ покоемъ,

Есть птица Вирь. Ея уборъ
Весь сѣро-аспиднаго цвѣта,
Головка въ хохолкѣ, а взоръ
Исполненъ скорбнаго привѣта.

Она такъ жалостно поетъ,
Съ такою нѣжностью глубокой,
Что, если къ скиту забредетъ
Случайно путникъ одинокій,

Онъ не покинетъ тѣ мѣста:
Лѣсъ молчаливый и унылый
И скорбной пѣсни красота
Полны неотразимой силы!

Вирь тихо плачетъ межъ вѣтвей,
Вирь состраданія не знаетъ,
И человѣкъ идетъ за ней
И дней печальныхъ не считаетъ.

Безмолвной жалостью къ себѣ,
Томленьемъ сладостнымъ объятый,
Покорный горестной судьбѣ,
Онъ помнитъ лишь одни закаты.

И вотъ, когда въ лѣсу пустомъ
Горитъ заря, а ельникъ черный
Стоитъ на фонѣ золотомъ
Стѣною траурно-узорной,

Съ какой отрадой ловить онъ
Все, что зарей еще печальнѣй:
Вечерній колокольный звонъ,
Напѣвы женщинъ въ роцѣ дальней,

И гуль сосны, и вѣтерка
Однообразный шелестъ въ чащѣ...
Невыразима ихъ тоска,
И нѣтъ ея больнѣй и слаще!

Когда же лѣсъ, одѣтый тьмой,
Сгустится въ ней, и тьма сольется
Съ его могильной бахромой, —
Вирь въ темнотѣ тревожно вѣтся,
Въ испугѣ бьется средь вѣтвей,
Тоскливо стонетъ и рыдаетъ,
И тѣмъ тоскливѣй, тѣмъ грустнѣй,
Чѣмъ человѣкъ больнѣй страдаетъ...

1900.

ИЗЪ СКАЗКИ.

Все лѣсъ и лѣсъ. А день темнѣетъ;
Низы синѣютъ, и трава
Сѣдой росой въ лугахъ бѣлѣетъ...
Проснулась сѣрая сова.

На западъ сосны вереницей
Идутъ, какъ рать сторожевыхъ,
И солнце мутное Жаръ-Птицей
Горитъ въ ихъ дебряхъ вѣковыхъ.

1899.

К О В Ы Л Ь.

Что ми шумить, что ми звенить
давеча рано предъ зорями?

Сл. о Пл. Игор.

I.

Что шумить-звенить передъ зарею?
Что колышетъ вѣтеръ въ темномъ полѣ?
Холодѣтъ ночь передъ зарею,
Смутно травы шепчутся сухія, —
Сладкій сонъ ихъ нарушаетъ вѣтеръ.
Опускаясь низко надъ полями,
По курганамъ, по могиламъ соннымъ,
Нависаетъ въ темныхъ балкахъ сумракъ.
Блѣдный день надъ сумракомъ забрезжилъ,
И разсвѣтъ ненастный задымился...

Что шумить-звенить передъ зарею?
Что колышетъ вѣтеръ въ темномъ полѣ?
Холодѣтъ ночь передъ зарею,
Сѣрой мглой подернулись балки...
Или это ратный станъ бѣлѣтъ?
Или снова вѣетъ вольный вѣтеръ
Надъ глубоко спящими полками?
Не ковыль ли, старый и сонливый,
Онъ качаетъ, клонить и качаетъ,
Вежи половецкія колышетъ
И бѣжить-звенить старинной былью?

II.

Ненастный день. Дорога прихотливо
Уходитъ вдаль. Кругомъ все степь да степь.
Шумить трава дремотно и лѣнливо,
Нѣмыхъ могилъ сторожевая цѣпь
Среди хлѣбовъ загадочно синѣтъ,
Кричатъ орлы, пустынный вѣтеръ вѣетъ
Въ задумчивыхъ, тоскующихъ поляхъ,
Да тѣнь отъ тучъ кочующихъ темнѣтъ.
А путь бѣжить... Не тотъ ли это шляхъ,
Гдѣ Игоря обозы проходили
На синій Донъ? Не въ этихъ ли мѣстахъ,
Въ глухую ночь, въ яругахъ волки были,

А днемъ орлы на медленныхъ крылахъ
Его въ степи безбрежной провожали
И клеткомъ псовъ на кости созывали,
Грозя ему великою бѣдой?
— Гей, отзовись, степной орелъ сѣдой!
Отвѣть мнѣ, вѣтеръ буйный и тоскливый!
...Безмолвна степь. Одинъ ковыль сонливый
Шуршитъ, склоняясь ровной чередой...
1894.

ПОСЛѢДНЯЯ ГРОЗА.

Не прохладой, не покоемъ,
А истомою и зноемъ
Ночь съ горячихъ пашень вѣсть:
Хлѣбъ во мракѣ ночи зрѣть.
Обступаютъ осторожно
Небо тучи, и тревожно,
Точно жаръ и бредъ недуга,
Набѣгаетъ вѣтеръ съ юга.
Шелестя и торопливо
Волны вѣтра ловить нива,
Страстнымъ шопотомъ привѣта
Провожаетъ ихъ,—и мнится:
Ночь прощается тоскливо
Съ лаской пламеннаго лѣта,
Разметалась и томится...
Блескъ зарницъ ей точно снится,
Мракъ растетъ надъ ней кошмаромъ,
И когда всю степь пожаромъ
Красный сполохъ озаряетъ, —
Въ полѣ чей-то призракъ темный,
Величавый и огромный,
На мгновенье вырастаетъ,
Чьи-то очи ярко блещутъ,
Содрогаясь отъ усиля,
И раскинуты крылья
За плечомъ его трепещутъ.
Какъ тотъ блескъ ее пугаетъ!
Точно въ страхѣ пробѣгаетъ
Знойный шелестъ по бурьяну...
Быть большому урагану!

Ужъ надъ этимъ смутнымъ шумомъ
Все слышнѣй, какъ за горою
Дальнѣй громъ ворчитъ порою,
Какъ въ величїи угрюмомъ,
Потрясая своды неба,
Онъ проходитъ тяжкимъ гуломъ
Надъ шумящимъ моремъ хлѣба...

Скоро бѣшенымъ разгуломъ
Въ полѣ вѣтеръ понесется,
Скоро громъ смѣлѣе грянетъ,
Жуткимъ блескомъ даль зажжется,
Ночь испуганно воспрянетъ,
Ночь порывисто очнется—
И обильными слезами
Вся тоска ея прольется!

А на утро надъ полями
Солнце грустно улыбнется,—
Озарить ихъ на прощанье,
И на нивы, на селенья
Ляжетъ кроткое смиренье
Тишины и увяданья.

1900.

КОСТЕРЪ.

Ворохъ листьевъ сухихъ все сильнѣй, веселѣй разгорается,
И трещить, и пылаетъ костеръ.
Пышетъ пламя въ лицо; теплый дымъ на вѣтру развѣвается,
Затянулъ весь лѣсной косогоръ.

Лѣсъ гудитъ на горѣ, низко гнутся березы вѣтвистыя,
Межъ стволами качается тѣнь...

Блескомъ, шумомъ листвы наполняетъ лѣса золотистые
Этотъ солнечный вѣтреный день.

А въ долину — затишье, свѣтло отъ орѣшника яркаго,
И по свѣтлой долину лѣсной
Тянетъ гарью сухой отъ костра распаленнаго, жаркаго,
Развѣвается дымъ голубой.

Камни, заросли, рвы. Лучезарнымъ тепломъ очарованный,
Въ полуснѣ я лежу у куста...
Странно желтой листвою озаренъ этотъ долъ заколдованный,
Эти лѣси, глухія мѣста!

Вѣтеръ стоны несетъ... Не собаки ль вдали заливаются?
Не рога ли тоскуютъ, вопятъ?
А вершины шумятъ, а вершины скрипятъ и качаются,
Однотонно шумятъ и скрипятъ...

17. IX. 95.

Лѣсъ Жемчужникова.

* * *

Не видно птицъ. Покорно чахнетъ
Лѣсъ, опустѣвшій и больной.
Грибы сошли, но крѣпко пахнетъ
Въ оврагахъ сыростью грибной.

Глушь стала ниже и свѣтлѣе,
Въ кустахъ — свалялася трава,
И, подъ дождемъ осеннимъ тлѣя,
Чернѣетъ мокрая листва.

И далеко въ лѣсу багряномъ
Кустарникъ виденъ по горѣ
И лугъ, синѣющій туманомъ
На ранней утренней зарѣ...

А въ полѣ — вѣтеръ. День холодный
Угрюмъ, но свѣжъ, — и цѣлый день
Скитаюсь я въ степи свободной,
Вдали отъ селъ и деревень.

Тѣснятся тучи небосводомъ,
Синѣетъ рѣзко даль подъ нимъ
И бодро конь идетъ по всходамъ,
По взметамъ, вязкимъ и сырымъ.

И, убаюканъ шагомъ коннымъ,
Съ отрадной грустью внемлю я,
Какъ вѣтеръ звономъ монотоннымъ
Гудитъ-поетъ въ дуло ружья.

1898.

ВЪ ОТЪБЪЗЖЕМЪ ПОЛѢ.

Сумракъ ночи къ западу уходитъ,
Сѣрой мглой надъ черной пашней бродитъ,
По бурьянамъ стелется къ землѣ...
Звѣзды стали тусклы и далеки,
Небеса — туманны и глубоки,
Но востокъ ужъ виденъ въ полумглѣ.

Лошади продрогли. Сѣверъ дышитъ
Вѣтромъ ночи и полынь колышетъ...
Вотъ и утро! — Въ коленяхъ дорогъ
Грязь чернѣетъ, лужи заалѣли...
Томно псы голодные зашѣли...
Встань, труби въ холодный, звонкій рогъ!

Старыхъ предковъ я наслѣдье чую,
Звѣремъ въ полѣ осенью ночую,
На зарѣ добычи жду... Скудна
Жизнь моя, расцвѣтшая въ неволѣ,
И хочу я слѣпо въ дикомъ полѣ
Силу страсти вычерпать до дна!

1900.

Р О Д И Н А.

Подъ небомъ мертвенно-свинцовымъ
Угрюмо меркнетъ зимній день,
И нѣтъ конца лѣсамъ сосновымъ,
И далеко до деревень.

Одинъ туманъ молочно-синій,
Какъ чья-то кроткая печаль,
Надъ этой снѣжною пустыней
Смягчаетъ сумрачную даль.

1896.

* * *

Вьется путь въ снѣгахъ, въ степи широкой.
Вотъ — луга и надъ оврагомъ мостъ,
Подъ горой — поселокъ одинокій,
На горѣ — заброшенный погостъ.

Ни души въ поселкѣ; не краснѣютъ
Изъ-подъ крышъ вечерніе огни;
Слѣпо срубы въ сумеркахъ чернѣютъ...
Знаю я, — покинуты они.

Пахнетъ въ нихъ холодною золою,
Въ печку провалилася труба,
И давно ужъ смотреть нежилою,
Мертвой и холодною изба.

Подъ застрѣхи вѣтеръ жесткій дуетъ,
Сыплеть снѣгомъ... Только онъ одинъ
О тебѣ, родимый край, тоскуетъ
Посреди пустыхъ твоихъ равнинъ!

Мы спѣшимъ, мы ищемъ лучшей доли,
Мы хотимъ, чтобъ это стало сномъ —
И погостъ, и вѣшки въ бѣломъ полѣ,
И пустыня въ сумракѣ ночномъ.

Путь бѣжить, въ степи мятель играть,
Хмуро сходить долгой ночи тѣнь...
О, пускай скорѣе умираетъ
Этотъ жуткій, этотъ тусклый день!

1897.

НОЧНАЯ ВЬЮГА.

Когда на темный городъ сходить
Въ глухую ночь глубокой сонъ,
Когда мятель, кружась, заводитъ
На колокольняхъ перезвонъ,—

Какъ жутко сердце замираетъ!
Какъ заунывно въ этотъ часъ,
Сквозь вопли бури, долетаетъ
Колоколовъ невнятный гласъ!

Миръ опустѣлъ... Земля остыла...
А вьюга трупы замела
И вѣтромъ звѣзды загасила,
И бьетъ во тьмѣ въ колокола.

И на пустынномъ, на великомъ
Погостѣ жизни міровой
Кружится Смерть въ весельѣ дикомъ
И развѣваетъ саванъ свой!

1895.

* * *

Ночь и даль сѣдая,—
Въ инеѣ лѣса.
Звѣздами мерца,
Свѣтятъ небеса.

Звѣздный свѣтъ блѣстѣтъ,
И земля окрестъ
Стынетъ-цѣпенѣтъ
Въ млечномъ свѣтѣ звѣздъ.

Тишина пустыни...
Четко за горой
На рѣкѣ въ долину
Треснетъ ледъ порой...

Метеоръ зажжется,
Озаряя снѣгъ...
Шорохъ пронесется —
Звѣря легкій бѣгъ...

И опять — молчанье...
Въ блѣдной мглѣ равнинѣ,
Затаивъ дыханье,
Я стою одинъ.

1896.

В Ъ Ф Е В Р А Л Ъ.

А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ.

Свѣжѣютъ съ каждымъ днемъ и молодѣютъ сосны,
Чернѣтъ лѣсъ, синѣтъ мягко даль, —
Сдается наконецъ сырымъ вѣтрамъ февраль,
И потемнѣлъ въ лощинахъ снѣгъ наносный.

На гумнахъ и въ саду по-зимнему покой
Царитъ въ затишѣ дѣдовскихъ строеній,
Но что-то тянетъ въ залъ, холодный и пустой,
Гдѣ пахнетъ сыростью весенней.

Сквозь стекла потныя заклеенныхъ дверей
Гляжу я на балконъ, гдѣ снѣгъ еще навалентъ,
И голый, мокрый садъ теперь мнѣ не печалентъ, —
На гнѣзда въ сучьяхъ липъ опять я жду грачей.

Жду, какъ въ тюрьмѣ, давно желанной воли,
Тумановъ мартовскихъ, чернѣющихъ бугровъ,
И свѣта, и тепла отъ бѣлыхъ облаковъ,
И первыхъ жаворонковъ въ полѣ!

1892.

ВЕСЕННЕЕ.

Таесть снѣгъ — и солнце ярко
Блещетъ въ полдень надъ полями;
Въ блескѣ солнца влажный вѣтеръ
По лѣсамъ-полямъ гуляетъ.
По поля еще пустынны,
Но лѣса еще безмолвны;
Только сосны, точно арфы,
Напѣвають однотонно.
И подъ ихъ напѣвъ неясный,
Въ заповѣдныхъ чащахъ бора
Сладко спать весна-царевна
Въ бѣлоснѣжномъ саркофагѣ.
Спать, — а скоро ужъ въ долинахъ
Солнце бѣлый снѣгъ растопить,
И пойдутъ бурлить потоки
По долинамъ и оврагамъ.
Налетятъ лѣсныя птицы,
Зашумятъ грачи, а съ ними —
Зацвѣтутъ, зазеленѣютъ,
Оживутъ лѣса и рощи.
И придетъ апрѣль-царевичъ
Изъ заморскихъ странъ далекихъ
На зарѣ, когда въ долинахъ
Тають синіе туманы,
На зарѣ, когда отъ солнца
Пахнетъ лѣсъ зеленой хвоей,
Пахнетъ теплою землею
И апрѣльскими цвѣтами,
И склонится онъ съ улыбкой
Надъ царвною безмолвной
И прильнетъ къ устамъ царевны
Крѣпко жаркими устами,
И она въ испугъ вздрогнетъ,
Разомкнетъ свои рѣсницы,
Глянетъ, вспыхнетъ — и улыбкой
Озаритъ весь міръ влюбленный!

1893.

* * *

Бушуетъ полая вода,
Шумитъ и глухо, и протяжно.

Грачей пролетныя стада
Кричатъ и весело, и важно.

Дымятся черныя бугры,
И утромъ въ воздухѣ нагрѣтомъ
Густыя бѣлыя пары
Напоены тепломъ и свѣтомъ.

А въ полдень лужи подъ окномъ
Такъ разливаются и блещутъ,
Что яркимъ солнечнымъ пятномъ
По залу „зайчики“ трепещутъ.

Межъ круглыхъ рыхлыхъ облаковъ
Невинно небо голубѣетъ,
И солнце ласковѣе грѣетъ
Въ затишьѣ гуменъ и дворовъ.

Весна, весна! И все ей радо.
Какъ въ забытьѣ какомъ стоишь
И слышишь свѣжій запахъ сада
И теплый запахъ талыхъ крышъ.

Кругомъ вода журчитъ, сверкаетъ,
Крикъ пѣтуховъ звучитъ порой,
А вѣтеръ, мягкій и сырой,
Глаза тихонько закрываетъ.

1892.

Т Р И Н О Ч И.

Старый садъ всю ночь гудѣлъ угрюмо,
Дождь шумѣлъ и, словно капли слезъ,
Падалъ онъ въ холодный снѣгъ на землю
Съ голыхъ сучьевъ стонущихъ березъ.

По лѣснымъ трущобамъ и оврагамъ,
По полямъ, пустыннымъ и глухимъ,
Первые весенніе туманы
Расползались медленно, какъ дымъ.

И лѣса сѣдой одѣлись мглою,
На озерахъ поднялися льды,
И долины грозно потемнѣли
Отъ свинцовой мартовской воды...

А другая ночь—все побѣдила:
Вѣтеръ снесъ сырой туманъ съ полей,
Загорѣлись звѣзды, и въ долинахъ
Зашумѣли воды веселѣй.

До зари кричали хлопотливо
Въ ближней рощѣ черные грачи,
Старый садъ и тихую усадьбу
Оглашали столами сычи.

И темнѣй ночное было небо—
Издалека въ темнотѣ ночной
Вѣяло весеннимъ ароматомъ,
Вѣяло грядущею весной...

И недолги были ожиданья:
За день вся природа ожила!
Вечеръ былъ задумчивъ и прекрасенъ
И заря, какъ лѣтняя, тепла.

А когда померкъ закатъ далекій,
Вспомнилась мнѣ молодость моя,
И окно открылъ я, и забылся,
Въ сердцѣ грусть и радость затая.

Понялъ я, что юной жизни тайна
Въ міръ пришла подъ кровомъ темноты,
Что весна вернулась—и незримо
Вырастаютъ первые цвѣты.

1889—97.

ВЪ ГЕӨСИМАНСКОМЪ САДУ.

... И въ этотъ часъ, гласитъ преданье,
Когда, сомнѣніемъ томимъ,
Изнемогалъ Онъ отъ страданья,
Все преклонилось передъ Нимъ.

Затихла ночь въ благоговѣньи,
И слышалъ Онъ: „Моихъ вѣтвей
Колючій тернъ—вѣнцомъ мученья
Возложатъ на главѣ Твоей;

„Но тернъ короною зеленой
Чело святое обовѣтъ,—
Въ міръ подъ страдальческой короной,
Какъ Царь царей, Господь войдетъ!“

И кипарисъ, надъ Нимъ шумящій,
Ему шепталъ во тѣмѣ ночной:
„Благословенъ Господь скорбящій,—
Великъ и славенъ подвигъ Твой!

„Я вознесу надъ всей вселенной
Мой тяжкій крестъ, и на крестѣ
Весь міръ узритъ Тебя, Смиренный,
Въ неизреченной красотѣ!“

Но снова Онъ въ тоскѣ склонялся,
Но снова Онъ скорбѣлъ душой—
И вѣтеръ ласковой струей
Его чела въ тиши касался:

„О, подними Свой грустный взоръ!
Въ часъ скорби, въ темный часъ страданья
Прохлады свѣжее дыханье
Я принесу съ долинъ и горъ,

„Я нѣжной лаской аромата
Твои мученья облегчу,
Я отъ востока до заката
Твои глаголы возвѣщу!“

1894.

* * *

Христосъ воскресъ!—Опять съ зарею
Рѣдѣтъ долгой ночи тѣнь,
Опять зажегся надъ землею
Для новой жизни новый день.

Еще чернѣютъ чащи бора;
Еще въ тѣни его сырой,
Какъ зеркала, стоятъ озера
И дышатъ свѣжестью ночной;

Еще въ синѣющихъ долинахъ
Плывутъ туманы... Но смѣтри:
Уже горятъ на горныхъ льдинахъ
Лучи огнистые зари!

Они въ выси пока сіяютъ,
Недостижимой, какъ мечта,
Гдѣ голоса земли смолкаютъ
И непорочна красота.

Но, съ каждымъ часомъ приближаясь
Изъ-за алѣющихъ вершинъ,
Они заблещутъ, разгораясь,
И въ тьму лѣсовъ и въ глубь долинъ;
Они взойдутъ въ красѣ желанной
И возвѣстятъ съ высотъ небесъ,
Что день насталъ обѣтованный,
Что Богъ воистину воскресъ!

1896.

* * *

Догорѣлъ апрѣльскій свѣтлый вечеръ,
По лугамъ холодный сумракъ легъ.
Спятъ грачи; далекій шумъ потока
Въ темнотѣ таинственно заглохъ.

Но свѣжѣе пахнетъ зелеными
Молодой озябшій черноземъ,
И струится чище надъ полями
Звѣздный свѣтъ въ молчаніи nocturno.

По лощинамъ, звѣзды отражая,
Ямы свѣтятъ тихою водой,
Журавли, другъ друга окликая,
Осторожной тянутся гурьбой.

А Весна въ зазеленѣвшей рощѣ
Ждетъ зари, дыханіе затая,—
Чутко внемлетъ пороку деревьевъ,
Зорко смотритъ въ темныя поля.

1892.

* * *

Одинъ встрѣчаю я дни радостной недѣли,—
Въ глуши, на сѣверѣ... А тамъ у васъ весна:
Растаялъ въ полѣ снѣгъ, лѣса повеселѣли,
Даль заливныхъ луговъ лазурна и ясна;
Стыдливо бѣлая береза зеленѣетъ,
Проходятъ облака все выше и нѣжнѣй,
А вѣтеръ сушить садъ и мягко въ окна вѣетъ
Тепломъ апрѣльскихъ дней...

1889.

ПОСЛѢ ПОЛОВОДЬЯ.

Прошли дожди, апрѣль теплѣетъ.
Всю ночь—туманъ, а поутру
Весенній воздухъ точно млѣетъ
И мягкой дымкою синѣетъ
Въ далекихъ просѣкахъ въ бору.

И тихо дремлетъ боръ зеленый.
И въ серебрѣ лѣсныхъ озеръ—
Еще стройнѣй его колонны,
Еще свѣжѣе сосенъ кроны
И нѣжныхъ лиственницъ узоръ!
1900.

* * *

Въ сторонѣ далекой отъ родного края
Снится мнѣ приволье тихихъ деревень,
Въ полѣ при дорогѣ бѣлая береза,
Озими да пашни—и апрѣльскій день.
Ласково синѣетъ утреннее небо,
Легкой бѣлой зыбью облака плывутъ,
Важно грачъ гуляетъ за сохой на пашнѣ,
Паръ блеститъ надъ пашней... А кругомъ поютъ
Жаворонки въ ясной вышинѣ воздушной
И на землю съ неба звонко трели льютъ.

Въ сторонѣ далекой отъ родного края
Дѣвушкой-невѣстой снится мнѣ Весна:
Очи голубые, личико худое,
Стройный станъ высокій, русая коса
Весело ей въ полѣ теплымъ, яснымъ утромъ!
Милъ ей край родимый,—степь и тишина,
Милъ ей бѣдный сѣверъ, мирный трудъ крестьянскій,
И съ привѣтомъ смотреть на поля она:
На устахъ улыбка, а въ очахъ раздумье—
Юности и счастья первая весна!
1893.

* * *

За рѣкой луга зазеленѣли,
Вѣетъ легкой свѣжестью воды;
Веселѣй по рощамъ зазвенѣли
Пѣсни птицъ на разные лады.

Вѣтерокъ съ полей тепло приносить,
Горькій духъ лозины молодой...
О, весна! Какъ сердце счастья просить!
Какъ сладка печаль моя весной!

Кротко солнце листья пригрѣваетъ
И дорожки мягкія въ саду...
Не пойму, что душу раскрываетъ,
И куда я медленно бреду!

Не пойму, кого съ тоской люблю я,
Кто мнѣ дорогъ... И не все ль равно?
Счастья жду я, мучась и тоскуя,
Но не вѣрю въ счастье ужъ давно!

Горько мнѣ, что я безплодно трачу
Чистоту и нѣжность лучшихъ дней,
Что одинъ я радуюсь и плачу
И не знаю, не люблю людей.

Горько мнѣ, что сердце такъ устало,
А душа горячихъ силъ полна,
Что для сердца скорбнаго настала,
Можетъ-быть, послѣдняя весна.

1893.

ВЪ М А Ъ.

Все темнѣй и кудрявѣй березовый лѣсъ зеленѣетъ;
Колокольчики ландышей въ чащѣ зеленой цвѣтутъ;
На разсвѣтѣ въ долинахъ тепломъ и черемухой вѣетъ,
Соловьи до разсвѣта поютъ.

Скоро Троицынъ день, скоро пѣсни, вѣнки и покосы...
Все цвѣтетъ и поетъ, молодыя надежды тая...
О, весеннія зори и теплыя майскія росы!
О, далекая юность моя!

1900.

* * *

Зной,—но ясно лазурное небо глядится
По-весеннему въ свѣтлыя воды рѣки,
На лугахъ заливныхъ тонкій паръ золотится,
И рыбалки блестятъ, и кричатъ кулики.

Лѣсъ зеленый кругомъ—молодой и росистый,
А въ лѣсу тишина; и среди тишины—
Только голосъ кукушки. Вѣщунъ голосистый!
Отзовись, доживу ли до новой весны?

И приду ли опять въ этотъ лѣсъ, напоенный
Ароматомъ весеннимъ и блескомъ лучей,
Буду ль снова считать въ чащѣ темно-зеленой,
Сколько свѣтлыхъ еще мнѣ осталось дней?

Буду ль снова внимать тебѣ съ грустью глубокой,
Съ тайной грустью въ душѣ, что проходятъ года,
Что весь міръ я люблю, но люблю одиноко,—
Одиноко вездѣ и всегда?

1891.

НОВОЛУНІЕ.

Народился мѣсяцъ молодой.
Робко онъ весенними зарями
Свѣтитъ надъ зеркальною водой,
По садамъ сіяя межъ вѣтвями.

Не угасъ еще вдали закатъ,
И листва сквозитъ узоромъ четкимъ,
А подъ ней ужъ серебрится садъ
Свѣтомъ и таинственнымъ, и кроткимъ.

Тихій прудъ среди кудрявыхъ вербъ
Озарился, блестками играя...
Но настала ночь—и лунный серпъ
Угасаетъ, точно умирая.

Завтра онъ зарею выйдетъ вновь
И опять напомнить, одинокій,
Мнѣ весну и первую любовь
И твой образъ, милый и далекій...

1900.

СОЛОВЬИ.

То разрастаясь, то слабѣя,
Громъ за усадьбой грохоталъ,
Умѣла тополей аллея,
На стекла сумракъ набѣгалъ.

Все ниже тучи наплывали;
Все ощутительнѣй, свѣжѣй
Порывы вѣтра сбѣгвали
Дождемъ и запахомъ полей.
Въ поляхъ хлѣба къ межамъ клонились...
А изъ лощинъ и изъ садовъ—
Отвсюду съ вѣтромъ доносились
Напѣвы раннихъ соловьевъ.

Но вотъ по тополямъ и кленамъ
Холодный вихорь пролетѣлъ...
Сухой бурьянъ зашелестѣлъ,
Окно захлопнулось со звономъ,
Блеснула молнія стнемъ...
И вдругъ надъ самой крышей дома
Раздался трескъ короткій грома
И тяжкій грохотъ... Все кругомъ
Затихло сразу и глубоко,
Садъ потемнѣвшій присмирѣлъ,—
И благодатно и широко
Весенній ливень зашумѣлъ.
На межи низко наклонились
Хлѣба въ поляхъ... А изъ садовъ
Все такъ же звучно доносились
Напѣвы раннихъ соловьевъ.

Когда же, медленно слабѣя,
Дождь отшумѣлъ и замеръ громъ,
Ночь переполнила аллеи
Благоуханьемъ и тепломъ.
Наръ, неподвижный и пахучій,
Стоялъ въ хлѣбахъ. Спала земля.
Заря чуть теплилась подъ тучей
Полоской алаго огня.
А изъ лощинъ, гдѣ распускались
Во тьмѣ цвѣты, и изъ садовъ
Лились и въ чащахъ отдавались
Все ярче пѣсни соловьевъ.

1892.

* * *

Снова сонъ, плѣнительный и сладкій,
Снится мнѣ и радостью пьянить,—
Милый взоръ зоветъ меня украдкой,
Ласковой улыбкою манить.

Знаю я,—опять меня обманетъ
Этотъ сонъ при первомъ блескѣ дня,
Но пока печальный день настанетъ,
Улыбнись мнѣ—обмани меня!

1898.

Счастливъ я, когда ты голубыя
Очи поднимаешь на меня:
Свѣтятъ въ нихъ надежды молодыя—
Небеса безоблачнаго дня.

Горько мнѣ, когда ты, опуская
Темныя рѣсницы, замолчишь:
Любишь ты, сама того не зная,
И любовь застѣнчиво таишь.

Но всегда, вездѣ и неизмѣнно
Близъ тебя свѣтла душа моя...
Милый другъ! О, будь благословенна
Красота и молодость твоя!

1898.

НА ПРУДѢ.

Яснымъ утромъ на тихомъ прудѣ
Рѣзво ласточки рѣютъ кругомъ,
Опускаются къ самой водѣ,
Чуть касаются влаги крыломъ.

На лету онѣ звонко поютъ,
А вокругъ зеленѣютъ луга,
И стоитъ, словно зеркало, прудъ,
Отражая свои берега.

И, какъ въ зеркалѣ, межъ тростниковъ,
Съ береговъ опрокинулся лѣсъ,
И уходитъ узоръ облаковъ
Въ глубину отраженныхъ небесъ.

Облака тамъ нѣжны и бѣлы,
Глубина—безконечна, свѣтла...
И доносится мѣрно съ полей
Надъ водой тихій звонъ изъ села.

1887—93.

Когда деревья въ свѣтлый майскій день
Дорожки осыпаютъ бѣлымъ цвѣтомъ,
И вѣтерокъ въ аллеѣ, полной свѣтомъ,
Струить листвы узорчатую тѣнь,
Я свой привѣтъ изъ тихихъ деревень
Шлю дѣвушкамъ и юношамъ-поэтамъ:
Пусть встрѣтитъ жизнь ихъ ласковымъ привѣтомъ,
Пусть будетъ свѣтелъ ихъ весенній день,
Пусть ихъ мечты развѣетъ бѣлымъ цвѣтомъ!

Мнѣ хорошо, мнѣ грустно и легко
Тогда мечтать про молодость былую,
Мнѣ радостно, что я еще тоскую
О томъ, что невозвратно-далеко.
Свой первый май невесело и бѣдно
И встрѣтилъ я и навѣкъ проводилъ,
Но я любилъ, надѣялся, грустилъ—
И не прошла весна моя безслѣдно.
Я не забылъ ея святой привѣтъ,
Я зналъ ея несбыточные грезы,
Я до сихъ поръ сквозь радостныя слезы
Гляжу на ихъ недолгій, пѣжрый цвѣтъ!

1900.

ТРОИЦА.

Гудящій благовѣстъ къ молитвѣ призываетъ,
На солнечныхъ лучахъ надъ нивами звенить;
Даль заливныхъ луговъ въ лазури утопаетъ,
И рѣчка на лугахъ сверкаетъ и горитъ.
А на селѣ съ утра идетъ обѣдня въ храмѣ:
Зеленою травой усыпанъ весь амвонъ,
Алтарь, сіяющій и убранный цвѣтами,
Антарнымъ блескомъ свѣтъ и солнца озаренъ.
И звонко хоръ поетъ, веселый и нестройный,
И въ окна вѣтерокъ приноситъ аромат...
Твой нынче день насталъ, усталый, кроткій братъ,
Весенній праздникъ твой, и свѣтлый и спокойный!
Ты нынче съ трудовых засѣянныхъ полей
Принесъ сюда въ дары простыя приношенья:
Гирлянды молодыхъ березовыхъ вѣтвей,
Печали тихій вздохъ, молитву—и смиренье.

1893.

* * *

Лѣсъ шумить невнятнымъ, ровнымъ шумомъ...
Лепеть листьевъ клонить въ сонъ и лѣнь...
Цѣтухи въ далекой караулѣ
Распѣваютъ про весенній день.

Лѣсъ шумить невнятнымъ, тихимъ шумомъ...
Хорошо и беззаботно мнѣ
На травѣ, среди березъ зеленыхъ,
Въ тихой и безвѣстной сторонѣ!

Такъ привыкъ я къ горю и заботамъ,
Что мнѣ страненъ этотъ ясный день,
Точно долженъ упрекнуть себя я
И за эту радость, и за лѣнь.

Но укоръ въ улыбкѣ замираетъ...
Лѣсъ шумить, дрожитъ узоръ тѣней...
Убѣгаетъ свѣтлый лепеть листьевъ,
Тихій лепеть свѣтлыхъ дѣтскихъ дѣсей!

1900.

* * *

Крупный дождь въ лѣсу зеленомъ
Прошумѣлъ по стройнымъ кленамъ,
По лѣснымъ цвѣтамъ...
Слышишь?—Звонко пѣсня льется,
Беззаботный раздается
Голосъ по лѣсамъ.

Крупный дождь въ лѣсу зеленомъ
Прошумѣлъ по стройнымъ кленамъ,
Глубь небесъ ясна...
Въ каждомъ сердцѣ возникаетъ,—
И томить, и увлекаетъ
Образъ твой, Весна!

О, надежды золотыя!
Рощи темныя, густыя
Обманули васъ...
Голосъ нѣжный и призывный!
Прозвучалъ ты пѣсней дивной—
И въ дали угасъ!

1893.

Не пугай меня грозою:

Весель грохотъ внешнихъ бурь!
Послѣ бури надъ землею
Свѣтитъ радостнѣй лазурь,
Послѣ бури, молодѣя
Въ блескѣ новой красоты,
Ароматнѣй и пышнѣе
Распускаются цвѣты!

Но страшить меня ненастье:

Горько думать, что пройдетъ
Жизнь безъ горя и безъ счастья,
Въ суетѣ дневныхъ заботъ,
Что увянуть жизни силы
Безъ борьбы и безъ труда,
Что сырой туманъ унылый
Солнце скроетъ навсегда!

1888.

Вдали еще гремитъ, но тучи ужъ свалились,
Какъ горы дымныя, идутъ онѣ на югъ.
Опять лазурь ясна, опять весна вокругъ,
И яркимъ солнцемъ чащи озарились.

Изъ-за лѣсныхъ вершинъ далекой церкви шпигъ
Горячимъ золотомъ трепещетъ и сверкаетъ,
Звенятъ въ низахъ ручьи и льется пѣнье птицъ,
А на полянахъ снова припекаетъ.

Густѣетъ облаковъ волнистое руно;
Они сдвигаются, спускаются все ниже—
И вотъ ужъ солнца нѣтъ: опять въ лѣсу темно,
Дождь зашумѣлъ—и все слышнѣй и ближе.

Нахохлясь, птицы спятъ, и тихо лѣсъ стоитъ
И точно чувствуетъ, счастливый и покорный,
Какъ много свѣжести и силы благотворной
Весенняя гроза въ себѣ таитъ!

1900.

* * *

Какъ флеромъ даль полей закрывъ на полчаса,
Прошелъ внезапный дождь косыми полосами—
И снова глубоко синѣютъ небеса
Надъ освѣженными лѣсами.

Тепло и влажный блескъ. Запахли медомъ ржи,
На солнцѣ бархатомъ пшеницы отливаютъ,
И въ зелени вѣтвей, въ березкахъ у межи,
Безпечно иволги болтаютъ.

И весель звучный лѣсъ, и вѣтеръ межъ березъ
Ужъ вѣетъ ласково, а бѣлая березы
Роняютъ тихій дождь своихъ алмазныхъ слезъ
И улыбаются сквозь слезы.

1889--95.

* * *

Туча растаяла. Влажнымъ тепломъ
Вѣетъ весенняя ночь надъ селомъ;
Вѣтеръ приноситъ съ полей ароматъ,
Слабо алѣетъ за степью закатъ.

Тонкій туманъ надъ стемнѣвшей рѣкой
Легъ серебристою нѣжной фатой,
И за рѣкою, въ неясной тѣни,
Робко блестятъ золотые огни.

Въ тихомъ саду замолчалъ соловей;
Падаютъ капли во мракъ съ вѣтвей;
Пахнетъ черемухой...

1888.

* * *

Звѣзды ночью весенней нѣжной,
Соловьи осторожнѣй поютъ...
Я люблю эти темныя ночи,
Эти звѣзды, и клены, и прудъ.

Ты, какъ звѣзды, чиста и прекрасна...
Радость жизни во всемъ я ловлю—
Въ звѣздномъ небѣ, въ цвѣтахъ, въ ароматахъ...
Но тебя я нѣжной люблю.

Лишь съ тобою одною я счастливъ,
И тебя не замѣнитъ никто:
Ты одна меня знаешь и любишь,
И одна понимаешь—за что!

1898

* * *

Какъ свѣтла, какъ нарядна весна!
Погляди мнѣ въ глаза, какъ бывало,
И скажи: отчего ты грустна?
Отчего ты такъ ласкова стала?
Но молчишь ты, слаба, какъ цвѣтокъ...
О, молчи! Мнѣ не надо признанья:
Я узналъ эту ласку прощанья,—
Я опять одинокъ!

1899.

Л И Л І И.

А. АСНЫКА.

Золотые кудри въ косы
Панночка плететъ;
Заплетаючи, въ раздумьѣ
Пѣсенку поетъ:
Темной ночью бѣлыхъ лилій
Сонъ неясный тихъ.
Вѣтерокъ ночной прохладой
Обвѣваетъ ихъ.
Ночь ихъ чашечки закрыла,
Ночь хранить цвѣты
Въ одѣяніи невинной,
Чистой красоты,
И сказала: спите, спите
Въ этотъ тихій часъ!
День настанетъ—солнца пламень
Сгубить, сгубить васъ!
Дня не ждите,—безконеченъ
Знойный день, а сонъ,
Счастья сонъ недолговѣченъ
И умчится онъ.

Но, таинственно вливая
Холодокъ ночной,
Къ солнцу тянутся, къ востоку
Лилии съ тоской.

Ждутъ, чтобъ солнце блескомъ алымъ
И тепломъ своимъ
Нѣжно бѣлые бокалы
Растворило имъ.

И напрасно ночь лепѣтъ
Каждый лепестокъ—
Грезить дѣвушка о миломъ,
Солнца ждетъ цвѣтокъ!

1893.

ВЕЧЕРНЯЯ МОЛИТВА.

МОТИВЪ СЕНКЕВИЧА.

Небеса проповѣдуютъ славу Божию, и
о дѣлахъ рукъ Его вѣщаетъ твердь. День
дню передаетъ рѣчь, и ночь ночи открыва-
етъ знаніе. Псал. 18.

Солнце уходитъ въ далекія страны,
Въ сумракъ ночной, за лѣса и моря.
Въ темныхъ лѣсахъ засинѣли туманы,
Въ морѣ горитъ золотая заря.

День угасаетъ. Дневныя заботы
Съ тихой зарей забываетъ земля,
Пахарь усталый вернулся съ работы,
Въ теплой росѣ засыпаютъ поля.

Вотъ потянулись птицъ караваны...
Какъ необъятны зарей небеса!
Солнце уходитъ въ далекія страны,
Въ сумракъ ночной, за моря и лѣса...

Темнѣетъ храмъ лѣсовъ. И кроткій и веселый,
Вечерній льется свѣтъ въ лѣсную глубину.
Дремотно-ласково жужжатъ на солнцѣ пчелы,
Кончая мирный день и отходя ко сну.

Клубится мошекъ рой. Задумчиво зѣваютъ
Свой жалобный концертъ лѣсные комары...
Но гаснетъ, гаснетъ свѣтъ... Изъ листьевъ и коры
Ночныя бабочки угрюмыя выходятъ...

Стихаетъ дятловъ стукъ... Съ заката потянулъ
Неясный вѣтерокъ... Закатъ еще краснѣетъ,
Но близокъ часъ ночной—и храмъ лѣсовъ темнѣетъ,
И подымается чуть слышный, смутный гулъ.

То рать отцовъ-дубовъ заводитъ разговоры,
То на вечерній гимнъ скликаются лѣса...
И вотъ оконченъ день: въ торжественные хоры
Сливаются лѣсные голоса.

„Сестры, возрадуйтесь! День благодатный,
Тихій и теплый, Господь даровалъ.
Славой Господней огонь предзакатный,
Славой небесною Западъ пылалъ.

„Звѣздную ночь намъ Творецъ посылаетъ,
Темной землѣ Онъ огни засвѣтилъ,
Сонъ безмятежный для насъ наступаетъ...
Дивны вѣлѣнія Господа Силь!“

Мгновеніе молчатъ во мракѣ сосны,
Мгновенье—и звучитъ согласно по лѣсамъ:
„Господь, Господь! Какъ ладанъ росный,
Благоухаетъ нашъ бальзамъ.

„И ароматъ любвеобильный
Мы изливаемъ въ теплой мглѣ
Тебѣ, Господь, Тебѣ, Всесильный
На небесахъ и на землѣ!“

Тихой пѣсней имъ вторять березы вѣтвистыя:
„Отче нашъ! При сіяньи озеръ
Зори свѣтлыя, зори огнистыя
Золотятъ нашъ зеленый уборъ.

„И подъ ласкою вѣтра цѣлебною
Наши тонкія вѣтви шумятъ,
И Тебѣ онѣ арфой хвалебною,
Нашей радостной пѣсней звучать!“

И кончаютъ грустною мольбою
Пихты, погруженные во мглу:
„Сестры! Братья! Радуйтесь покою
И творите Господу хвалу!

„Истомилъ насъ день тяжелымъ зноемъ,
Но темнѣютъ, меркнутъ небеса,
Вѣетъ ночь прохладой и покоемъ,
Падаетъ вечерняя роса!“

И смолкаетъ весь міръ, забывается сномъ благодатнымъ.
Гаснутъ вспышки зарницъ. А изъ влажнаго мрака лѣсовъ,
Замирая, звучить отъ земли къ небесамъ необъятнымъ
Отдаленный хораль голосовъ,—

Въ высь, гдѣ темныя бездны, лазурныя бездны струятся,
Млечный Путь, какъ рѣка, въ безконечныя дали ушелъ,
Въ высь, гдѣ звѣзды и звѣзды серебряной пылью роятся,
А надъ звѣздами—Божій престоль.
1895.

* * *

Отдохни,—еще утро не скоро,
Ночь изъ тихихъ лѣсовъ не ушла.
Подъ навѣсами соннаго бора—
Предразсвѣтная теплая мгла.

Еще раннія птицы не пѣли,
Чуть сѣрѣютъ вверху небеса,
Влажно-зелены темныя ели,
Пахнетъ лѣтнею хвоей роса...

И пускай не свѣтаетъ подольше!
Этотъ медленный путь по лѣсамъ,
Эта ночь—не воротится больше,
Но легко предъ разлукою намъ...

Колокольчикъ въ молчаніи бора
То замретъ, то опять запоетъ...
Тихо ночь по долинамъ идетъ...
Отдохни,—еще утро не скоро.
1900.

ВЪ ПОѢЗДѢ.

Все шире вольныя поля
Проходятъ мимо насъ кругами;
И хутора и тополя
Плывутъ, скрываясь за полями.

Вотъ подъ горою скитъ святой
Въ бору бѣлѣтъ за лугами...
Вотъ мостъ желѣзный надъ рѣкой
Промчался съ грохотомъ подъ нами...

А вотъ и лѣсъ!—И гуль идетъ
Подъ стукъ колесъ въ лѣсу зеленомъ;
Березъ веселыхъ хороводъ,
Шумя, встрѣчаетъ насъ поклономъ.

Отъ паровоза бѣлый дымъ,
Какъ хлопья ваты, расползаясь,
Плыветъ, цѣпляется по нимъ,
Къ землѣ безпомощно склоняясь...

Но ужъ опять кусты пошли,
Опять деревьевъ строй рѣдѣть,
И безконечная въ дали
Степь развернулась и синѣть,

Опять привольныя поля
Проходятъ мимо насъ кругами,
И хутора и тополя
Плывутъ, скрываясь за полями.

1893.

* * *

Гаснетъ вечеръ, даль синѣть,
Солнышко садится,
Степь да степь кругомъ—и всюду
Нива колосится!

Пахнетъ медомъ, зацвѣтаетъ
Бѣлая гречиха...

Звонъ къ вечернѣ изъ деревни
Долетаетъ тихо...

А вдали кукушка въ рощѣ
Медленно кукуетъ...

Счастливъ тотъ, кто на работѣ
Въ полѣ заночуетъ!

Гаснетъ вечеръ, скрылось солнце.
Лишь закатъ краснѣетъ...

Счастливъ тотъ, кому зарею
Теплый вѣтеръ вѣетъ;

Для кого мерцаютъ кротко,
Свѣтятся съ привѣтомъ

Въ темномъ небѣ темной ночью
Звѣзды тихимъ свѣтомъ;

Кто усталъ на нивѣ за день
И уснетъ глубоко
Мирнымъ сномъ подъ звѣзднымъ небомъ
На стени широкой!
1892.

* * *

Ночь идетъ—и темнѣетъ
Блѣдно-синій востокъ...
Отъ одеждъ ея вѣетъ
По полямъ вѣтерокъ.
День былъ дологъ и зноенъ...
Ночь идетъ и поетъ
Колыбельную пѣсню
И къ покою зоветъ.
Грустенъ взоръ ея темный,
Одинокъ ея путь...
Спи-усни, мое сердце!
Отдохни... Позабудь.
1893.

* * *

Въ темнѣющихъ поляхъ, какъ въ безграничномъ морѣ,
Померкъ и потонулъ зари печальный свѣтъ —
И мягко мракъ ночной плыветъ въ степномъ просторѣ
Нѣмой зарѣ вослѣдъ.

Изъ зрѣющихъ хлѣбовъ, какъ теплое дыханье,
Порою вѣтерокъ касается чела.
Но спать уже хлѣба. Царить кругомъ молчанье,
Молчать перепела.

Лишь суслики во ржи скликаются свистками,
Иль по межѣ тушканъ, таинственно, какъ духъ,
Несется быстрыми, неслышными прыжками
И пропадаетъ вдругъ...
1897.

* * *

Серпъ луны подъ тучкой длинной
Льетъ полночный слабый свѣтъ.
Надъ безмолвною долиной—
Темной церкви силуэтъ.

Серпъ луны за тучкой таетъ,—
Проплывая, гаснетъ онъ.
Съ колокольни долетаетъ,
Замирая, сонный звонъ.

Серпъ луны въ просвѣты тучи
Съ грустью тихою глядитъ,
Подъ вѣтвями ивъ плакучихъ
Тускло воду золотить.

И въ рѣкѣ, среди глубокой
Предразсвѣтной тишины
Замираетъ одинокій
Золотой двойникъ луны.

1887—94.

НА ДНѢПРѢ.

За мирнымъ Днѣпромъ, за горами
Заря догорала свѣтло,
И тепелъ былъ воздухъ вечерній,
И ясно рѣчное стекло.

Вечернее алое небо
Глядѣлось въ зеркальный затонъ,
И тихо подъ лодкой качался
Въ бездонной рѣкѣ небосклонъ...

Далекое, мирное счастье!
Не знаю, кого я любилъ,
Чей образъ, и нѣжный и милый,
Такъ долго я въ сердцѣ хранилъ.

Но сердце груститъ и донынѣ...
И помню тебя я, какъ сонъ—
И близкой, и странно далекой,
Какъ въ свѣтлой рѣкѣ небосклонъ...

1896.

ПО ВЕЧЕРНЕЙ ЗАРѢ.

Засинѣли, темнѣютъ равнины...
Далеко, далеко въ тишинѣ
Колокольчикъ поетъ, замирая....
Мнѣ грустнѣй и больнѣе вдвойнѣ.

Вотъ ужъ звукъ его плачетъ чуть слышно;
Вотъ и пыль надъ просторомъ нѣмымъ,
По широкой пустынной доро┐,
Опускаясь, темнѣетъ, какъ дымъ...

Но душа еще ждетъ и тоскуетъ...
О, зачѣмъ ты и ночью и днемъ
Вспоминаешься мнѣ такъ призывно?
Отчего ты вездѣ и во всемъ?

Вслѣдъ зарѣ, уходящей къ закату,
Умирающимъ звукамъ вослѣдъ
Посылаю тебѣ мою душу,—
Мой печальный и нѣжный привѣтъ!

1900.

* * *

Нынче ночью кто-то долго пѣлъ.
Далеко скитаясь въ темномъ полѣ,
Голосъ грустной удалю звенѣлъ,
Пѣлъ о прошломъ счастьѣ и о волѣ.

Я открылъ окно и сѣлъ на немъ.
Ты спала... Я долго слушалъ жадно...
Съ поля пахло рожью и дождемъ,
Ночь была душиста и прохладна.

Чтò въ душѣ тотъ голосъ пробудилъ,
Я не знаю... Но душа грустила,
И тебя такъ нѣжно я любилъ,
Какъ меня когда-то ты любила.

1899.

* * *

Мѣсяцъ задумчивый, полночь глубокая...
Хуторъ въ степи одинокъ...
Дремлетъ въ молчаньи равнина широкая,
Тепель ночной вѣтерокъ.
Желтыя ржи, далеко озаренныя,
Моремъ безбрежнымъ стоятъ...
Вѣтеръ повѣетъ,—онѣ, полусонныя,
Колосомъ спѣлымъ шуршатъ.
Вѣтеръ повѣетъ,—и въ тучку скрывается

Полнаго мѣсяца кругъ;
Медленно въ мягкую тѣнь погружается
Ближнее поле и лугъ.
Зыблется пенельный сумракъ надъ нивами.
А надъ далекой межей
Свѣтъ изъ-за тучекъ бѣжитъ переливами, —
Яркою, желтой волной.
И сновидѣньемъ, волшебною сказкою
Кажется ночь,—и смущенъ
Ночи июльской тревожною ласкою
Сладкій предутренній сонъ...
1886—90.

* * *

Могилы, вѣтряки, дороги и курганы—
Все смерклося, отошло и скрылося изъ глазъ.
За дальней ихъ чертой погасъ закатъ румяный,
Но точно ждетъ чего вечерній тихій часъ.
И вотъ идетъ она, Степная Ночь, съ востока...
За нею синій мракъ надъ нивами встаетъ...
На меркнушій закатъ, грустна и одинока,
Она задумчиво среди хлѣбовъ идетъ.
И медлитъ на межахъ, и слушаетъ молчанье...
Глядитъ вослѣдъ зари, гдѣ въ призрачной дали
Еще мерещутся колосьевъ очертанья
И слабо брезжитъ свѣтъ надъ сумракомъ земли.
И полонъ взоръ ея, загадочно-унылый,
Великой кротости и думы вѣковой
О томъ, что вѣдаютъ лишь темныя могилы,
Степь молчаливая, да звѣздъ узоръ живой.
1894.

* * *

Ночь наступила, день угасъ,
Сонъ и покой—и всей душою
Я покоряюсь въ этотъ часъ
Ночному кроткому покою.
Какъ облегченно дышитъ грудь!
Какъ нѣжно садъ благоухаетъ!
Какъ мирно свѣтитъ и сіяетъ
Въ далекомъ небѣ Млечный Путь!

За все, что пережито днемъ,
За все, что съ болью я скрываю
Глубоко на сердцѣ своемъ,—
Я никого не обвиняю.
За счастье минутъ такихъ,
За свѣтлыя воспоминанья
Благословляю каждый мигъ
Былого счастья и страданья!

1895.

* * *

Ночь печальна, какъ мечты мои.
Далеко въ глухой степи широкой
Огонецъ мерцаетъ одинокій...
Въ сердцѣ много грусти и любви.
Но кому и какъ расскажешь ты,
Что зоветъ тебя, чѣмъ сердце полно!
— Путь далекъ, глухая степь безмолвна.
Ночь печальна, какъ мои мечты.

1900.

* * *

Неуловимый свѣтъ разлился надъ землею,
Надъ кровлями безмолвнаго села.
Отчетливѣй кричатъ передъ зарею
Далеко на степи перепела.
Нѣтъ ни души кругомъ—ни звука, ни тревоги...
Спятъ безмятежнымъ сномъ зеленые овсы...
Нахохлясь, кобчикъ спитъ на кочкѣ у дороги,
Покрытый пылью матовой росы...
Но ужъ свѣтлѣетъ даль... Зелено-серебристый,
Неуловимый свѣтъ восходитъ надъ землей,
И бѣлый паръ луговъ, холодный и душистый,
Какъ ошмѣамъ, плыветъ передъ зарей.

1894.

РАЗСВѢТЪ.

Высоко поднялся и бѣлѣетъ
Полумѣсяцъ въ блѣдныхъ небесахъ.
Сумракъ ночи прячется въ лѣсахъ.
Изъ долинъ зеленыхъ утромъ вѣетъ.

Вѣетъ юной радостью съ полей.
Льется, какъ серебряное пѣнье,
Звонъ костела, слава воскресенья...
Разгорайся, новый день, свѣтлѣй!
Выйди въ небо, солнце, безъ пенастья,
Возродися въ блескъ и теплѣ,
Возвѣсти опять по всей землѣ,
Что вся жизнь—день радости и счастья!
1900.

НА ПРОСЕЛКѢ.

Вѣетъ утро прохладой степною...
Тишина, тишина на поляхъ!
Заросла павиликой-травой
Полевая дорога въ хлѣбахъ.
Въ муравѣ колен утопаютъ,
А за ними, съ обѣихъ сторонъ,
Въ сизыхъ ржахъ васильки зацвѣтаютъ,
Бирюзовый виднѣется лень,
Серебрится ячмень колосистый,
Зеленѣютъ привольно овсы,
И въ колосьяхъ брильянты росы
Вѣтерокъ зажигаетъ душистый,
И вливаетъ отраду онъ въ грудь,
И свѣваетъ съ души онъ тревоги...
Веселъ мирный проселочный путь,
Хороши вы, степныя дороги!
1895.

* * *

Еще отъ дома на дворѣ
Синѣютъ утреннія тѣни,
И подъ навѣсами строеній
Трава въ холодномъ серебрѣ;
Но ужъ сіяетъ яркій зной,
Давно топоръ стучитъ въ сараѣ,
И голубей пугливыхъ стаи
Сверкаютъ снѣжной бѣлизной.
Съ зари кукушка за рѣкою
Кукуетъ звучно вдалекѣ,

И въ молодомъ березнякѣ
Грибами пахнетъ и листвою.
На солнцѣ свѣтлая рѣка
Трепещетъ радостно, смѣется,
И гулко въ роуцѣ отдается
Надъ нею ладный стукъ валька.

А за деревнею, гдѣ межи
Въ поля привольныя бѣгутъ,
Гдѣ хуторки бѣлѣютъ рѣже, —
Ржи наливаютъ и цвѣтутъ,
Въ лазури жаворонки рѣютъ,
Поютъ про степь наперебой,
И, какъ миражъ, курганы мрѣютъ
Въ дали воздушно-голубой.

1892.

ПОДРАЖАНІЕ ПУШКИНУ.

Отъ праздности и лжи, отъ суетныхъ забавъ
Я одинокъ бѣжалъ въ поля мои родныя,
Я странникомъ вступилъ подъ сѣнь моихъ дубравъ,
Подъ ихъ навѣсы вѣковые,

И, зноемъ истомленъ, я на пути стою
И пью лѣсныхъ вѣтровъ живительную влагу...
О, возврати, мой край, мнѣ молодость мою
И юныхъ блескъ очей, и юную отвагу!

Ты видишь — я красы твоей не позабылъ
И, сердцемъ чистъ, твой миръ благословляю...
Обѣтованному отеческому краю
Я приношу остатокъ гордыхъ силъ.

1890.

РОДНИКЪ.

Въ тайгѣ, въ глуши ея зеленой,
Всегда тѣнистой и сырой,
Въ крутомъ оврагѣ подъ горой
Бьетъ изъ камней родникъ студеной:
Кипитъ, играетъ и спѣшитъ,
Крутясь хрустальными клубами,
И подъ вѣтвистыми дубами
Стекломъ расплавленнымъ бѣжитъ.

А небеса и лѣсъ нагорный
Глядятъ, задумавшись въ тиши,
Какъ въ свѣтлой влагѣ голыши
Дрожать мозаикой узорной.

1900.

ПСАЛОМЪ ЖИЗНИ.

Г. Лонгфелло.

Не тверди въ строфахъ унылыхъ:
„Жизнь есть сонъ пустой“. — Въ комъ спить
Духъ живой, — тотъ духомъ умеръ:
Въ жизни высшій смыслъ сокрытъ.

Жизнь не грезы! Жизнь есть подвигъ!
И умереть не духъ, а плоть.
„Прахъ еси — и въ прахъ вернешься“ —
Не о духѣ рекъ Господь.

Не печаль и не блаженство
Жизни цѣль: она зоветъ
Насъ къ труду, въ которомъ бодро
Мы должны итти впередъ.

Путь далекъ, а время мчится, —
Не теряй въ немъ ничего.
Помни, что бѣенье сердца —
Погребальный маршъ его.

На житейскомъ бранномъ полѣ,
На бивакѣ жизни будь
Не рабомъ, а будь героемъ,
Закалившимъ въ битвахъ грудь.

Не оплакивай Былого,
О Грядущемъ не мечтай,
Дѣйствуй только въ Настоящемъ
И ему лишь довѣрай.

Жизнь великихъ — призываетъ
Насъ къ великому итти,
Чтобъ въ пескахъ временъ остался
Слѣдъ и нашего пути, —
Слѣдъ, что выведетъ, быть-можетъ,
На дорогу и другихъ —
Заблудившихся, усталыхъ —
И пробудитъ бодрость въ нихъ.

Встань же смѣло на работу,
Отдавай всѣ силы ей
И учись въ трудѣ упорномъ
Ждать прихода лучшихъ дней!

1898.

У Ч А Н Ъ - С У .

Свѣжѣе, слаще воздухъ горный,
Невнятный шумъ идетъ въ лѣсу:
Поетъ веселый и проворный,
Со скалъ летящій Учанъ-Су!
Глядишь—и, точно застывая,
Но въ то же время ропотъ свой,
Свой легкій бѣгъ не прерывая, —
Прозрачной пылью спѣговой
Несется внизъ струя живая, —
Какъ тонкій флеръ, сквозить огнемъ.
Скользить со скалъ фатой вѣнчальной
И вдругъ и пѣной и дождемъ
Свергаясь въ черный водоемъ,
Бушуетъ влагою хрустальной...
А горы въ синей вышинѣ!
А южный боръ и сосенъ щопоть!
— Подъ этотъ шумъ и влажный ропотъ
Стоишь, какъ въ свѣтломъ полуснѣ!

1900.

К И П А Р И С Ы .

Пустынная Яйла дымится облаками,
Въ туманный небосклонъ ушла морская даль,
Шумить внизу прибой, заливъ кипитъ волнами,
А здѣсь—глубокій сонъ и вѣчная печаль.

Пусть въ городѣ живыхъ, у синяго залива,
Гремитъ и блещетъ жизнь... Задумчивой толпой
Здѣсь кипарисы ждутъ—и строго, молчаливо
Восходитъ Смерть сюда съ добычей роковой.

Жизнь не смущаетъ ихъ, — минутная, дневная...
Лишь только колоколъ вечерній съ береговъ
Перекликается, звеня и занывая,
Съ могильной стражею бѣлѣющихъ крестовъ.

1896.

ЗОЛОТОЙ ДИСКЪ.

Л. де-Лиля.

Солнца дискъ золотой, уходя изъ лазурной пустыни,
Погружается медленно въ тихое лоно зыбей
И, прощаясь съ землею, сыплетъ розовымъ блескомъ лучей,
Въ гребняхъ горъ золотить, зажигаетъ сверкающій иней.

Грустно вѣтеръ вздыхаетъ и вѣетъ съ далекихъ высотъ,
Стелетъ длинныя тѣни въ оврагахъ и влажныхъ долинахъ,
Тамаринды колышетъ, и въ темныхъ, угрюмыхъ вершинахъ,
Гдѣ гнѣздились птицы, и сонъ и покой настаетъ.

И дыханье земли, какъ священныхъ кадилницъ дыханье,
Средь кофейныхъ деревьевъ и въ чащѣ густыхъ тростниковъ
Разливаясь, сливается съ свѣжимъ дыханьемъ лѣсовъ,
Съ ароматомъ плантацій въ глубокомъ вечернемъ молчаньи.

Вотъ звѣзда задрожала жемчужной своей бѣлизной,
Въ синемъ мракѣ ночномъ, какъ живая, горитъ величаво —
И пылаютъ въ волнахъ, ослѣпленныхъ небесною славой,
Мириады свѣтилъ, мириады огней надъ землею.

И дума, забываясь въ молчаніи ночи всеильной,
Созерцая и миръ, и величье ея красоты,
Познавая тщету и надежды, и пылкой мечты,
Въ вѣчный сонъ погружается,—въ саванъ могильный.

1895.

З Н О Й.

Горячо сухой песокъ сверкаетъ,
Сушить зной на камняхъ невода.
Въ морѣ—штиль, и ласково плескаетъ
На песокъ хрустальная вода.

Чайка въ свѣтломъ воздухѣ блеснула...
Тѣнь ея спустилась надо мной—
И въ сіяньи солнца потонула...
Клонить въ сонъ и ослѣпляетъ зной...

И лежу я, упоенный зноемъ.
Снится садъ мнѣ и прохладный тротъ,
Кипарисы неподвижнымъ строемъ
Стерегутъ тамъ звонкій водометъ.

Старый мраморъ подъ вѣтвями тиссовъ
Молодыми розами увить,
И горить заливъ межъ кипарисовъ,
Точно синимъ пламенемъ налить...

1900.

ЗАКАТЪ.

Корабли въ багряномъ заревѣ заката
Въ океанъ выходятъ—и на небесахъ
Вырастаютъ мачты стройнаго фрегата
Въ черныхъ парусахъ.

Медленно плыветъ онъ въ заревѣ далекомъ
И другой выводитъ въ лоно темныхъ водъ...
Скажешь: это снялся въ траурѣ глубокомъ
Погребальный флотъ.

1900.

НА ДАЛЬНОМЪ СѢВЕРѢ.

Такъ небо низко и уныло,
Такъ сумрачно вдали,
Какъ будто время здѣсь застыло,
Какъ будто край земли.

Густое чахлое полѣсье
Стоить среди болотъ.
А тамъ — угрюмо въ поднебесье
Уходитъ сумракъ водъ.

Ужъ ночь настала, но свинцовый
Дневной не меркнетъ свѣтъ.
Нѣмая тишь въ глуши сосновой,
Ни звука въ морѣ нѣтъ.

И звѣзды тускло, недвижимо
Горятъ надъ головой,
Какъ будто ихъ зажегъ незримо
Самъ ангелъ гробовой.

1898.

СУМЕРКИ.

Все — точно въ полуснѣ. Надъ сѣрою водой
Сползаетъ съ горъ туманъ, холодный и густой,
Подъ нимъ гудитъ прибой, зловѣще разрастаясь,
А темныхъ голыхъ скалъ прибрежная стѣна,

Въ дымящійся туманъ погружена,
Лѣниво курится, во мглѣ небесъ теряясь.

Суровъ и дикъ ея могучій видъ!
Подъ шумъ и гулъ морской, она въ дыму стоитъ,
Какъ неугасшій жертвенникъ титановъ,
И Ночь, спускаясь съ горъ, вступаетъ точно въ храмъ,
Гдѣ мрачный хоръ поетъ въ сѣдыхъ клубахъ тумановъ
Торжественный хоралъ невѣдомымъ богамъ.

1900.

* * *

Зеленоватый свѣтъ пустынной лунной ночи,
Далеко подъ горой — морской пустынный блескъ...
Я слышу на горахъ осенній вѣтеръ въ соснахъ
И подъ обрывомъ скалъ — невнятный шумъ и плескъ.
Порою блескъ воды, какъ мѣдный щитъ, свѣтлѣетъ.
Порой тусклѣетъ онъ и зыбью взоръ томить...
Какъ въ полуснѣ сажу... Осенній вѣтеръ вѣетъ
Соленой свѣжестю — и все кругомъ шумить.
И въ шорохѣ глухомъ и гулѣ горныхъ сосенъ
Я чувствую тоску ихъ безнадежныхъ думъ,
А въ шумномъ плескѣ волнъ — лишь холодъ лунной ночи
Да мертвый плескъ и шумъ.

1899.

* * *

Отчего ты печально, вечернее небо?
Оттого ли, что жаль мнѣ земли,
Что туманно синѣетъ безбрежное море
И скрывается солнце вдали?
Отчего ты прекрасно, вечернее небо?
Оттого ль, что далеко земля,
Что съ прощальною грустью закатъ угасаетъ
На косыхъ парусахъ корабля,
И шумятъ тихимъ шумомъ вечернія волны
И баюкаютъ пѣсней своей
Одинокое сердце и грустныя думы
Въ безпредѣльномъ просторѣ морей?

1897.

ВЪ ЗАЛИВЪ.

На мертвый якорь кинули бакапъ,
И вотъ, среди кипящаго залива,
Онъ прыгаетъ и мечется тоскливо,
И звонъ его несется сквозь туманъ.

Осенній мракъ ступается вдали,
Подходить ночь, — и по волнамъ тяжелымъ
Ныряютъ и качаются за моломъ
Рыбацкіе пустые корабли.

И мачты ихъ средь темной высоты
Чертятъ туманъ все шире и быстрее,
И плаваютъ среди тумана рей,
Какъ черныя могильныя кресты.

1900.

* * *

Къ побережью моря длинная аллея
Ведетъ вдали какъ будто въ небосклонъ:
Тамъ море подымается, синѣя
Межъ позабытыхъ мраморныхъ колоннъ.

Тамъ на прибой идутъ ступени стройно
И львы лежатъ, какъ сфинксы, надъ горой;
Далеко въ море, важно и спокойно
Они глядятъ вечернею порой.

А на скамьѣ межъ ними одиноко
Сидитъ она... Нѣтъ имени для ней,
Но знаю я, что нѣжно и глубоко
Она съ душой сроднилася моей.

Быть-можетъ, сонъ создалъ мои картины.
Но пусть! Мой сонъ — печаль моей любви:
Вселилъ ее я въ тихія руины,
И мнѣ отрадны вымыслы мои.

Я ль не любилъ? Я ль не искалъ мятесно
Любви и счастья юность раздѣлить
Съ душою женской, чистою и нѣжной;
И жизнь мою въ другую перелить?

Но та любовь, что душу посѣщала,
Оставила въ душѣ печальный слѣдъ, —
Она звала, она меня прельщала
Той радостью, которой въ жизни нѣтъ.

И отъ нея я взялъ воспоминанья
Лишь лучшихъ дней и ужъ не ту люблю,
Кого любилъ... Люблю мечты созданья
И снова о несбыточномъ скорблю.

Вечерняя безмолвная аллея
Зоветь меня къ скалистымъ берегамъ,
Гдѣ море подымается, синѣя,
Къ пустыннымъ и далекимъ небесамъ.

И горько я и сладостно тоскую,
И грезится мнѣ свѣтлая мечта,
Что воскреситъ мнѣ радость неземную
Печальная земная красота.

1900.

Долго былъ во мракъ ночи
Нашъ невѣрный трудный путь!
Напрягались тщетно очи
Разглядѣть хоть что-нибудь...
Только гнулась и скрипѣла
Тяжко мачта, да шумѣло
Море черное, и челнъ
Уносило и качало,
И съ разбѣгу осыпало
Ледяною пылью волнъ...

Но рѣдѣетъ мракъ холодный;
Отдѣлились небеса
Отъ сѣдой пучины водной
И сѣрѣютъ паруса;
Надъ свалившеюся тучей,
Какъ надъ черной горной кручей,
Звѣзды блещутъ серебромъ;
Надъ кормой огонь сигнальный
Искрой блѣдной и печальной
Догораетъ... А кругомъ, —
Изъ морской дали туманной, —
Блѣднымъ сумракомъ одѣтъ,
Ужъ сквозитъ разсвѣтъ багряный,
Дышитъ холодомъ разсвѣтъ!

И все ярче межъ волнами,
Въ брызгахъ огненно-живыхъ,
Въ переливахъ голубыхъ,

Золотое блещетъ пламя,
И все выше надъ волной
Глубью радостной, иной
Бирюза сквозить и таетъ,
И, качая быстрый челнъ,
Свѣтлой влагой, пылью волнъ
Море весело кидаетъ!

1895.

СѢВЕРНОЕ МОРЕ.

Холодный вѣтеръ, рѣзкій и упорный,
Кидаетъ насъ, и тяжело грести;
Но не могу я взоровъ отвести
Отъ бурныхъ волнъ, отъ ихъ пучины черной.

Онѣ кипятъ, бушуютъ и гудятъ,
Въ ухабахъ ихъ, межъ зыбкими горами,
Качаютъ чайки острыми крылами
И съ воплями надъ бездною скользятъ.

И вѣтеръ вторитъ дикимъ зазываньемъ
Ихъ жалобнымъ, но радостнымъ стenanьямъ,
Потяжелѣе выбираетъ валъ,

Напрягши грудь, на немъ взмечаетъ пѣну
И бьетъ его о каменную стѣну
Прибрежныхъ мрачныхъ скалъ.

1897.

* * *

Поздній часъ. Корабль и тихъ и темень,
Слабо плещутъ волны за кормой.
Звѣздный свѣтъ да океанъ зеркальный—
Царство этой ночи неземной.

Въ царствѣ безграничнаго молчанья,
Въ тишинѣ глубокой сторожатъ
Часъ полночный звѣзды надъ морями
И въ моряхъ таинственно дрожатъ.

Южный Крестъ, загадочный и кроткій,
Въ душу льетъ свой нѣжный свѣтъ ночной —
И душа исполнена предвѣчной
Красоты и правды пеземной.

1895.

* * *

Если бъ только можно было
Одного себя любить,
Если бъ прошлое забыть, —
Все, что ты уже забыла,
Не смущалъ бы, не страшилъ
Вѣчный сумракъ вѣчной ночи:
Утомившіяся очи
Я бы съ радостью закрылъ!

1894.

ПЛЕЯДЫ.

Стемнѣло. Вдоль аллей, надъ сонными прудами,
Бреду я наугадъ.
Осенней свѣжестью, листвою и плодами
Благоухаетъ садъ.
Давно онъ порѣдѣлъ, — и звѣздное сіянье
Бѣлѣетъ межъ вѣтвей.
Иду я медленно, — и мертвое молчанье
Царить во тьмѣ аллей.
И звонокъ каждый шагъ среди ночной прохлады.
И царственнымъ гербомъ
Горятъ холодныя алмазныя Плеяды
Въ безмолвіи ночномъ.

1898.

ЗАТИШЬЕ.

За днями сѣрыми и темными ночами
Настала свѣтлая прощальная пора.
Спокойно дремлетъ день надъ тихими полями
И вѣютъ прелестью раздумья вечера.
Глубоко степь молчитъ — ни звука, ни движенья...
Въ прозрачномъ воздухѣ далеко тонетъ взоръ...
На солнцѣ желтый лѣсъ сверкаетъ въ отдаленіи,
Какъ яркимъ золотомъ пылающій костеръ.
Въ саду листья березъ, безъ шороха срываясь,
Средь тонкихъ паутинъ, какъ бабочки, блестятъ.
И, слабо по вѣтвямъ цѣпляясь и качаясь,
На блеклую траву безпомощно летятъ.

Плывутъ узоры тучъ прозрачною фатою
Въ пустынныхъ небесахъ, высоко надъ землей.
И все кругомъ свѣтло, все вѣтъ тишиною.
Въ природѣ и въ душѣ — молчанье и покой.
1887.

* * *

И вотъ опять ужъ по зарямъ
Въ выси, пустынной и привольной,
Станицы птицъ летятъ къ морямъ,
Чернѣя цѣпью треугольной.

Ясна заря, безмолвна степь,
Закатъ алѣетъ, разгораясь...
И тихо въ небѣ эта цѣпь
Плыветъ, размѣренно качаясь.

Какая даль и вышина!
Глядишь — и бездной голубою
Небось осеннихъ глубина
Какъ будто таетъ надъ тобою.

И обнимаетъ эта даль, —
Душа отдаться ей готова,
И новыхъ, свѣтлыхъ думъ печаль
Освобождаетъ отъ земного.
1898.

* * *

Листья падаютъ въ саду...
Въ этотъ старый садъ, бывало,
Раннимъ утромъ я уйду
И блуждаю, гдѣ попало.
Листья кружатся, шуршатъ,
Вѣтеръ съ шумомъ налетаетъ —
И гудитъ, волнуясь, садъ
И угрюмо замираетъ.
Но въ душѣ — все веселѣй!
Я люблю, я молодъ, молодъ:
Что мнѣ этотъ шумъ аллеи
И осенній мракъ и холодъ?
Вѣтеръ вдаль меня влечетъ,
Звонко пѣснь мою разноситъ,

Сердце страстно жизни ждётъ,
Счастья просить!

Листья падаютъ въ саду,
Пара кружится за парой...
Одиноко я бреду
По листвѣ въ аллеѣ старой.
Въ сердцѣ — новая любовь,
И мнѣ хочется отвѣтить
Сердцу пѣснями — и вновь
Беззаботно счастье встрѣтить.
Отчего жъ душа болитъ?
Кто груститъ, меня жалѣя?
Вѣтеръ стонетъ и пылитъ
По березовой аллеѣ,
Сердце слезы мнѣ тѣснятъ,
И, кружась въ саду угрюмомъ,
Листья желтые летятъ
Съ грустнымъ шумомъ!

1898.

* * *

...И снилося мнѣ, что осенней порой
Въ холодную ночь я вернулся домой.
По темной дорогѣ прошелъ я одинъ
Къ знакомой усадьбѣ, къ родному селу...
Трещали обмерзшіе сучья лозинъ
Отъ бурнаго вѣтра на старомъ валу...
Деревня спала... И со страхомъ, какъ воръ,
Вошелъ я въ пустынный, покинутый дворъ.

И сжалось сердце отъ боли во мнѣ,
Когда я кругомъ поглядѣлъ при огнѣ!
Нависъ потолокъ, обвалились углы,
Повсюду скрипятъ подъ ногами полы
И пахнетъ печами... Заброшенъ, забытъ,
Навѣки забытъ онъ, родимый нашъ домъ!
Зачѣмъ же я здѣсь? Что осталось въ немъ,
И если осталось — о чемъ говорить?

И снилося мнѣ, что всю ночь я ходилъ
По саду, гдѣ вѣтеръ кружился и вылъ,
Искалъ я отцомъ посаженную ель,
Тѣхъ комнатъ искалъ, гдѣ собиралась семья,

Гдѣ мама качала мою колыбель
И съ нѣжною грустью ласкала меня, —
Съ безумной тоскою кого-то я звалъ,
И садъ обнаженный гудѣлъ и стоналъ...
1893.

НА ХУТОРѢ.

Свѣчи нагорѣли, дологъ зимній вечеръ...
Сѣлъ ты на лежанку, поднялъ тихій взглядъ —
И звучить гитара удалю печальной
Пѣснѣ беззаботной, старой пѣснѣ въ ладъ.
„Гдѣ ты закатилось, счастье золотое?
Кто тебя развѣялъ по чистымъ полямъ?
Не взойти надъ степью солнышку съ заката,
Нѣтъ пути-дороги къ невозвратнымъ днямъ!“
Свѣчи нагорѣли, дологъ зимній вечеръ...
Брови ты приподнялъ, грустенъ тихій взглядъ...
Не судья тебѣ я за грѣхи былого!
Не воротить жизни прожитой назадъ!
1897.

* * *

Какъ печально, какъ скоро померкла
На закатѣ заря! Погляди:
Ужъ за ближней межою по жнивью
Ничего не видать впереди.

Далеко по широкой равнинѣ
Сумракъ ночи осенней разлить;
Лишь на западѣ сумрачно-аломъ
Силуэты чуть видны ракитъ.

И ни звука! И сердце томится,
Непонятною грустью полно...
Оттого ль, что ночлегъ мой далеко,
Оттого ли, что въ полѣ темно?

Оттого ли, что близкая осень
Вѣетъ чѣмъ-то знакомымъ, роднымъ —
Молчаливою грустью деревни
И безлюдьемъ степнымъ?

1886—89.

А С Т Р Ы.

А. АСТЫКА.

Все поблекло... Только астры
Серебристыя остались,—
Подъ холоднымъ, синимъ небомъ
Замечтались...

Грустно я встрѣчаю осень...
Ахъ, не такъ, какъ въ дни былие!
Такъ же вянуть, блекнуть листья
Золотые,

Такъ же мѣсячныя ночи
Вѣютъ кроткой тишиною,
И шумить въ аллеяхъ вѣтеръ,
Надо мною...

Но ужъ нѣтъ въ душѣ печальной
Тѣхъ восторговъ, тѣхъ волненій,
Что, какъ солнце, озаряли
День осенній.

Помню милый, блѣдный обликъ,
Локонъ нѣжный и волнистый,
Въ черныхъ косахъ—вѣнчикъ астры
Серебристый...

Помню очи... Вижу снова
Эти ласковыя очи...
Все воскресло въ лунномъ блескѣ,—
Въ блескѣ ночи!

1893.

* * *

Таинственно шумить лѣсная тишина,
Незримо по лѣсамъ поетъ и бродитъ Осень...
Темнѣетъ день за днемъ,—и вотъ опять слышна
Тоскующая пѣснь подъ звонъ угрюмыхъ сосенъ.

„Пусть по вѣтру летитъ и кружится листва,
Пусть замететъ она печальный слѣдъ былого!
Надежда, грусть, любовь—вы, старыя слова,
Какъ блеклая листва, не расцвѣтете снова!“

Угрюмо боръ гудить, несутся листья вдаль...
Но въ шумномъ ропотѣ и пѣснѣ безнадежной
Я слышу жалобу: въ ней тихая печаль,
Укоръ былой веснѣ,—и ласковый, и нѣжный.

И далеко еще безмолвная зима...
Душа готова вновь волненьямъ предаваться,
И сладко ей грустить и грустью упиваться,
Не внемля голосу ума.

1898.

ОКТАБРЬСКІЙ РАЗСВѢТЪ.

Ночь поблѣднѣла, и мѣсяцъ садится
За рѣку краснымъ серпомъ.
Сонный туманъ на лугахъ серебрится,
Черный камышъ отсырѣлъ и дымится,
Вѣтеръ шуршитъ камышомъ.
Тишь на деревнѣ. Въ часовнѣ лампада
Меркнетъ, устало горя.
Въ трепетный сумракъ озябшаго сада
Льетъ со стени волнами прохлада...
Медленно одѣтъ заря.

1887—94.

* * *

Открыты жнивья золотыя,
И свѣтлой кажутся мечтой
Просторъ небесъ, поля пустыя
И день, прохладный и пустой.

Орелъ, съ дозорнаго кургана
Взмахнувшій въ этой пустотѣ,
Какъ надъ равниной океана
Весь четко виденъ въ высотѣ.

И на курганѣ одинокомъ
Сдержавъ горячаго коня,
Степь отъ заката до востока
Въ прозрачной дали вижу я.

Какъ низко, вольно и просторно
Степныхъ отавъ раскинуть кругъ!
И какъ легко фатой узорной
Плывутъ два облачка на югъ!

1900.

* * *

Нагая степь пустыней вѣетъ...
Ужъ палъ зазимокъ на поля,
И въ черныхъ пашняхъ снѣгъ бѣлѣетъ,
Какъ будто въ траурѣ земля.
Глубокимъ сномъ среди долины
Деревня спитъ... Ноябрь идетъ,
Прудъ застываетъ, и съ плотины
Листва поблекшая лозины
Уныло сыплется на ледъ.

Вотъ день... Но скупо надъ землею
Сіяетъ солнце; поглядить
Изъ-за бугра оно зарею
Сквозь сучья черные ракитъ,
Пригрѣетъ кроткими лучами—
И вновь потонетъ въ облакахъ...
А вѣтеръ жидкими тѣнями
Въ саду играетъ подъ вѣтвями,
Сухой травой шуршитъ въ кустахъ...

1894.

* * *

Высоко полный мѣсяцъ стоитъ
Въ небесахъ надъ туманной землей,
Блѣднымъ свѣтомъ луга серебрить,
Напоенные бѣлою мглой.
Въ бѣлой мглѣ, на широкихъ лугахъ,
На пустынныхъ рѣчныхъ берегахъ
Только черный засохшій камышъ
Да верхушки ракитъ различишь.
И рѣка въ берегахъ чуть видна...
Гдѣ-то мельница глухо шумитъ...
Спитъ село... Ночь тиха и блѣдна,
Высоко полный мѣсяцъ стоитъ.

1887.

* * *

Вѣтеръ осенній въ лѣсахъ подымается,
Шумно по чащамъ идетъ,
Мертвые листья срываетъ и весело
Въ бѣшеной пляскѣ несетъ.

Только замреть, припадетъ и послушаетъ,—
Снова взмахнетъ, а за нимъ
Лѣсъ загудитъ, затрепещетъ,—и сыплются
Листья дождемъ золотымъ.

Вѣетъ зимою, морозными вьюгами,
Тучи плывутъ въ небесахъ...
Пусть же погибнетъ все мертвое, слабое
И возвратится во прахъ!

Зимнія вьюги —предтечи весенніе,
Зимнія вьюги должны
Похоронить подъ снѣгами холодными
Мертвыхъ къ приходу весны.

Въ темную осень земля укрывается
Желтой листвою, а подъ ней
Дремлетъ побѣговъ и травъ прозябаніе,
Сокъ животворныхъ корней.

Жизнь зарождается въ мракѣ таинственномъ.
Радость и гибель ея
Служать нетлѣнному и неизмѣнному—
Вѣчной красѣ Бытія!

1888—95.

ВЪ СТЕПИ.

И. Д. ТЕЛЕШОВУ.

Вчера въ степи я слышалъ отдаленный
Крикъ журавлей. И дико и легко
Онъ прозвенѣлъ надъ тихими полями...
Путь добрый! Имъ не жаль насъ покидать:
И новая цвѣтущая природа,
И новая весна ихъ ожидаетъ
За синими, за теплыми морями,
А къ намъ идетъ угрюмая зима:
Засохла степь, лѣсъ глохнетъ и желтѣетъ,
Осенній вѣтеръ, тучи нагоняя,
Открылъ въ кустахъ звѣриныя лазы,
Листвою засыпалъ доли и овраги,
И по ночамъ въ ихъ черной темнотѣ,
Подъ шумъ деревьевъ, свѣчками мерцаютъ,
Таинственно блуждая, волчьи очи...
Да, край родной не радуется теперь!
И все-таки, кочующія птицы,

Не пробуждаетъ зависти во мнѣ
Вашъ звонкій крикъ, и гордый и свободный.

Здѣсь грустно. Ждемъ мы сумрачной поры
Когда въ степи сѣдой туманъ ночуетъ,
Когда во мглѣ разсвѣтъ едва бѣлѣетъ
И лишь бугры чернѣютъ сквозь туманъ.
Но я люблю, кочующія птицы,
Родныя степи. Бѣдныя селенья—
Моя отчизна; я вернулся къ ней,
Усталый отъ скитаній одинокихъ,
И понялъ красоту въ ея печали
И счастье—въ печальной красотѣ.

Бываютъ дни: повѣетъ теплымъ вѣтромъ,
Проглянетъ солнце, ярко озаряя
И лѣсъ, и степь, и старую усадьбу,
Пригрѣетъ листья влажные въ лѣсу,
Глядишь—и все опять повеселѣло!
Какъ хорошо, кочующія птицы,
Тогда у насъ! Какъ весело и грустно
Въ пустомъ лѣсу межъ черными вѣтвями,
Межъ золотыми листьями березъ
Синѣетъ наше ласковое небо!
Я въ эти дни люблю бродить, вдыхая
Осинниковъ поблекшихъ ароматъ
И слушая дроздовъ пролетныхъ крики;
Люблю уйти одинъ на дальній хуторъ,
Смотрѣть, какъ озимь мягко зеленѣетъ,
Какъ бархатомъ блестятъ на солнцѣ пашни,
А вдаль, на жнивьяхъ золотыхъ,
Стоитъ туманъ, прозрачный и лазурный.

Моя весна тогда зоветъ меня,—
Мечты любви и юности далекой,
Когда я васъ, кочующія птицы,
Съ такою грустью къ югу провожалъ!
Мнѣ вспоминается бывшее счастье,
Былые дни... Но мнѣ не жаль былого:
Я не грущу, какъ прежде, о быломъ,—
Оно живетъ въ моемъ безмолвномъ сердцѣ,
А мѣръ вездѣ исполненъ красоты.
Мнѣ въ немъ теперь все дорого и близко:
И блескъ весны за синими морями,

И сѣверныя скудныя поля,
И даже то, что ужъ совсѣмъ не можетъ
Васъ утѣшать, кочующія птицы,—
Покорность грустной участи своей!

1889—97.

* * *

Въ пустынной вышинѣ,
Въ открытомъ океанѣ небосклона
Востокъ сіяетъ ясной бирюзой.
Въ степной дали
Погасло солнце холодно и чисто,
Свѣжъ, звонокъ воздухъ надъ землею,
И тишина царить,—
Молчаніе осенняго заката
И обнаженныхъ черныхъ тополей...
Какъ хороши пустынные аллеи!
Иду на югъ,
Смотрю туда, гдѣ я любилъ когда-то,
Гдѣ грусть моя далекая живетъ...
А тамъ встаютъ,
Тамъ медленно плывутъ и утопаютъ
Въ глубокомъ океанѣ небосклона,
Какъ снѣговья горы, облака...
Какъ холодны и чисты изваянья
Ихъ дѣвственныхъ алѣющихъ вершинъ!
Какъ хороши безлюдныя равнины!

Багряная листва,
Покрытая морозною росой.
Шуршитъ въ аллеѣ подъ моей ногой...
Вотъ меркнетъ даль,
Темнѣетъ садъ, краснѣе западъ рдѣетъ,
Въ холодной и безмолвной красотѣ
Все застываетъ, медленно мертвѣя,
И вѣетъ холодъ ночи на меня,
И я стою, безмолвіемъ объятый...
Какъ хороша, какъ одинока жизнь!

1898.

* * *

Помню—долгій зимній вечеръ,
Полумракъ и тишина;
Тускло льется свѣтъ лампы,
Буря плачетъ у окна.

„Дорогой мой,—шепчетъ мама:—
Если хочешь задремать,
Чтобы бодрымъ и веселымъ
Завтра утромъ быть опять,—

„Позабудь, что воесть вьюга,
Позабудь, что ты со мной,
Вспомни тихій шопоть лѣса
И полдневный лѣтній зной;

„Вспомни, какъ шумять березы,
А за лѣсомъ, у межи,
Ходятъ медленно и плавно
Золотыя волны ржи!“

И знакомому совѣту
Я довѣрчиво внималъ
И, обвѣянный мечтами,
Забываться начиналъ.

Вмѣстѣ съ тихимъ сномъ сливалось
Убаюкиванье грезъ—
Шопоть зрѣющихъ колосьевъ
И невнятный шумъ березъ...

1887.

М Я Т Е Л Ь.

Ночью въ поляхъ, подъ напѣвы мятели,
Дремлютъ, качаясь, березки и ели...
Мѣсяцъ межъ тучекъ надъ полемъ сіяетъ,—
Блѣдная тѣнь набѣгаетъ и таетъ...
Мнится мнѣ ночью: межъ бѣлыхъ березъ
Бродить въ туманномъ сіяньи Морозъ.

Ночью въ избѣ, подъ напѣвы мятели,
Тихо разносится скрипъ колыбели...
Мѣсяца свѣтъ въ темнотѣ серебрится,—
Въ мерзлыя стекла по лавкамъ струится...
Мнится мнѣ ночью: межъ сучьевъ березъ
Смотрить въ безмолвныя избы Морозъ.

Мертвое поле, дорога степная!
Вьюга тебя заметаешь ночная,
Спятъ твои села подъ пѣсни мятели,
Дремлютъ въ снѣгу одинокія ели...
Мнится мнѣ ночью: не степи кругомъ,—
Бродить Морозъ на погостѣ глухомъ...

1887—95.

* * *

Скачетъ пристяжная, снѣгомъ обдаетъ...
Сонный зимній вѣтеръ надо мной поетъ,
Въ полуснѣ волнуясь, по полю бѣжитъ,
Вмѣстѣ съ колокольчикомъ жалобно дрожитъ.

Эй, проснися, вѣтеръ! Подыми пургу,
Задымись мятелью бѣлою въ лугу,
Загуди поземкой, закружись въ степи,
Крикни вмѣсто пѣсни: „Постыдись, не спи!“

Безотраденъ путь мой! Каждый Божій день—
Глушь лѣсовъ да холодъ-голодъ деревень...
Стыдно мнѣ и больно... Только стыдъ-то мой
Слишкомъ скоро гаснетъ въ тишинѣ нѣмой!

Сонный зимній вѣтеръ надо мной поетъ,
Усыпляетъ пѣсней, воли не даетъ,
Путь заноситъ снѣгомъ, по полю бѣжитъ,
Вмѣстѣ съ колокольчикомъ жалобно дрожитъ...

1897.

ВЪ КОСТЕЛѢ.

Гаснетъ день—и звонъ тяжелый
Въ небеса плыветъ:
Съ башни стараго костела
Колоколъ зоветъ.

А въ костелѣ—ожиданье:
Сумракъ, гулъ дверей,
Напряженное молчанье,
Тихій трескъ свѣчей.

Въ блескѣ ихъ престолъ чернѣетъ,
Озаренъ темно;
Высоко надъ нимъ желтѣетъ
Узкое окно.

И надъ всѣмъ—Христа Распятье:
Въ діадемѣ розъ,
Скорбно братскія объятія
Распростеръ Христосъ...

Тишина. И вотъ, незримо
Унося съ земли,
Звонко пѣсня серафима
Разлилась вдали.

Разлилась—и отзвучала:

Заглушилъ, покрылъ
Громъ органаго хорала
Пѣснь Небесныхъ Силъ.

Вторитъ хоръ ему... Но, Боже!

Отчего и въ немъ
Та же скорбь и горе то же,—
Мука о земномъ?

Не во тьмѣ ль вѣковъ остался
День, когда съ тоской
Человѣкъ, какъ рабъ, склонялся
Ницъ передъ Тобой,

И сіялъ зловѣщей славой
Предъ лицомъ людей
Въ блескѣ молніи кровавой
Блескъ Твоихъ очей?

Для чего звучитъ во храмѣ
Снова скорбный стонъ
Снова дымными огнями
Ликъ Твой озаренъ?

И Тебѣ ли мгла куренья,
Холодъ темноты,
Запахъ воска, запахъ тлѣнья,
Мертвые цвѣты?

Дивенъ міръ Твой! Расцвѣтаетъ
Онъ, Тобой согрѣтъ,
Въ небесахъ Твоихъ сіяетъ
Солнца вѣчный свѣтъ,

Гимнъ природы животворный
Льется къ небесамъ...
Въ ней Твой храмъ нерукотворный,
Твой великій храмъ!

1889.

М А Т Ъ.

И дни и ночи до утра
Въ степи бураны бушевали
И вѣшки снѣгомъ заметали,
И заносили хутора.
Они врывались въ мертвый домъ—
И стекла въ рамахъ дребезжали,

И снѣгъ сухой въ старинной залѣ
Кружился въ сумракѣ ночномъ.

Но былъ огонь—не угасая,
Свѣтилъ въ пристройкѣ по ночамъ,
И мать всю ночь ходила тамъ,
Глазъ до разсвѣта не смыкая.
Она мерцавшую свѣчу
Старинной книгой заслонила
И, положивъ дитя къ плечу,
Все напѣвала и ходила...

И ночь тянулась безъ конца...
Порой, дремотой обвѣвая,
Шумѣла тише вьюга злая,
Шуршала снѣгомъ у крыльца.
Когда жъ буранъ въ порывѣ дикомъ
Внезапнымъ шкваломъ налеталъ,—
Казалось ей, что домъ дрожалъ,
Что кто-то слабымъ, дальнимъ крикомъ
Въ степи на помощь призывалъ.
И до утра не разъ слезами
Ея усталый взоръ блестѣлъ,
И мальчикъ вздрагивалъ, глядѣлъ
Большими темными глазами...

1893.

СМЕРТЬ ПТИЦЪ.

Копше.

Въ безмолвьѣ сумерекъ, мечтая у огня,
Не разъ о смерти птицъ задумывался я:
Какъ много гибнетъ ихъ зимой отъ бурь жестокихъ!
Какъ много птичьихъ гнѣздъ, пустыхъ и одинокихъ,
Качается въ лѣсу, среди нагихъ вѣтвей,
Подъ небомъ пасмурнымъ тоскливыхъ зимнихъ дней!
Но отчего жъ весной, когда въ лѣсу мы бродимъ,
Скелетовъ маленькихъ нигдѣ мы не находимъ?
Нигдѣ среди цвѣтовъ ихъ не замѣтитъ глазъ...
Иль птицы смерть свою должны скрывать отъ насъ?

1898.

НОВЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

1901 г.

НОЧЬ И ДЕНЬ.

Старую книгу читаю я въ долгія ночи
При одинокомъ и тихо дрожащемъ огнѣ:
„Все мимолетно,—и скорби, и радость, и пѣсни.
Вѣченъ лишь Богъ. Онъ въ ночной неземной тишинѣ“.

Ясное небо я вижу въ окно на разсвѣтѣ.
Солнце восходитъ, и горы къ лазури зовутъ:
„Старую книгу оставь на столѣ до заката.
Птицы о радости вѣчнаго Бога поютъ!“

РУЧЕЙ.

Ручей среди сухихъ песковъ...
Куда спѣшитъ и убѣгаетъ?
Зачѣмъ межъ скудныхъ береговъ
Такъ стойко путь свой пролагаетъ?
Отъ зноя блѣденъ небосклонъ,
Ни облачка въ лазури жаркой;
Весь міръ какъ будто заключенъ
Въ песчаный кругъ въ пустынѣ яркой.
А онъ, прозраченъ, говорливъ,
Онъ словно знаетъ, что съ востока
Придетъ онъ къ морю, гдѣ заливъ
Предъ нимъ раскроетъ даль широко
И приметъ свѣтлую струю,
Цодъ вольной ширью небосклона,
Въ безбрежность синюю свою,
Въ свое торжественное лоно.

ВЪ АЛЬПАХЪ.

На высотѣ, на спѣговой вершинѣ,
Я вырѣзалъ стальнымъ клинкомъ сонетъ.
Проходятъ дни. Быть-можетъ, и донынѣ
Снѣга хранятъ мой одинокій слѣдъ.

На высотѣ, гдѣ небеса такъ сини,
Гдѣ радостно сіяетъ зимній свѣтъ,
Глядѣло только солнце, какъ стилетъ
Чертилъ мой стихъ на изумрудной льдинѣ.

И весело мнѣ думать, что поэтъ
Меня пойметъ. Пусть никогда въ долинѣ
Его толпы не радуется привѣтъ!

На высотѣ, гдѣ небеса такъ сини,
Я вырѣзалъ въ вечерній часъ сонетъ
Лишь для того, кто на вершинѣ.

ОТТЕПЕЛЬ.

Еще и холоденъ и сыръ
Февральскій воздухъ, но надъ садомъ
Ужъ смотритъ небо яснымъ взглядомъ,
И молодѣетъ Божій міръ.

Прозрачно-блѣдный, какъ весной,
Слезится снѣгъ недавней стужи
А съ неба на кусты и лужи
Ложится отблескъ голубой.

Не налюбуюсь, какъ сквозятъ
Деревья въ лонѣ небосклона,
И сладко слушать у балкона,
Какъ снѣгири въ кустахъ звенятъ.

Нѣтъ, не пейзажъ влечетъ меня,
Не краски жадный взоръ подмѣтитъ,
А то, что въ этихъ краскахъ свѣтитъ:
Любовь и радость бытія.

Она повсюду разлита,—
Въ лазури неба, въ птичьемъ пѣньи,
Въ снѣгахъ и гешнемъ дуновеньи,—
Она вездѣ, гдѣ красота.

И, упиваясь красотой,
Лишь въ ней дыша полнѣй и шире,
Я знаю,—все живое въ мірѣ
Живетъ въ одной любви со мной.

О Б Л А К О.

Высоко въ просторѣ неба,
Все сіяя бѣлизною,
Вышло облачко на полдень
Надъ равнипой водяною.
Изъ болотъ оно возстало,
Изъ холоднаго тумана—
И замлѣло, засіяло
Въ синей стали океана...
— Не затѣмъ ли ты возникло,
Чтобы въ вѣчномъ отразиться?
Не затѣмъ ли въ высь стремилось,
Чтобъ подъ солнцемъ раствориться?
Вышло облачко высоко,
Стало тонкое, сквозное,
Улыбнулось одиноко—
И угасло въ яркомъ зноѣ.

Р А К Е Т А.

Былъ поздній часъ—и вдругъ надъ темнотой,
Высоко надъ уснувшею землею,
Прорѣзавъ ночь оранжовой чертой,
Взвилась ракета бѣшеной змѣею.
Стремительно порывъ ее вознесъ...
Но мигъ одинъ—и въ темное забвенье
Уже текутъ алмазы крупныхъ слезъ,
И медленно ихъ тихое паденье.

ПОДСНѢЖНИКИ.

Раскрылось небо голубое
Межъ облаковъ въ апрѣльскій день.
Въ лѣсу все сѣросе, сухое,
И паутиной пала тѣнь.

Зато все ярче и нѣжнѣе
Живая неба бирюза,
И смотрятъ, весело синѣя,
Въ кустахъ подснѣжниковъ глаза.

Змѣя, шурша листвою дубовой,
Зашевелилася въ дуплѣ
И въ лѣсъ пошла, блестя лиловою,
Пятнистой кожей по землѣ.

И нѣжный вѣтеръ, подымая
Весенній шумъ своимъ крыломъ,
Пахнулъ широко лаской мая
И мягкимъ солнечнымъ тепломъ.

Сухіе листья, запахъ пряный,
Атласный блескъ березняка...
О, какъ за этою поляной
Просѣка стройно-глубока!

Какъ утонченно-ярки краски,
Какъ даль свѣтла и хороша!
Какъ жадно вѣрить внешней ласкѣ
Освобожденная душа!

ВЕСЕННИЙ ВЕЧЕРЪ.

Затрепетали звѣзды въ небѣ,
И отъ зари, изъ-за аллеи,
Повѣялъ чистый, легкій вѣтеръ
Весенней свѣжестью полей.

Къ закату, точно окрыленный,
Спѣшу за нимъ, и жадно грудь
Его вечерней ласки ищетъ
И счастья въ жизни потонуть.

Всѣхъ, для кого берегъ я юность,
Кого любилъ, опять люблю
И въ тепломъ вѣтрѣ, въ звѣздномъ нобѣ
Вновь ласки женскія ловлю.

Не вѣрю, что умру, устану.
Что навсегда въ землѣ усну,—
Нѣтъ,—упоенный счастьемъ жизни,
Я лишь до солнца отдохну,

И снова день меня разбудить,
И снова,—чѣмъ бы ни былъ я,—
Я буду жить и сладко плакать
И славить радость бытія!

ЖЕМЧУГЪ.

Милъ мнѣ жемчугъ нѣжный, чистый даръ морей!
Въ лонѣ океана, въ раковинѣ тѣсной,
Росъ онъ одиноко, какъ цвѣтокъ безвѣстный,
На обломкахъ мшистыхъ мертвыхъ кораблей.

Бурею весенней выброшенъ со дна,
Онъ лежалъ въ прибоѣ на побережьи дикомъ,
Гдѣ носились чайки надъ водою съ крикомъ,
Гдѣ его качала шумная волна...

Милъ мнѣ жемчугъ нѣжный на груди твоей!
Сладко упиваясь юной красотой,
Въ свѣтломъ Божьемъ мірѣ я брожу мечтою,—
Въ небѣ, въ блескѣ солнца, въ тишинѣ морей,

Съ перлами морскими подъ водой цвѣту,
Разсыпаюсь въ рифахъ влагой голубою—
И одно есть счастье: раздѣлить съ тобою
Эту радость жизни, эту красоту!

СЪ КУРГАНА.

Дымится поле, разсвѣтъ бѣлѣетъ,
Въ степи туманной кричатъ орлы.
И дико-звонокъ ихъ плачъ голодный
Среди холодной плывущей мглы.

Въ росѣ ихъ крылья, въ росѣ бурьяны,
Благоухаютъ поля со сна...
Зарею сладокъ твой бодрый холодъ.
Твой томный голодъ,—твой зовъ, весна!

Ты побѣдила,—вся степь дымится,
Надъ степью властно кричатъ орлы,
И тучи жаркимъ горятъ пожаромъ,
И солнце шаромъ встаетъ изъ мглы!

Гроза прошла надъ лѣсомъ стороною,
Быть теплый дождь, въ травѣ стоитъ вода...
Иду одинъ тропинкою лѣсною,
И въ синевѣ вечерней надо мною
Слезою свѣтлой искрится звѣзда.

Иду—и вспоминается мерцанье
Мнѣ звѣздъ иныхъ... глубокий мракъ рѣсницъ,
И ночь, и тучи жаркое дыханье,
И молодой грозы благоуханье,
И трепеть замирающихъ зарницъ...

Все пронеслось, какъ бурный вихрь весною,
И все въ душѣ я сохраняю, любя...
Слезою свѣтлой блещетъ надо мною
Звѣзда весны за чашей кружевною...
Какъ я люблю тебя!

ВЪ СТАРОМЪ ГОРОДѢ.

Съ темной башни колоколъ уныло
Возвѣщаетъ, что закатъ угасъ.
Вотъ и снова городъ ночь сокрыла
Въ мягкій сумракъ отъ усталыхъ глазъ.

И нисходитъ кроткій часъ покоя
На дѣла людскія. Въ вышинѣ
Грустно свѣтятъ звѣзды. Все земное
Смерть, какъ стражъ, обходитъ въ тишинѣ.

Улицей бредетъ она пустынной,
Смотритъ въ окна, гдѣ чернѣетъ тьма...
Всюду глухо. Съ важностью старинной
Въ переулкахъ висятъ дома.

Тамъ въ садахъ платаны зацвѣтають,
Нѣжно вѣетъ раннею весной,
А на окнахъ дѣвушки мечтають,
Упиваясь свѣжестью ночной,

И въ молчаньи только имъ не страшенъ
Близкой смерти медленный дозоръ,
Сонный городъ, думы черныхъ башенъ
И часовъ задумчивый укоръ.

* * *

Отошли закаты на далекій сѣверъ,
Но всю ночь хранится солнца алый слѣдъ.
Тихо въ темномъ полѣ, сладко пахнетъ клеверъ,
Надъ землею брезжить слабый полусвѣтъ.

Это—ночи робкихъ молодыхъ мечтаній,
Предразсвѣтный сумракъ въ чуткомъ полуснѣ.
Это—ночи грусти и воспоминаній,
Думы на закатѣ о былой веснѣ.

* * *

Облака, какъ призраки развалинъ,
Встали на зарѣ изъ-за долинъ.
Теплый вечеръ темень и печалень,
Въ темномъ домѣ я совсѣмъ одинъ.

Слабымъ звономъ люстра отвѣчаетъ
На шаги по комнатѣ пустой...
А вдали заря зарю встрѣчаетъ,
Ночь зоветъ безсмертной красотой.

Покоряясь смѣнѣ, одиноко
Мы уходимъ... Скоро догоритъ
Нашъ закатъ... Но день ужъ недалеко,—
Онъ другихъ улыбкой озаритъ.

Кто сумѣетъ въ эту ночь отвѣтить,
Для чего лелѣялъ я мечты?
Не затѣмъ ли, чтобъ покорно встрѣтить
Эту смѣну вѣчной красоты?

ЭЛЕГІЯ.

Стояли ночи сѣвернаго мая,
И рѣялъ въ домѣ блѣдный полусвѣтъ.
Я легъ уснуть, но, тишинѣ внимая,
Все вспоминалъ о грезахъ прежнихъ лѣтъ.

Я вновь грустилъ, какъ въ юности далекой,
И слышалъ я, какъ ты вошла въ мой домъ,—
Неуловимый призракъ, одинокій
Въ старинномъ залѣ, низкомъ и пустомъ.

Я различалъ за шелестомъ одежды
Твои шаги въ глубокой тишинѣ—
И сладкія, забытыя надежды,
Мгновенныя, стѣснили сердце мнѣ.

Я уловилъ изъ оконъ свѣжесть мая,
Глядѣлъ во тьму съ тревогой прежнихъ лѣтъ...
И призракъ твой и тишина нѣмая
Сливались въ грустный, блѣдный полусвѣтъ.

* * *

Ту звѣзду, что качалася въ темной водѣ
Подъ кривою ракитой въ заглохшемъ саду,—
Огонекъ, до разсвѣта мерцавшій въ прудѣ,—
Я теперь въ небесахъ никогда не найду.

Въ то селенье, гдѣ шли молодые года,
Въ старый домъ, гдѣ я первыя пѣсни слагалъ,
Гдѣ я счастья и радости въ юности ждалъ,
Я теперь не вернусь никогда, никогда!

С Ч А С Т Ь Е.

Весенняго ливня мы ждемъ...
Ужъ тучки синѣютъ сердито
И въ воздухѣ пахнетъ дождемъ,
А къ югу все небо раскрыто...
Какъ чисто и весело въ немъ!

Нѣтъ солнца, но свѣтлы пруды,
Стоять зеркалами литыми,
И чаши недвижной воды
Совсѣмъ бы казались пустыми,
Но въ нихъ отразились сады.

Вдругъ капля, какъ шляпка гвоздя,
Упала—и, сотнями иголъ
Затоны прудовъ бороздя,
Сверкающій ливень запрыгалъ—
И садъ зашумѣлъ отъ дождя.

И вѣтеръ, играя листвою,
Смѣшалъ молодыя березки,
И солнечный лучъ, какъ живой,
Зажегъ задрожавшія блески,
А лужи налилъ синевой.

Вонъ радуга... Весело жить
И весело думать о небѣ,
О солнцѣ, о зрѣющемъ хлѣбѣ
И счастьемъ простымъ дорожить:

Съ открытой бродить головой,
Глядѣть, какъ разсыпали дѣти
Въ бесѣдкѣ песокъ золотой...
Иного нѣтъ счастья на свѣтѣ!

НА МОНАСТЫРСКОМЪ КЛАДБИЩѢ.

Ударилъ колоколъ—и дрогнулъ сонъ гробницъ,
И голубей испуганная стая
Вдругъ поднялась съ карнизовъ и бойницъ
И закружилась, крыльями блистая,
Надъ мшистою стѣной монастыря...

О, ранній благовѣстъ и майская заря!
Какъ этотъ звонъ, могучій и тяжелый,
Сливается съ открытой и веселой
Равниной зеленѣющихъ полей!
Ударилъ колоколъ—и стала ночь свѣтлѣй,
И позабыты старыя гробницы
И кельи тѣсныя, и страхи темноты,—
Душа, затрешетавъ, какъ крылья вольной птицы,
Коснулась солнечной поющей высоты!

К Е Д Р Ъ.

Темный кедръ растетъ среди долины,—
Я люблю долины тихихъ горъ,
Видитъ онъ далекія вершины
И глядится въ зеркало озеръ.

Темный кедръ одинъ въ горахъ тоскуетъ,—
Я люблю печаль весеннихъ дней,—
А кругомъ зеленый лѣсъ ликуетъ
И цвѣтутъ фіалки у корней.

Божій міръ люблю я,—въ вѣчной смѣнѣ
Онъ живетъ и красотой цвѣтетъ...
Какъ повѣрить злѣбъ иль измѣнѣ?
Темный часъ проходитъ и пройдетъ!

Темный кедръ растеть среди долины, —
Расцвѣтай, наперекоръ судьбѣ!
Быстро дни идутъ, но ни единый
Не пройдетъ безъ думы о тебѣ!

* * *

Зеленый цвѣтъ морской воды
Сквозить въ стеклянномъ небосклонѣ;
Алмазъ предутренней звѣзды
Блестить въ его прозрачномъ лонѣ.

И, какъ ребенокъ послѣ сна,
Дрожить звѣзда въ огнѣ денницы,
А вѣтеръ дуетъ ей въ рѣсницы,
Чтобъ не закрыла ихъ она.

* * *

Въ поздній часъ мы были съ нею въ полѣ.
Я дрожа касался нѣжныхъ губъ...
„Я хочу объятія до боли,
Будь со мной безжалостенъ и грубъ!“

Утомясь, она просила нѣжно:
„Убаюкай, дай мнѣ отдохнуть,
Не цѣлуй такъ крѣпко и мятежно,
Положи мнѣ голову на грудь“.

Звѣзды тихо искрились надъ нами,
Тонко пахло свѣжестью росы.
Ласково касался я устами
До горячихъ щекъ и до косы.

И она забылась. Разъ проснулась,
Какъ дитя, вздохнула въ полуснѣ,
Но, взглянувши, слабо улыбнулась
И опять прижалась ко мнѣ.

Ночь царила долго въ темномъ полѣ,
Долго милый сонъ я охранялъ...
А потомъ на золотомъ престолѣ,
На востокѣ, тихо засіялъ

Новый день, — въ поляхъ прохладно стало...
Я ее тихонько разбудилъ
И въ степи, сверкающей и алой,
По росѣ до дому проводилъ.

Н О Ч Ь.

Ищу я въ этомъ мірѣ сочетанья
Прекраснаго и вѣчнаго. Вдали
Я вижу ночь: пески среди молчанья
И звѣздный свѣтъ надъ сумракомъ земли.

Какъ письма, мерцаютъ въ тверди синей
Плеяды, Вега, Марсъ и Оріонъ.
Люблю я ихъ теченье надъ пустыней
И тайный смыслъ ихъ царственныхъ именъ!

Какъ нынѣ я, мірыяды глазъ слѣдили
Ихъ древній путь. И въ глубинѣ вѣковъ
Всѣ, для кого онѣ во тьмѣ свѣтили,
Исчезли въ ней, какъ слѣдъ среди песковъ:

Ихъ было много, нѣжныхъ и любившихъ,
И дѣвушекъ, и юношей, и женъ,
Ночей и звѣздъ, прозрачно-серебрившихъ
Евфратъ и Нилъ, Мемфисъ и Вавилонъ!

Вотъ снова ночь. Надъ блѣдной сталью Пюппы
Юпитеръ озаряетъ небеса,
И въ зеркалѣ воды, до горизонта,
Столпомъ стекляннымъ свѣтитъ полоса.

Прибрежья, гдѣ бродили тавро-скиѳы,
Уже не тѣ,—лишь море въ лѣтній штиль
Все такъ же сыплетъ ласково на рифы
Лазурно-фосфорическую пыль.

Но есть одно, что вѣчной красотою
Связуетъ насъ съ отжившими. Была
Такая жъ ночь—и къ тихому прибою
Со мной на берегъ дѣвушка пришла.

И не забыть мнѣ этой ночи звѣздной,
Когда весь міръ любилъ я для одной!
Пусть я живу мечтою бесполезной,
Туманной и обманчивой мечтой,—

Ищу я въ этомъ мірѣ сочетанья
Прекраснаго и тайнаго, какъ сонъ.
Люблю ее за счастье сліянья
Въ одной любви съ любовью всѣхъ временъ!

З А Р Н И Ц А.

Зарницы ликъ, какъ сновидѣнье,
Блеснулъ—и въ темнотѣ исчезъ.
Но увидалъ я на мгновенье
Всю даль и глубину небесъ.

Тамъ въ горнемъ свѣтѣ встали горы
Изъ розоватыхъ облаковъ,
Тамъ градъ и райскіе соборы...
И снова черный палъ покровъ.

Вотъ задрожалъ и вспыхнулъ снова—
И снова блещущій восторгъ,
И мракъ томленія земного
Господь десницею расторгъ...

Не такъ же ль въ радости случайной
Мечта взмахнетъ порой крыломъ—
И вдругъ блеснетъ небесной тайной
Все потонувшее въ быломъ?

* * *

Спокойный взоръ, подобный взору лани,
И все, что въ немъ такъ нѣжно я любилъ,
Я до сихъ поръ въ печали не забылъ,
Но образъ твой теперь уже въ туманѣ.

А будутъ дни—угаснетъ и печаль,
И засинѣетъ сонъ воспоминанья,
Гдѣ нѣтъ уже ни счастья, ни страданья,
А только всепрощающая даль.

З А К А Т Ъ.

За все Тебя, Господь, благодарю!
Ты, послѣ дня тревоги и печали,
Даруешь мнѣ вечернюю зарю,
Просторъ полей и кротость синей дали.

Я одинокъ и нынѣ—какъ всегда.
Но вотъ закатъ разлилъ свой пышный пламень,
И таетъ въ немъ Вечерняя Звѣзда,
Дрожа насквозь, какъ самоцвѣтный камень.

И счастливъ я печальною судьбой
И есть отрада сладкая въ сознаньи,
Что я одинъ въ безмолвномъ созерцаньи,
Что всѣмъ я чуждъ и говорю—съ Тобой!

ВЪ МОРѢ.

Высоко нашъ флагъ трепещетъ,
Гордо вздулся парусъ полный,
Всталъ, огромный и косой;

А навстрѣчу зыбью плещетъ,
И бѣгутъ—змѣятся волны
Быстрой, гибкой полосой.

Изумрудъ горитъ, сверкая,
Въ ней, какъ въ раковинѣ тѣсной,
Мѣдью свѣтитъ на борта;

А кругомъ вода морская
Такъ тяжка и полновѣсна,
Точно ртутью налита.

Ходитъ зыбкими буграми,
Ходитъ мощно и упруго,
Высоко возносить челнъ—

И бѣгущими горами
Принимаютъ другъ отъ друга
Насъ крутые гребни волнъ!

У Т Р О.

Свѣтитъ въ горы небо голубое,
Молодое утро сходить съ горъ.
Далеко внизу—кайма прибоя,
А за ней—сіяющій просторъ.

Съ высоты къ востоку смотрятъ горы,
Гдѣ за нѣжно-млечной синевою
Таютъ въ морѣ бѣлые узоры
Отдаленной цѣпи снѣговой.

И въ дали, таинственной и зыбкой,
Изъ-за горъ восходитъ солнца свѣтъ—
Точно горы свѣтлою улыбкой
Отвѣчаютъ братьямъ на привѣтъ.

ВЕСНЯНКА.

Передъ грозой, въ Петровки, жаркой почью,
Среди лѣсного ропота и шума,
Спѣшилъ я, спотыкаясь на коряги
И путаясь межъ елокъ, за Веснянкой.
Она неслась стрѣлой среди деревьевъ
И, бѣлая, мелькала въ темнотѣ,
Когда зарницу вѣтромъ раздувало,
А у меня ужъ запеклись уста
И сердце трепетало, точно голубь.
„Постой!“—хотѣлъ я крикнуть—и не могъ.

Мы долго съ ней бѣжали по болоту,
Вдоль озера, вдоль отмели, заросшей
Купавами, травой и камышами,
И наконецъ я выбился изъ силъ.
Хочу сказать: „Остановись, не бойся!“—
Она на мигъ оглянется—и въ путь!
А между тѣмъ въ лѣсу поднялся вѣтеръ,
Деревья недовольно зароптали,
Задвигали мохнатой хвоей ели,
И звѣзды замелькали изъ-за нихъ.
Кричу за ней: „Остановись, послушай!
Я все равно до свѣта не отстану,
Ты понапрасну мучишься“... Не слышитъ!

Вдругъ молнія всю чащу озарила
Таинственнымъ и блѣдно-синимъ свѣтомъ...
„Стой!“—крикнулъ я.—Лишь слово! Я не трону...“
(Она остановилась на мгновенье)
„Отвѣть,—вскричалъ я,—кто ты? И зачѣмъ
Ты здѣсь со мной встрѣчалась вечерами,
Ждала меня надъ заводью темнѣвшей,
Гдѣ сумрачно и тускло рдѣли воды?
Зачѣмъ со мной ты слушала, грустя,
Далекихъ пѣсенъ радость молодую?
Зачѣмъ потомъ, когда онѣ смолкали
И только комары звенѣли сонно
Да нѣжно пахло теплою водой,
Ты разбирала ласково мнѣ кудри,
А я глядѣлъ съ твоихъ колѣнъ въ глаза?
Зачѣмъ во тьмѣ, когда изъ тихой рощи
Гремѣли соловьи, ты наклонялась

Къ моей щекѣ горячею щекой
И цѣловала сладко, осторожно,
А послѣ—все томительнѣй и крѣпче?
Скажи, зачѣмъ?..“ Она лицо руками
Закрыла вдругъ и горько зарыдала...

И долго мы, какъ звѣри за добычей,
Опять бѣжали въ рощѣ. Шумный ливень
По темнымъ чащамъ съ громомъ бушевалъ,
Даль раскрывали молніи, и ярко
Бѣлѣло платье дѣвичье... Но вдругъ
Оно исчезло, точно провалилось.
Я выскочилъ съ разбѣга на опушку,
Упалъ въ овесъ, запутанный и мокрый,
И зарыдалъ, забился... Въ вышинѣ,
Сквозь жидкія, разорванныя тучи,
Мелькали звѣзды. Вѣтеръ предразсвѣтный
Пахнулъ съ гречихъ медвянымъ ароматомъ,
И вдругъ, открывъ глаза, я улыбнулся.
„О, да!—сказалъ я, радостно вздохнувъ:—
Я страсть сломилъ... Пойду къ ней и скажу:
„Прости меня,—я изнемогъ, измученъ,—
Люби другихъ,—меня лишь пожалѣй.
Такъ горестно, такъ сладко жить на свѣтѣ,
Любя нераздѣленною любовью,
Но чувствуя, что ты не одинокъ!“
И вновь вскочивъ, я вновь упалъ на землю.

Я замиралъ, я трепеталъ отъ скорби,
Стеналъ, какъ звѣрь, и плакалъ, расточая
Безумныя и нѣжныя слова...
Потомъ я обезсилѣлъ. Наступило
Сѣдое утро, тихое, сырое,
Овсы къ землѣ приникли—и устало
Я головой склонился на межу...

Грозы не будетъ больше. Скоро осень.

ПОДЪ ТУЧЕЙ.

Полями пахнетъ,—свѣжихъ травъ,
Луговъ прохладное дыханье!
Отъ сѣнокосовъ и дубравъ
Я въ немъ ловлю благоуханье.

Повѣтъ вѣтеръ—и замретъ...
А надъ полями даль темнѣтъ,
И туча изъ-за нихъ растетъ,—
Закрыла солнце и синѣтъ.

Нежданной молніи игра,
Какъ мечъ, блеснувшій на мгновенье,
Вдругъ озарить изъ-за бугра—
И снова сумракъ и томленье...

Какъ ты таинственна, гроза!
Какъ я люблю твое молчанье,
Твое внезапное блистанье,—
Твои безумные глаза!

* * *

Звѣзда надъ темными далекими лѣсами
Всѣхъ ярче искрится, прекрасна и грустна.
Въ прозрачномъ сумракѣ царить подъ небесами
Ночная тишина.

Какъ откровенію, я тишинѣ внимаю,
Не отрывая глазъ отъ звѣздной вышины,
И мнится, что опять душою постигаю
Таинственную рѣчь и звѣздъ, и тишины,—
Опять, какъ въ тѣ часы, когда глядѣлъ, бывало,
Ребенкомъ я въ ночной, весенній небосклонъ
И рѣялъ надо мной спокойно и устало
Безгрѣшный дѣтскій сонъ,

А за плечомъ моимъ, въ одеждахъ бѣлоснѣжныхъ,
Стоялъ Хранитель мой—и кроткая печаль
Была въ его очахъ, задумчивыхъ и нѣжныхъ,
Безмолвно устремленныхъ въ даль...

НАДПИСЬ НА МОГИЛЬНОЙ ПЛИТѢ.

Нѣсть, Господи, грѣховъ и злодѣяній
Превыше милосердья Твоего!
Рабу земли и суетныхъ желаній
Прости грѣхи за горести сего.

Завѣтъ любви хранилъ я въ жизни свято:
Во дни тоски, наперекоръ уму,
Я не питалъ змѣю вражды на брата,
Я все простилъ, по слову Твоему.

Я, тишину познавшій гробовую,
Я, воспріавшій скорби темноты,
Изъ нѣдръ земныхъ землѣ благовѣствую
Глаголы Незакатной Красоты!

ИЗЪ АПОКАЛИПСИСА.

ГЛАВА IV.

И я узрѣлъ: отверста дверь на небѣ,
И прежній гласъ, который слышалъ я,
Какъ звукъ трубы, гремѣвшей надо мною,
Мнѣ повелѣлъ: войди и зри, что̀ будетъ.

И духъ меня мгновенно осѣнилъ.
И се—на небесахъ передъ очами
Стоялъ престолъ, на немъ же былъ Сидящій.

И сей Сидящій, славою сіяя,
Былъ точно камень яспись и сардисъ,
И радуга, подобная смарагду,
Его престолъ широко обняла.

И вокругъ престола двадесять четыре
Другихъ престола было, и на каждомъ
Я видѣлъ старца въ ризѣ бѣлоснѣжной
И въ золотомъ вѣнцѣ на головѣ.

И отъ престола исходили гласы
И молніи, и громы, а предъ нимъ—
Семь огненныхъ свѣтильниковъ горѣли,
Изъ коихъ каждый былъ Господній духъ.

И предъ лицомъ престола было море,
Стеклянное, подобное кристаллу,
А посреди престола и окрестъ—
Животныя, число же ихъ четыре.

И первое подобно было льву,
Тельцу—второе, третье—человѣку,
Четвертое—летающему орлу.

И каждое изъ четырехъ животныхъ
Три пары крылъ имѣло, а внутри
Они очей исполнены безъ счета
И никогда не вѣдаютъ покоя,
Взывая къ Славѣ: Святъ, святъ, святъ, Господь,
Богъ Вседержитель, Коій пребываетъ
И былъ во вѣки вѣка и грядетъ!

Когда же такъ вызываютъ, воздавая
Честъ и хвалу Живущему вовѣки,
Сидящему во славѣ на престолѣ,
Тогда всѣ двадесять четыре старца
Ницъ у престола падаютъ въ смиреньи
И, поклоняясь Сущему вовѣки,
Кладутъ вѣнцы къ престолу и рекутъ:

Воистину достоинъ воспріяти
Ты, Господи, хвалу, и честь, и силу,
Затѣмъ, что все Тобой сотворено
И существуетъ волею Твоею!

НА ГОРАХЪ.

Пока я шель, я былъ такъ малъ!
Я самъ собѣ такимъ казался,
Когда хребетъ далекихъ скалъ
Со мною росъ и возвышался.

Но на предѣльной ихъ чертѣ
Я переросъ ихъ восхождение.
Одинъ, въ пустынной высотѣ,
Я чую высихъ силъ томленье.

Земля—подножіе мое.
Ея громада поднимаетъ
Меня въ иное бытіе,
И душу радость обнимаетъ.

Но бездны страхъ—онъ не исчезъ,
Онъ набѣгаетъ издалека...
Не потому ль, что одиноко
Я заглянулъ въ лицо небесъ?

* * *

Изъ тѣсной пропасти ущелья
Памъ небо кажется синѣй.
Привѣтъ тебѣ, нѣмая келья
И радость одинокихъ дней!

Звучнѣй и пѣсни и рыданья
Гремятъ подъ сводами тюрьмы.
Привѣтъ вамъ, гордыя страданья,
Среди ея холодной тьмы!

Изъ рудниковъ, изъ черной бездны
Намъ звѣзды видны даже днемъ.
Гляди смѣлѣе въ сумракъ звѣздный—
Предвѣчный свѣтъ таится въ немъ!

НОЧЬЮ въ ЮЛѢ.

Не слышать еще тяжкаго грома за лѣсомъ,—
Только сполохъ зарницъ пробѣгаетъ въ вершинахъ...
Лапы елей висятъ неподвижнымъ навѣсомъ,
И запуталась хвоя въ сухихъ паутинахъ...

Если жъ молнія вспыхнетъ, какъ пламя надъ горномъ,
Раскрываются чаши въ изломахъ невѣрныхъ,
Точно древніе своды во храмахъ пещерныхъ,
Въ подземельѣ Перуна, высокомъ и черномъ!

КУРГАНЪ.

Любилъ онъ ночи темныя въ шатрѣ,
Степныхъ кобылъ заливчатое ржанье,
И передъ битвой волчье завыванье,
И коршуновъ на сумрачномъ бутрѣ.

Страсть буйной мощи силясь утолить,
Онъ за врагомъ скакалъ, какъ изступленный,
Чтобъ дерзостью погони опьяненной,
Горячей кровью землю напоить.

Стрѣлою скиѣтъ насквозь его пробилъ,
И тамъ, гдѣ смерть ему закрыла очи,
Возсталъ курганъ—и темный вѣтеръ ночи
Дождемъ холодныхъ слезъ его крошилъ.

Прошли вѣка, но слава древней были
Жила въ вѣкахъ... Нѣтъ смерти для того,
Кто любитъ жизнь, и пѣсни сохранили
Далекое наслѣдіе его.

Онѣ поютъ печаль воспоминаній,
Онѣ безсмертье прошлаго поютъ
И жизни, отошедшей въ міръ преданій,
Свой братскій зовъ и голосъ подають.

СОНЪ-ЦВѢТОКЪ.

Это было глухое, тяжелое время.
Дни въ разлукѣ текли, я, какъ мертвый, олуждалъ;
Я коня на*закатѣ сѣдлалъ
И въ безлюдномъ дворѣ ставилъ ногу на стремя.

На горѣ меня темное поле встрѣчало.
Въ темноту, на востокъ, направлялъ я коня—
И пустынная ночь окружала меня
И, склонивши колосья, молчала.

Замыкалось кольцомъ море снѣлаго хлѣба.
Жизни не было въ немъ. Ужъ давно отцвѣли
Тѣ цвѣты, чтò въ поляхъ хороводы вели
И смотрѣли въ далекое, ясное небо.

И, молчанью внимая, я тихо склонялся
Головой на луку. Я безъ мысли глядѣлъ
На дорожную пыль и душой холодѣлъ,
И въ холодной тоскѣ забывался.

Позднимъ лѣтомъ въ степи, на казацкихъ могилахъ
„Сонъ-цвѣтокъ“ въ полуснѣ одиноко цвѣтетъ:
Онъ живой, но сухой. Онъ угаснуть не въ силахъ,
Но весна для него не придетъ.

* * *

Моя печаль теперь спокойна,
И съ каждымъ годомъ все яснѣй
И вижу даль, гдѣ прежде знойно
Снѣла дымка лѣтнихъ дней...

Такъ въ тишинѣ приморской виллы
Слышнѣ осенью прибой,
Подобный голосу Сибиллы,
Безстрастной, мудрой и слѣпой.

Такъ на зарѣ въ степи широкой
Слышнѣ колоколъ въ дали,
Спокойный, вѣщій и далекій
Отъ мелкихъ горестей земли.

* * *

Звѣзды ночи осенней, холодныя звѣзды!
Какъ угрюмо и грустно мерцаете вы!
Небо тускло и глухо, какъ куполь собора,
И заливы морскіе — темны и мертвы.

Млечный Путь надъ заливами смутно бѣлѣтъ,
Точно саванъ ночной, точно блѣдный просвѣтъ
Въ бездну Вѣчныхъ Ночей, въ запредѣльное небо,
Гдѣ ни скорби, ни радости нѣтъ.

И осеннія звѣзды, угрюмо мерца
Безнадежнымъ мерцаніемъ тусклыхъ лучей,
Говорятъ объ иной, — о предвѣчной печали
Запредѣльныхъ Ночей.

* * *

Шумѣли листья, облетая,
Лѣсъ заводилъ осенній вой...
Какихъ-то сѣрыхъ птичекъ стая
Кружилась по вѣтру съ листвою.

А я былъ малъ, — безпечной шуткой
Смятенье ихъ казалось мнѣ:
Подъ гулъ и шорохъ пляски жуткой
Мнѣ было весело вдвойнѣ.

Хотѣлось вмѣстѣ съ вихремъ шумнымъ
Кружиться по лѣсу, кричать —
И каждый мертвый листъ встрѣчать
Восторгомъ радостно-безумнымъ!

* * *

Свѣтло, какъ днемъ, и тѣнь за нами бродить
Въ нашихъ кустахъ. На серебрѣ травы
Луна съ небесъ таинственно обводитъ
Сіяніе вокругъ темной головы.

Луна возшла надъ садомъ такъ высоко,
Что рѣдкій садъ весь виденъ до воротъ.
И все молчитъ. И вѣтъ издадека
Съ пустого поля сыростью болотъ.

Остановясь, ловлю твой взоръ прощальный,
Но въ сердцѣ холодъ мертвенный таю —
И блѣдный ликъ, загадочно-печальный,
Подъ блѣдною луной не узнаю.

* * *

Смотрить мѣсяцъ ненастный, какъ сылются желтые листья,
Какъ проносится вѣтеръ въ безпомощно-зыбкомъ саду.
На кусты и поляны въ тоскѣ припадаютъ деревья:
„Прноси, вольный вѣтеръ, скорѣй эту жуткую ночь!

„Не зато ль такъ нещадно насъ мучить холодная ссепь,
Что цвѣли мы весной, упиваясь улыбкой небесъ,
Забывая въ дни счастья про черныя ночи неѣстья,—
Роковую расплату за радость весны и любви?“

Съ неземною печалью глядитъ затуманенный мѣсяцъ...
Вѣтеръ въ жуткомъ восторгѣ проносится въ черныхъ кустахъ:
„Достигайте въ несчастіи радости мукъ безпредѣльных!
Приготовьтесь къ Великому мукой великихъ потерь!“

ИЗЪ ДНЕВНИКА.

Въ окно я вижу груды облаковъ,
Холодныхъ, бѣлоснѣжныхъ, какъ зимою,
И яркость неба влажно-голубого.
Осенній полдень свѣтелъ, и на сѣверъ
Уходятъ тучи. Клены золотые
И бѣлыя березки у балкона
Сквозятъ на небѣ рѣдкою листвою,
И хрусталемъ на нихъ сверкаютъ льдинки.
Онѣ, качаясь, таютъ, а за домомъ
Бушуетъ вѣтеръ... Двери на балконѣ
Уже давно заклеены къ зимѣ,
Двойныя рамы, топленныя печи —
Все охраняетъ ветхій домъ отъ стужи,
А по саду пустому кружить вѣтеръ
И, листья подметая по аллеямъ,
Гудитъ въ березахъ старыхъ... Свѣтелъ день,
Но холодно,—до снѣга недалеко.

Въ концѣ аллеи есть старая калитка.
Подъ нею лужа зеркаломъ чернѣетъ,

А въ лужѣ—куча листьевъ. За калиткой
Зеленыхъ всходовъ лоснится равнина
И даль полей открыта... Много дней
Вдоль тѣхъ аллей, среди березъ гудящихъ,
Подъ холодомъ и вѣтромъ я скитался,
Пытаясь къ одиночеству привыкнуть,
Забыть тебя, унять тоску разлуки,
Пока недугъ тоски не поборолъ...
Теперь я отдыхаю. Одиноко
Проходятъ дни, но горе миновало.
Мнѣ радостно глядѣть теперь на небо,
На облака, на солнце... Я съ улыбкой
Внимаю пѣснѣ вѣтра, что разгульно
Весь день звенить и свищетъ въ щели рамъ.

Я часто вспоминаю осень юга...
Теперь на Черномъ морѣ непрерывно
Бушуютъ бури: тусклый блескъ отъ солнца,
Скалистый берегъ, бѣшенный прибой
И по волнамъ сверкающая пѣна...
Ты помнишь этотъ берегъ, окаймленный
Ея широкой снѣжною грядой?
Бывало, мы сбѣжимъ къ водѣ съ обрыва
И жадно ловимъ вѣтеръ. Вольно вѣетъ
Онъ бодростью и свѣжестью морской;
Срывая брызги съ бурнаго прибоя,
Онъ влажной пылью воздухъ наполняетъ
И снѣжныхъ чаекъ носить надъ волнами.
Мы въ шумѣ волнъ кричимъ ему навстрѣчу,
Онъ валить съ ногъ и заглушаетъ голосъ,
А намъ легко и весело, какъ птицамъ...
Ты помнишь, что я говорилъ тебѣ?
„Не надо думать въ радости и горѣ!
Люби и грусть, и радость,—пѣсни жизни“.

Все это сномъ мнѣ кажется теперь.
Деревня, глушь, забытая усадьба,
И только вѣтеръ тотъ же... Онъ играетъ
Въ березахъ старыхъ, кружится по саду
И въ щели рамъ, мѣняясь каждый мигъ,
Поетъ чемъ-то, звонко и высоко...
Какое дѣло вѣтру до сомнѣній,
До слезъ о пропломъ? Жизнь не замедляетъ
Свой вольный бѣгъ,—она зоветъ впередъ,
Она поетъ, какъ вѣтеръ, лишь о вѣчномъ!

Зачѣмъ смущать себя безплодной думой,
Что мы живемъ не счастьемъ, а надеждой
На это счастье,—что никто не знаетъ,
Къ чему всѣ наши радости и скорби,
Когда насъ ждетъ забвеніе, ничто?
Умру—и все жъ останусь въ этомъ мірѣ,
Какъ часть его великой, вѣчной жизни,
И пусть, пока я сознаю его,
Пока я это чувствую и мыслю,
Пусть сердце не смущается въ печали,
Пусть познаётъ, что и печаль, и радость
Равно прекрасны въ вѣчной жаждѣ—жить!

ЭПИТАЛАМА.

Озаренъ былъ сумракъ мрачный
Въ старомъ храмѣ, и сіялъ
Чистый образъ новобрачной
При огняхъ, въ фатѣ прозрачной,
Подъ молитвенный хораль.

А изъ оконъ ночь синѣла;
Зимній вечеръ темень былъ,
Вьюга въ сумракѣ шумѣла,
Грустно съ колоколомъ пѣла,
Подымая снѣгъ съ могилъ...

Восприми же въ часъ урочный
Юной жизни торжество.
Будь любимой, непорочной:
Близокъ мертвый часъ полночный,
Близокъ сонъ и мракъ его.

Сохрани уборъ вѣнчальный,
Сохрани цвѣты твои:
Въ жизни краткой и печальной
Свѣтитъ только безначальный,
Непорочный свѣтъ любви!

* * *

Морозное дыханіе мятели
Еще свѣжо, но улеглась мятель.
Бѣлѣтъ снѣга мшистая постель,
Въ сугробахъ стынуть траурныя ели.

Ночное небо низко и черно,—
Лишь въ глубинѣ, гдѣ Млечный Путь бѣлѣтъ,
Сквозить его таинственное дно
И холодомъ созвѣздій пламенѣтъ.

Обрывки тучъ порой темнѣютъ въ немъ...
Но стынетъ ночь. И низко надъ землею
Усталый вихрь шипящею змѣею
Скользить и жжетъ своимъ сухимъ огнемъ.

КРЕЩЕНСКАЯ НОЧЬ.

Темный ельникъ снѣгами, какъ мѣхомъ,
Опушили сѣдые морозы,
Въ искрахъ инея, въ мелкихъ алмазахъ,
Задремали, склонившись, березы.

Неподвижно застыли ихъ вѣтки,
А межъ ними на снѣжное лоно,
Точно сквозь серебро кружевное,
Полный мѣсяцъ глядитъ съ небосклона.

Высоко онъ поднялся надъ лѣсомъ,
Въ яркомъ свѣтѣ своемъ цѣпенѣя,
И причудливо стелются тѣни,
На снѣгу подъ вѣтвями чернѣя.

Замело чащи лѣса мятелью,—
Только выются слѣды и дорожки,
Убѣгая, межъ сосенъ и елокъ,
Межъ березокъ, до ветхой сторожки.

Убаюкала выюга сѣдая
Дикой пѣснею лѣсъ опустѣлый,
И заснулъ онъ, засыпанный снѣгомъ,
Весь сквозной, неподвижный и бѣлый.

Тишина,—даже вѣтка не хрустнетъ.
А быть-можетъ, за этимъ оврагомъ
Пробирается волкъ по сугробамъ
Осторожнымъ и медленнымъ шагомъ...

Огонекъ изъ забытой сторожки
Чуть замѣтно и робко мерцаетъ,
Точно онъ притаился подъ лѣсомъ
И чего-то въ тиши поджидаетъ.

Въ дальнихъ чащахъ, гдѣ вѣтви и тѣни
Въ лунномъ свѣтѣ узоры сплетаютъ,
Все мнѣ чудится что-то живое,
Все какъ будто звѣрьки пробѣгаютъ.

Бриллиантомъ лучистымъ и яркимъ,
То зеленымъ, то синимъ играя,
На востокъ, у трона Господня,
Остро блещетъ звѣзда, какъ живая.

А надъ лѣсомъ все выше и выше
Всходитъ мѣсяцъ—и въ дивномъ покоѣ
Замираетъ морозная полночь
И хрустальное царство лѣсное.

1886—1901.

КУСТАРНИКЪ.

Жесткой, черной листвою шелеститъ и трепещетъ кустарникъ,
Точно въ снѣжную даль убѣгаетъ въ испугѣ.
Въ бѣломъ полѣ стога, косогоръ и забытый овчарникъ
Тонуть въ бѣломъ дыму разгулявшейся вьюги.

Дымный вѣтеръ кружить и нестеть въ небѣ вѣрона бокомъ,
Конскій слѣдъ на бѣгу порохитъ-заметаеть...
Вонъ прохожій вдали. Истомленъ на пути одинокомъ,
Мертвымъ шагомъ онъ мѣрно и тупо шагаетъ.

„Добрый путь, человѣкъ! Далеко ль до села, до ночлега?“
Онъ не слышитъ, идетъ, только голову клонить...
А куда и спѣшить противъ холода, вѣтра и снѣга?
Родились мы въ снѣгу,—вьюга насъ и схоронитъ.

Занесетъ равнодушно, какъ стогъ, какъ забытый овчарникъ...
Хорошо ей у насъ, на просторѣ великомъ!
Безпріютная жизнь, одинокій подъ бурей кустарникъ,
Не тебѣ одолѣть въ полѣ темномъ и дикомъ!

НА ОСТРОВѢ.

Люблю я нашъ обрывъ, гдѣ дикою грядою
Бѣлѣютъ стѣны скалъ, смотря на дальній югъ,
Гдѣ моря синяго раскинуть полукругъ,
Гдѣ кажется, что міръ кончается водою,
И дышится легко среди безбрежныхъ водъ.

Въ веселый лѣтній день, когда на солнцѣ блещетъ
Скалистый известнякъ, и въ каждый звонкій гротъ
Зеленая вода хрустальной влагой плещетъ,
Люблю я зной и ширь, и вольный небосводъ,
И острова пустынные высоты.

Ласкаютъ ихъ вѣтры и волны лижутъ ихъ,
А чайки зоркія заглядываютъ въ гроты, —
Косятся въ чуткій мракъ пещеръ береговыхъ
И вдругъ, надъ бѣлыми утесами взмывая,
Сверкаютъ крыльями въ просторахъ голубыхъ,
Кого-то жалобно и звонко призывая.

З В Ъ З Д Ы.

Не устанемъ воспѣвать васъ, звѣзды! —

Вѣчно вы таинственны и юны.

Съ дѣтскихъ дней я робко постигаю

Темныхъ безднъ сіяющія руны.

Въ дѣтствѣ я любилъ васъ безотчетно, —

Сказкою вы нѣжною мерцали.

Въ молодые годы только съ вами

Я дѣлилъ надежды и печали.

Вспоминая первыя признанья,

Я ищу межъ вами образъ милый...

Дни пройдутъ — вы будете свѣтиться

Надъ моей забытою могилой.

И быть-можетъ, я пойму васъ, звѣзды,

И мечта, быть-можетъ, воплотится,

Что земнымъ надеждамъ и печалямъ

Суждено съ небесной тайной слиться!

АККЕРМАНСКІЯ СТЕПИ.

„Крымскіе сонеты“ Мицкевича.

Выходимъ на просторъ степного океана.

Возъ тонетъ въ зелени, какъ челнъ въ равнинѣ водъ,

Межъ заводовъ цвѣтовъ, въ волнахъ травы плыветъ,

Минуя острова багрянаго бурьяна.

Темнѣетъ. Впереди — ни шляха, ни кургана.

Гдѣ путеводныхъ звѣздъ, гляжу на небосводъ...

Вонъ блещетъ облако, а въ немъ звѣзда встаетъ:

То за стальнымъ Днѣстромъ маякъ у Аккермана.

Какъ тихо! Постоимъ. Далеко въ сторонѣ

Я слышу журавлей въ незримой вышинѣ,

Внемлю, какъ мотылекъ въ травѣ цвѣты колышетъ,

Какъ гдѣ-то скользкій ужъ, шурша, въ бурьянъ ползетъ.

Такъ ухо звука ждетъ, что можно бы разслышать
И зовъ съ Литвы... Но въ путь! Никто не позоветъ.

ЧАТЫРДАГЪ.

„КРЫМСКІЕ СОНЕТЫ“ Мицкевича.

Склоняюсь съ трепетомъ къ стопамъ твоей твердыни,
Великій Чатырдагъ, могучій ханъ Яйлы.

О, мачта крымскихъ горъ! О, минаретъ Аллы!

До тучъ вознесся ты въ лазурныя пустыни

И тамъ стоишь одинъ, у вратъ надзвѣздныхъ странъ,

Какъ грозный Гавріилъ у вратъ святого рая.

Зеленый лѣсъ — твой плащъ, а тучи — твой тюрбанъ,

И молніи на немъ узоры ткуть, блистая.

Печетъ ли солнце насъ, плыветъ ли мгла, какъ дымъ,

Летитъ ли саранча, иль жжетъ гяуръ селенья, —

Ты, Чатырдагъ, всегда и нѣмъ и недвижимъ.

Безстрастный драгоманъ всемірнаго творенья,

Поправъ весь дольний міръ подножіемъ своимъ,

Ты внемлешь лишь Творца предвѣчныя велѣнья!

СТИХОТВОРЕНІЯ.

1902 г.

С М Е Р Т Ъ.

Спокойно на погостѣ подѣ луною...
Крестовѣ объятѣя, камни и сирень...
Но вотѣ нашѣ склепѣ,—подѣ мраморной стѣною,
Какѣ темный призракъ, вытянулась тѣнь.
И жутко мнѣ. И мой двойникѣ могильный
Какѣ будто ждетѣ чего-то при лунѣ...
Но я иду—и тѣнь, какѣ рабѣ безсильный,
Опять ползетѣ, опять покорна мнѣ!

ЛѢСНАЯ ДОРОГА.

Вѣ березовомѣ лѣсу, гдѣ распѣвають птицы,
Гдѣ вѣ шелковой травѣ сквозѣ тѣнь лучи горятѣ,
Темнѣютѣ холмики, — могилѣ забытыхѣ рядѣ,
А подѣ березами, какѣ юныя черницы,
Смиренно елочки зеленыя стоятѣ.
Былѣ здѣсь когда-то скитѣ, какѣ говорятѣ преданья,
И десять дѣвственницѣ, отрекшись отѣ земли,
Вѣ немѣ приняли обѣтъ святого созерцанья,
Держали строгій постѣ и, какѣ цвѣты, цвѣли
Подѣ пѣнье Божьихѣ птицѣ и странниковѣ сказанья.
Былѣ здѣсь дремучій борѣ, вѣ народѣ говорятѣ,
Былѣ долгій станѣ татарѣ, вѣ лѣсахѣ кипѣли битвы;
Потомѣ былѣ этотѣ край спокоенѣ и богатѣ,
И древній скудный скитѣ и подвиги молитвы
Забылись, точно сонѣ, ужѣ много лѣтъ назадѣ.
Немало было сновѣ, — зачѣмѣ намѣ помнить ихѣ?
И вотѣ опять весна. Вѣ лѣсу все зеленѣетѣ,

Лѣсъ сѣнокоса ждетъ, а небосклонъ синѣетъ
Межъ бѣлыхъ облаковъ, среди вершинъ лѣсныхъ,
И на глазахъ трава въ полдневномъ зноѣ млѣетъ.

Пройдетъ моя весна, и этотъ день пройдетъ,
Но весело бродить и знать, что все проходитъ,
Межъ тѣмъ какъ счастье жить вовѣки не умереть,
Покуда надъ землею заря зарю выводитъ
И молодая жизнь рождается въ свой чередъ.

Бѣжить зеленый лѣсъ, поютъ и свищутъ птицы,
А вонъ и озеро, песчаный, бѣлый скатъ...
Пошелъ! И бубенцы играютъ и гремятъ,
Въ колесахъ, какъ лучи, блестятъ на солнцѣ спицы,
И кружева тѣней по лошадямъ скользятъ...

НА ОЗЕРѢ.

На озерѣ, среди лѣсовъ зеленыхъ,
Кувшинки бѣлыя, какъ звѣзды, расцвѣли.
Въ Петровки, въ жаркій день, когда въ бору сосновомъ
Такъ сухо и свѣтло отъ солнца и песковъ,
Я прихожу на лугъ, подъ тѣнь ольхи серебристой,
Гдѣ пахнетъ мятою и теплою водою,
Гдѣ рѣютъ радужно-стеклянные стрекозы
И блещетъ озеро среди стволовъ березъ.

На озерѣ, въ веселый лѣтній полдень,
Я слышу женскій смѣхъ, далекій крикъ и плескъ,
Въ бору за озеромъ аукается кто-то —
И сладко мнѣ дремать и слушать въ полуснѣ...
Люблю я молодыхъ, счастливыхъ и безпечныхъ,
Люблю зеленый лѣсъ и долгій лѣтній день,
Всѣ голоса его меня зовутъ, волнуютъ...
Но я заката жду. Я жду иной любви.

Закроются на озерѣ кувшинки...
Какъ ночь въ лѣсу темна, спокойна и тепла!
Кузнечики въ травѣ чуть шепчутся. Сквозь вѣтви
Блѣблетъ озеро, — тамъ звѣзды въ глубинѣ...
Стоишь и слушаешь — и кажется, что звѣзды
Глядятъ изъ темныхъ водъ, и свѣтляки въ кустахъ
Для тѣхъ, кто ждетъ любви, затеплились недвижно...
И вотъ она идетъ, — неслышно и легко.

Таинственно съ песчаного побережья
Она сойдетъ къ водѣ, одежды тихо снявъ, —

И ласковымъ тепломъ вода ее обниметъ,
И закачается у берега звѣзда.
Какъ жутко-хорошо въ ночномъ подводномъ небѣ!
Какая глубина!.. Но поздно,—выходи!..
Прохладны и легки одежды послѣ влаги,
Песокъ еще хранить полдневное тепло...

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ.

Передъ закатомъ набѣжало
Надъ лугомъ облако — и вдругъ
На взгорье радуга упала,
И засверкало все вокругъ.
Стеклянный, рѣдкій и ядреный,
Съ веселымъ шорохомъ спѣша,
Промчался дождь, и лѣсъ зеленый
Затихъ, прохладою дыша.
Вотъ день! Ужъ это не впервые:
Прольется — и уйдетъ изъ глазъ...
Какъ эти ливни золотые,
Пугая, радовали насъ!
Едва лишь добѣжимъ до чащи —
Все стихнетъ... О, росистый кустъ!
О, взоръ, счастливый и блестящій,
И холодокъ покорныхъ устъ!

* * *

Когда вдоль корабля, качаясь, вѣется пѣна
И небо межъ снастей синѣетъ въ вышинѣ,
Люблю твой блѣдный ликъ, печальная Селена,
Твой безнадежный взоръ, сопутствующій мнѣ.
Люблю подъ шорохъ волнъ рыбацкіе напѣвы
И свѣжесть отъ воды — ночные вздохи волнъ,
И созданный мечтой, манящій образъ дѣвы,
И мой безцѣльный путь, мой одинокій челнъ.

* * *

Что напрасно мечтать! Кто на пѣсню откликнется?
Каждый слышитъ въ ней только свое...
Пусть же сердце скорѣй съ одиночествомъ свыкнется:
Все равно не воротить ее!

Если бъ вы и сошлись, если бъ вы и смирились,—
Ужъ не той она будетъ, не той!
Кто вернетъ тотъ закатъ, какъ навѣкъ вы простились,
Темный взоръ, засіявшій слезой?
Дни бѣгутъ — и теперь отъ былого остались
Только думы о томъ, чего нѣтъ,
Лишь цвѣты, что цвѣли въ день, когда вы вѣнчались,
Да поблекшій портретъ!

* * *

Чашу съ темнымъ виномъ подала мнѣ богиня печали.
Тихо выпивъ вино, я въ смертельной истомѣ поникъ.
И сказала безстрастно, съ холодной улыбкой богиня:
„Сладокъ ядъ мой хмельной. Это лозы съ могилы любви“.

* * *

Крестъ въ долину при дорогѣ,
А на немъ, на ржавыхъ копьяхъ
У подножія Распятія,
Изъ степныхъ цвѣтовъ вѣнокъ...
Какъ былъ ясенъ южный вечеръ!
Какъ любилъ я вечерами
Уходить въ просторъ долины,
Къ одинокому кресту!

Тяжело въ тѣ дни мнѣ было.
Я былъ молодъ, я навѣки
Съ тѣмъ, кому я отдалъ душу,
Разставался въ эти дни.
Чья же грусть мою смиряла?
Кто, задумчивый и кроткій,
Сплелъ въ долину при дорогѣ
Изъ степныхъ цвѣтовъ вѣнокъ?

За широкою долиной,
Въ балкахъ, даль полей синѣла,
Южный августовскій вечеръ
Былъ спокоенъ, тихъ и ясенъ,
А въ долину кто-то пѣлъ.
И звала меня, томила
Даль полей, что поздимъ лѣтомъ
Такъ прекрасна и безстрастна,
Такъ безлюдна и грустна...

Память сердца, образъ милый!
Все, чѣмъ молодость смущала,
Все, чѣмъ сладко упивалось
Молодое сердце въ скорби,
Все теперь слилось съ тобой.
Съ тайной болью вспоминаю
То, чего забыть нѣтъ силы,
Но съ печальнаго пути
Все назадъ гляжу съ печалью,
Все надѣюсь, что услышу
Хоть послѣднее „прости!“

* * *

Какъ все спокойно и какъ все открыто!
Какъ на землѣ стало тихо и бѣдно!
Садъ осыпается, — все въ немъ забыто,
Небо велико и холодно-блѣдно...
Небо далекое, не ты ли, нѣмое,
Меня пугаешь своимъ просторомъ?
Здѣсь, въ этой бѣдности, гдѣ все родное,
Встрѣчу я осень радостнымъ взоромъ.
Еще разсѣянъ огонь листопада,
И рѣдкія краски ласково-ярки;
Еще синицы свищутъ изъ сада,
И какъ имъ тихо въ забытомъ паркѣ!
И только ночью, когда бушуетъ
Осенній вѣтеръ, все чуждо снова...
И одинокое сердце тоскуетъ:
О, если бы близость сердца родного!

БРОДЯГИ.

На позабытомъ трактѣ къ Оренбургу,
Въ безплодной и холмистой котловинѣ
Большой, глухой дороги на востокъ,
Стоить въ лугу холщевая кибитка
И бродить кляча въ путяхъ. Ни души
Нѣтъ на лугу, — цыганъ въ кибиткѣ дремлетъ,
И дѣвочка-подростокъ у дороги
Сидитъ себѣ одна и равнодушно,
Съ привычной скукой, смотреть на закатъ:

На солнце, уходящее за пашню,
На блескъ лучей надъ темнымъ косогоромъ.
Наморщивъ лобъ отъ вѣтра, вся въ лохмотьяхъ,
Она слѣдитъ въ безлюдьѣ за холоднымъ,
Печальнымъ солнцемъ, тѣнюю отъ холма
И алой пылью, вѣющей съ дороги
Изъ-подъ копытъ кобылы,—то молчить,
То будто грезить, — что-то напѣваетъ...
Какая глушь! Какая скудость жизни!
Какіе заунывные напѣвы!

Бродя по свѣту, выгнанный изъ дому
Нуждой и скукой, часто воспоминаю
Я собственное дѣтство: протекло
Оно въ степи, среди лощинъ и пашень,
Среди такихъ же голыхъ косогоровъ,
Какъ вотъ на этомъ трактѣ; много тихихъ
Печальныхъ дѣтствъ зачѣмъ-то расцвѣтало
И расцвѣтетъ не разъ еще въ безлюдьѣ
Степныхъ полей; мнѣ тяжело любить ихъ,
Но какъ забыть родное?

Ни души

Нѣтъ на лугу, а солнце въ тучку сѣло,
Темнѣетъ въ котловинѣ, вѣтеръ дуетъ
И ночь идетъ... Пошли Господь бродягамъ
Не думать днемъ и не слышать, какъ ночью
Шатается въ сухомъ бурьянѣ вѣтеръ
И что-то шепчетъ, словно въ забытьѣ!
Спи подъ кибиткой, дѣвочка! Проснешься —
Буди отца больного, запрягай —
И снова въ путь... А для чего, — кто скажетъ?
Жизнь, какъ могила въ полѣ, молчалива.

ЗАБЫТЫЙ ФОНТАНЪ.

Разсыпался чертогъ изъ янтаря,—
Изъ края въ край сквозить аллея къ дому.
Холодное дыханье сентября
Разносить вѣтеръ по саду пустому.
Онъ заметаешь листьями фонтанъ,
Взвѣваетъ ихъ, внезапно налетая,
И, точно птицъ испуганная стая,
Кружатъ они среди сухихъ полянъ.

Порой къ фонтану дѣвушка приходитъ,
Влача по листьямъ спущенную шаль,
И подолгу очей съ него не сводить.

Въ ея лицѣ — застывшая печаль,
По цѣлымъ днямъ она, какъ призракъ, бродить,
А дни бѣгутъ... Имъ никого не жаль.

ЭПИТАФІЯ.

Я дѣвушкой, невѣстой умерла.
Онъ говорилъ, что я была прекрасна,
Но о любви я лишь мечтала страстно,—
Я краткими надеждами жила.

Въ апрѣльскій день я отъ людей ушла,
Ушла навѣкъ покорно и безгласно —
И все жъ была я въ жизни не напрасно:
Я для его любви не умерла.

Здѣсь, въ тишинѣ кладбищенской аллеи,
Гдѣ только вѣтеръ вѣетъ въ полуснѣ,
Все говоритъ о счастѣ и веснѣ.

Сонетъ любви на старомъ мавзолеѣ
Звучитъ безсмертной грустью обо мнѣ,
А небеса синѣютъ вдоль аллеи.

ЗИМНІЙ ДЕНЬ ВЪ ОБЕРЛАНДѢ.

Лазурнымъ пламенемъ сіяютъ небеса...
Какъ ясенъ зимній день, какъ восхищаютъ взоры
Въ безбрежной высотѣ изваянныя горы,—
Титановъ снѣговыхъ полярная краса!

На скатахъ ихъ, какъ сѣть, чернѣются лѣса
И бѣлыя поля сквозятъ въ ея узоры,
А выше, точно рать, бредетъ на косогоры
Темно-зеленыхъ пихтъ и елей полоса.

Зоветъ ихъ горній міръ, зовутъ снѣговъ пустыни,
И тянетъ къ нимъ уйти,—быть вольнымъ, какъ дикарь,
И цѣлый день дышать морозомъ на вершинѣ.

Уйти и чувствовать, что ты—питмей и царь,
Что надъ тобой, какъ храмъ, воздвигся куполь синій
И блещетъ Зильбергорнъ, какъ ледяной алтарь!

СИВАШЪ.

Багряная печальная луна
Виситъ вдали, но степь еще темна.
Луна во тьму свой теплый отблескъ сѣетъ,
И надъ болотомъ красный сумракъ рѣетъ...
Ужъ поздно—и какая тишина!

Мнѣ кажется,—луна оцѣпенѣетъ:
Она какъ будто выросла со дна
И допотопной лиліей краснѣетъ...

Но меркнуть звѣзды. Даль озарена.
Равнина водъ на горизонтѣ млѣетъ,
И въ ней луна столбомъ отражена.
Склонивъ лицо прозрачное, свѣтлѣетъ
И грустно въ воду смотрится она...
Поетъ комаръ. Тепломъ и гнилью вѣетъ.

КОНДОРЪ.

Громады горъ, зазубренныя скалы
Изъ океана высятся грядой.
Подъ ними берегъ, дикій и пустой,
Надъ ними кондоръ, тяжкій и усталый.
Померкъ закатъ. Въ ущелья и провалы
Нисходитъ ночь. Гонимый темнотою,
Уродливо-плечистый и худой,
Онъ медленно спускается на скалы.
И долгій крикъ, звенящій крикъ тоски,
Вдругъ раздается жалобно и властно
И замираетъ въ небѣ. Но безстрастно
Синѣетъ море. Скалы и пески
Скрываетъ ночь—и вѣетъ на вершинѣ
Дыханьемъ смерти, холодомъ пустыни.

* * *

Широко межъ вершинъ дубравы
Струилась синяя рѣка;
Благоухая, сохли травы,
Дымясь, курились облака.

Дымясь, вставали изъ-за лѣса
На склонъ небесъ—и вотъ одно
Могучимъ обликомъ Зевеса
Воздвигло снѣжное руно...

Но таетъ призракъ величавый—
И снова свѣтозарный сонъ,
И снова межъ вершинъ дубравы—
Лазури пламенный затонъ.

ПѢСНЬ О ГАЙАВАТѢ.

ЛОНГФЕЛЛО.

ПРЕДИСЛОВІЕ ПЕРЕВОДЧИКА.

„Пѣснь о Гайаватѣ“ считается самымъ замѣчательнымъ трудомъ Лонгфелло. Появилась она въ 1855 году. Впечатлѣніе, произведенное ею, было необыкновенно: въ полгода она выдержала 30 изданій, породила массу статей и подражаній и была переведена на многіе европейскіе языки.

Всѣхъ поразила, прежде всего, оригинальность ея сюжета и новизна блестящей, строго выдержанной формы.

„Мой знаменитый другъ,—говоритъ извѣстный нѣмецкій поэтъ Ф. Фрейлигратъ въ предисловіи къ своему переводу „Пѣсни о Гайаватѣ“,—открылъ американцамъ Америку въ поэзіи. Онъ первый создалъ чисто-американскую поэму, и она должна занять выдающееся мѣсто въ Пантеонѣ всемірной литературы“.

Но главное, что навсегда упрочило за „Пѣсней о Гайаватѣ“ славу, это — рѣдкая красота художественныхъ образовъ и картинъ, въ связи съ высокимъ поэтическимъ и гуманнымъ настроеніемъ. Въ „Пѣснѣ о Гайаватѣ“ отразились всѣ лучшія качества души и таланта ея творца. Лонгфелло всю жизнь посвятилъ служенію возвышенному и прекрасному. „Добро и красота незримо разлиты въ міръ“, — говорилъ онъ и всю жизнь всюду искалъ ихъ. Ему всегда были особенно дороги чистые сердцемъ люди, его увлекала дѣвственная природа, манили къ себѣ древнія народныя преданія съ ихъ величавой простотой и благородствомъ, потому что самъ онъ до глубокой старости сохранилъ въ себѣ возвышенную, чуткую и нѣжную душу. Онъ говорилъ о поэтахъ:

„Только тѣ были увѣнчаны, только тѣхъ имена священны, которые сдѣлали народы благороднѣй и свободнѣе“.

Эти слова можно примѣнить къ нему самому. Онъ призывалъ людей къ миру, любви и братству, къ труду на пользу ближняго. Въ его поэмахъ и стихотвореніяхъ всегда „незримо разлиты добро и красота“; они всегда отличаются, не говоря уже о простотѣ и изяществѣ формы, тонкимъ пониманіемъ и замѣчательнымъ художественнымъ воспроизведеніемъ природы и человѣческой жизни.

Пѣснь о Гайаватѣ“ служить лучшимъ доказательствомъ всего сказаннаго. Она трогаетъ насъ то величіемъ древней легенды, то тихими радостями дѣтства, то чистотою и нѣжностью первой любви, то безмятежностью трудовой жизни на лонѣ природы, то скорбью роковыхъ и вѣчныхъ бѣдъ человѣческаго существованія. Она воскрешаетъ передъ нами красоту дѣвственныхъ лѣсовъ и прерій, возсоздаетъ цѣльные характеры первобытныхъ людей, ихъ бытъ и міросозерцаніе.

„Пѣснь о Гайаватѣ“, — говоритъ Лонгфелло, — это — индѣйская Эдда, если я могу такъ назвать ее. Я написалъ ее на основаніи легендъ, господствующихъ среди сѣверо-американскихъ индѣйцевъ. Въ нихъ говорится о человѣкѣ чудеснаго происхожденія, который былъ посланъ къ нимъ расчислить ихъ рѣки, лѣса и рыболовные мѣста и научить народы мирнымъ искусствамъ. У разныхъ племенъ онъ былъ извѣстенъ подъ разными именами: Michabou, Chiabo, Manabozo, Tagenaugagon и Hiawatha, что значитъ — пророкъ, учитель. Въ это старое преданіе я вплелъ и другія интересныя индѣйскія легенды... Дѣйствіе поэмы происходитъ въ странѣ оджибуэевъ, на южномъ берегу Верхняго Озера, между Живописными Скалами и Великими Песками“.

Въ Россіи „Пѣснь о Гайаватѣ“ еще мало извѣстна. Д. Л. Михаловскій сухо и съ пропусками перевелъ только нѣсколько главъ ея, значительно измѣнивъ форму и тонъ подлинника. Полный переводъ ея появляется *впервые*. Я всюду старался держаться возможно ближе къ подлиннику, сохранить простоту и музыкальность рѣчи, сравненія и эпитеты, характерныя повторенія словъ и даже, по возможности, число и расположеніе стиховъ. Это было не легко: краткость англійскихъ словъ вошла въ пословицу; иногда приходилось сознательно жертвовать легкостью стиха, чтобы изъ одной строки Лонгфелло не дѣлать нѣсколькихъ. Съ другой стороны, нѣкоторые стихи подлинника почти слово въ слово укладывались въ русскіе, чѣмъ объясняется близость иныхъ мѣстъ моего перевода съ переводомъ Михаловскаго.

Что касается индѣйскихъ словъ, то я провѣрилъ ихъ значеніе по нѣмецкому переводу Фрейлиграта, который просмотрѣлъ самимъ Лонгфелло. Списокъ этихъ словъ помѣщенъ въ концѣ книги. Въ большинствѣ случаевъ индѣйскія слова пояснены прямо въ текстѣ, какъ это сдѣлано въ подлинникѣ, — напримѣръ: „Вьеть гнѣздо Омими, голубь“... Иногда это дѣлало стихъ менѣе изящнымъ, чѣмъ хотѣлось бы. Надѣюсь, впрочемъ, что лица, знакомыя съ подлинникомъ, извинятъ мнѣ это.

Смѣло могу сказать только одно: я работалъ съ горячею любовью къ произведенію, дорогому для меня съ дѣтства, и съ полною добросовѣстностью, этой слабой данью моей благодарности великому поэту, доставившему мнѣ столько чистой и высокой радости.

1898.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Если спросите—откуда
Эти сказки и легенды
Съ ихъ лѣснымъ благоуханьемъ,
Влажной свѣжестью долины,
Голубымъ дымкомъ вигвамовъ,
Шумомъ рѣкъ и водопадовъ,
Шумомъ, дикимъ и стозвучнымъ,
Какъ въ горахъ раскаты грома?—
Я скажу вамъ, я отвѣчу.

„Отъ лѣсовъ, равнинъ пустынныхъ,
Отъ озеръ Страны Полночной,
Изъ страны Оджибуэевъ,
Изъ страны Дакотовъ дикихъ,
Съ горъ и тундръ, съ болотныхъ топей,
Гдѣ среди осоки бродить
Цапля сизая, Шухъ-шухъ-га.
Повторяю эти сказки,
Эти старыя преданья
По напѣвамъ сладкозвучнымъ
Музыканта Навадаги“

Если спросите, гдѣ слышалъ,
Гдѣ нашелъ ихъ Навадага,—
Я скажу вамъ, я отвѣчу:
„Въ гнѣздахъ пѣвчихъ птицъ, по рощамъ,
На прудахъ, въ норахъ бобровыхъ,
На лугахъ, въ слѣдахъ бизоновъ,
На скалахъ, въ орлиныхъ гнѣздахъ.“

„Эти пѣсни раздавались
На болотахъ и на топяхъ,
Въ тундрахъ сѣвера печальныхъ:
Читовейкъ, зуюкъ, тамъ пѣлъ ихъ,
Мангъ, нырокъ, гусь дикій, Вава,

Цапля сизая, Шухъ-шухъ-га,
И глухарка, Мушкодаза“.

Если бъ дальше вы спросили:
„Кто же этотъ Навадага?
Разскажи про Навадагу!“—
Я тотчасъ бы вамъ отвѣтилъ
На вопросъ такою рѣчью:

„Средь долины Тавазэнта,
Въ тишинѣ луговъ зеленыхъ,
У излучистыхъ потоковъ,
Жилъ когда-то Навадага.
Вкругъ индѣйскаго селенья
Разстилались нивы, доли,
А вдали стояли сосны,
Боръ стоялъ, зеленый—лѣтомъ,
Бѣлый—въ зимніе морозы,
Полный вздоховъ, полный пѣсенъ.

„Тѣ веселые потоки
Были видны на долинѣ
По разливамъ ихъ—весною,
По ольхамъ серебристымъ—лѣтомъ,
По туману—въ день осенній,
По руслу—зимой холодной.
Возлѣ нихъ жилъ Навадага
Средь долины Тавазэнта,
Въ тишинѣ луговъ зеленыхъ.

„Тамъ онъ пѣлъ о Гайаватѣ,
Пѣлъ мнѣ Пѣснь о Гайаватѣ,—
О его рожденьи дивномъ,
О его великой жизни:
Какъ постился и молился,
Какъ трудился Гайавата,
Чтобъ народъ его былъ счастливъ,
Чтобъ онъ шелъ къ добру и правдѣ“.

Вы, кто любите природу—
Сумракъ лѣса, шопоть листьевъ,
Въ блескѣ солнечномъ долины,
Бурный ливень и мятели,
И стремительныя рѣки

Въ неприступныхъ дебряхъ бора,
И въ горахъ раскаты грома,
Что какъ хлопанье орлиныхъ
Тяжкихъ крыльевъ раздаются,—
Вамъ принесъ я эти саги,
Эту Пѣснь о Гайаватѣ!

Вы, кто любите легенды
И народныя баллады,
Этотъ голосъ дней минувшихъ,
Голосъ прошлаго, манящій
Къ молчаливому раздумью,
Говорящій такъ по-дѣтски,
Что едва уловить ухо,
Пѣсня это, или сказка,—
Вамъ изъ дикихъ странъ принесъ я
Эту Пѣснь о Гайаватѣ!

Вы, въ чьемъ юномъ, чистомъ сердцѣ
Сохранилась вѣра въ Бога,
Въ искру Божью въ человѣкѣ;
Вы, кто помните, что вѣчно
Человѣческое сердце
Знало горести, сомнѣнья
И порывы къ свѣтлой правдѣ,
Что въ глубокомъ мракѣ жизни
Насъ ведетъ и укрѣпляетъ
Провидѣніе незримо,—
Вамъ безхитростно пою я
Эту Пѣснь о Гайаватѣ!

Вы, которые, блуждая
По околицамъ зеленымъ,
Гдѣ, склонившись на ограду,
Посѣдѣвшую отъ моха,
Барбарисъ висить, краснѣя,
Забывается порою
На запущенномъ погостѣ
И читаете въ раздумьѣ
На могильномъ камнѣ надпись,
Неумѣлую, простую,
Но исполненную скорби,
И любви, и чистой вѣры,—
Прочитайте эти руны,
Эту Пѣснь о Гайаватѣ!

I.

ТРУБКА МИРА.

На горахъ Большой Равнины,
На вершинѣ Красныхъ Камней,
Тамъ стоялъ Владыка Жизни,
Гитчи Манито могучій,
И съ вершины Красныхъ Камней
Созывалъ къ себѣ народы,
Созывалъ людей отъсюду.

Отъ слѣдовъ его струилась,
Трепетала въ блескѣ утра
Рѣчка, въ пропасти срываясь,
Ишкудой, огнемъ, сверкая.
И перстомъ Владыка Жизни
Начерталъ ей по долинѣ
Путь излучистый, сказавши:
„Вотъ твой путь отнынѣ будетъ!“

Отъ утеса взявши камень,
Онъ слѣпилъ изъ камня трубку
И на ней фигуры сдѣлалъ.
Надъ рѣкою, у побережья,
На чубукъ тростинку вырвалъ,
Всю въ зеленыхъ, длинныхъ листьяхъ;
Трубку онъ набилъ корою,
Красной ивовой корою,
И дохнулъ на лѣсъ сосѣдній.
Отъ дыханья вѣтви шумно
Закачались и, столкнувшись,
Жркимъ пламенемъ зажглись;
И на горныхъ высяхъ стоя,
Закурилъ Владыка Жизни
Трубку Мира, созывая
Всѣ народы къ совѣщанью.

Дымъ струился тихо, тихо
Въ блескѣ солнечнаго утра:
Прежде—темною полоской,
Послѣ—гуще, синимъ паромъ,
Забѣлѣлъ въ лугахъ клубами,

Какъ зимой вершины лѣса,
Плылъ все выше, выше, выше,—
Наконецъ коснулся неба
И волнами въ сводахъ неба
Раскатился надъ землею.

Изъ долины Тавазэнта,
Изъ долины Вайоминга,
Изъ лѣсистой Тоскалузы,
Отъ Скалистыхъ Горъ далекихъ,
Отъ озеръ Страны Полночной,
Всѣ народы увидали
Отдаленный дымъ Покваны,
Дымъ призывный Трубки Мира.

И пророки всѣхъ народовъ
Говорили: „То Поквана!
Этимъ дымомъ отдаленнымъ,
Что сгибается, какъ ива,
Какъ рука, киваетъ, манитъ,
Гитчи Манито могучій
Племена людей сзываетъ,
На совѣтъ зоветъ народы“.

Вдоль потоковъ, по равнинамъ,
Шли вожди отъ всѣхъ народовъ,
Шли Чоктосы и Команчи,
Шли Шошоны и Омоги,
Шли Гуроны и Мэндэны,
Делавэры и Могоки,
Черноногіе и Поны,
Оджибвеи и Дакоты—
Шли къ горамъ Большой Равнины,
Предъ лицо Владыки Жизни.

И въ dospѣхахъ, въ яркихъ краскахъ,—
Словно осенью деревья,
Словно небо на разсвѣтѣ,—
Собрались они въ долины,
Дико глядя другъ на друга;
Въ ихъ очахъ—смертельный вызовъ,
Въ ихъ сердцахъ—вражда глухая,
Вѣковая жажда мщенья—
Роковой завѣтъ отъ предковъ.

Гитчи Манито, всесильный,
Сотворившій всѣ народы,
Поглядѣлъ на нихъ съ участьемъ,
Съ отчей жалостью, съ любовью,—
Поглядѣлъ на гнѣвъ ихъ лютый,
Какъ на злобу малолѣтнихъ,
Какъ на ссору въ дѣтскихъ играхъ.

Онъ простеръ къ нимъ сѣнь десницы,
Чтобъ смягчить ихъ нравъ упорный,
Чтобъ смирить ихъ пылъ безумный
Мановеніемъ десницы.
И величественный голосъ,
Голосъ, шуму водъ подобный,
Шуму дальнихъ водопадовъ,
Прозвучалъ ко всѣмъ народамъ,
Говоря: „О, дѣти, дѣти!
Слову мудрости внимлите,
Слову кроткаго совѣта
Отъ того, кто всѣхъ васъ создалъ!

„Даль я земли для охоты,
Даль для рыбной ловли воды,
Даль медвѣдя и бизона,
Даль оленя и косулю,
Даль бобра вамъ и казарку;
Я наполнилъ рѣки рыбой,
А болота—дикой птицей.
Что жъ ходитъ васъ заставляетъ
На охоту другъ за другомъ?

„Я усталъ отъ вашихъ распрей,
Я усталъ отъ вашихъ споровъ,
Отъ борьбы кровопролитной,
Отъ молитвъ о кровной мести.
Ваша сила—лишь въ согласѣ,
А безсиліе—въ разладѣ.
Примиритесь, о, дѣти!
Будьте братьями другъ другу!

„И прійдетъ Пророкъ на землю
И укажетъ путь къ спасенью;
Онъ наставникомъ вамъ будетъ,
Будетъ жить, трудиться съ вами.

Всѣмъ его совѣтамъ мудрымъ
Вы должны внимать покорно—
И умножатся всѣ роды,
И настанутъ годы счастья.
Если жъ будете вы глухи,—
Вы погибнете въ раздорахъ!

„Погрузитесь въ эту рѣку,
Смойте краски боевыя,
Смойте съ пальцевъ пятна крови;
Закопайте въ землю луки,
Трубки сдѣлайте изъ камня,
Тростниковъ для нихъ нарвите,
Ярко перьями украсьте,
Закурите Трубку Мира
И живите впредь, какъ братья!“

Такъ сказалъ Владыка Жизни.
И всѣ воины на землю
Тотчасъ кинули доспѣхи,
Сняли всѣ свои одежды,
Смѣло бросились въ рѣку,
Смыли краски боевыя.
Свѣтлой, чистою волною.
Выше ихъ вода лилася—
Отъ слѣдовъ Владыки Жизни.
Мутно-красною волною
Ниже ихъ вода лилася,
Словно смѣшанная съ кровью.

Смывши краски боевыя,
Вышли воины на берегъ,
Въ землю палицы зарыли,
Погребли въ землѣ доспѣхи.
Гитчи Манито могучій,
Духъ Великій и Создатель,
Встрѣтилъ воиновъ улыбкой.

И въ молчаньи всѣ народы
Трубки сдѣлали изъ камня,
Тростниковъ для нихъ нарвали,
Чубуки убрали въ перья
И пустились въ путь обратный—
Въ ту минуту, какъ завѣса

Облаковъ заколебалась,
И въ дверяхъ отверстыхъ неба .
Гитчи Манито сокрылся,
Окруженъ клубами дыма
Отъ Покваны, Трубки Мира.

II.

ЧЕТЫРЕ ВѢТРА.

„Слава, слава, Мэджекивисъ!“—
Старцы, воины кричали
Въ день, когда онъ возвратился
И принесъ Священный Вампумъ
Изъ далекихъ странъ Вабассо,—
Царства кролика сѣдого,
Царства Сѣвернаго Вѣтра.

У Великаго Медвѣдя
Онъ укралъ Священный Вампумъ,
Съ толстой шен Мише-Моквы,
Предъ которымъ трепетали
Всеѣ народы, снялъ онъ Вампумъ
Въ часъ, когда на горныхъ высяхъ
Спалъ медвѣдь, тяжелый, грузный,
Какъ утесъ, обросшій мохомъ,
Сѣрымъ мохомъ въ бурыхъ пятнахъ.

Тихо онъ къ нему подкрался,
Такъ подкрался осторожно,
Что его почти касались
Когти красные медвѣдя,
А горячее дыханье
Обдавало жаромъ руки.
Осторожно снялъ онъ Вампумъ
По ушамъ, по длинной мордѣ
Исполина Мише-Моквы;
Ничего не услышали
Уши круглыя медвѣдя,
Ничего не разглядѣли
Глазки сонныя—и только
Изъ ноздрей его дыханье
Обдавало жаромъ руки.

Кончивъ, палицей взмахнулъ онъ,
Крикнулъ громко и протяжно

И ударилъ Мише-Мокву
Въ середину лба съ размаху,
Между глазъ ударилъ прямо!

Словно громомъ оглушенный,
Приподнялся Мише-Моква,
Но едва впередъ подался,
Затряслись его колѣни,
И со стономъ, какъ старуха,
Сѣлъ на землю Мише-Моква.
А могучій Мэджекивисъ
Передъ нимъ стоялъ безъ страха,
Надъ врагомъ смѣялся громко,
Говорилъ съ пренебреженьемъ:

„О, медвѣдь! Ты—Шогодайя!
Всюду хвастался ты силой,
А какъ баба, какъ старуха,
Застоналъ, завылъ отъ боли.
Трусъ! Давно уже другъ съ другомъ
Племена враждуютъ наши,
Но теперь ты убѣдился,
Кто безстрашнѣй и сильнѣе.
Уходите прочь съ дороги,
Прячьтесь въ горы, въ лѣсъ скрывайтесь!
Если бъ ты меня осилилъ,
Я бъ не крикнулъ, умирая,
Ты же хнычешь предо мною
И свое позоришь племя,
Какъ трусливая старуха,
Какъ презрѣнный Шогодайя“.

Кончивъ, палицей взмахнулъ онъ,
Вновь ударилъ Мише-Мокву
Въ середину лба съ размаху,
И, какъ ледъ подъ рыболовомъ,
Треснулъ черепъ подъ ударомъ.
Такъ убитъ былъ Мише-Моква,
Такъ погибъ Медвѣдь Великій,
Страхъ и ужасъ всѣхъ народовъ.

„Слава, слава, Мэджекивисъ!—
Восклицалъ народъ въ восторгъ.—
Слава, слава, Мэджекивисъ!

Пусть отнынѣ и вовѣки
Вѣтромъ Запада онъ будетъ,
Властелиномъ надъ вѣтрами!“
И могучій Мэджекивисъ
Сталъ владыкой надъ вѣтрами.
Вѣтеръ Западный оставилъ
Онъ себѣ, другіе отдалъ
Дѣтямъ: Вебону—Восточный,
Шавондази—теплый Южный,
А Полночный Вѣтеръ дикій
Злому далъ Кабибоноккѣ.

Молодъ и прекрасенъ Вебонъ!
Это онъ приноситъ утро
И серебряныя стрѣлы
Сыплеть, сумракъ прогоняя,
По холмамъ и по долинамъ;
Это Вебона ланиты
На зарѣ горятъ багрянцемъ,
А призывный голосъ будить
И охотника и звѣря.

Одинокъ на небѣ Вебонъ!
Для него всѣ птицы пѣли,
Для него цвѣты въ долинахъ
Разливали сладкій запахъ,
Для него шумѣли рѣки,
Рощи темныя вздыхали,
Но всегда былъ грустенъ Вебонъ:
Одинокъ онъ былъ на небѣ.

Утромъ разъ, на землю глядя,
Въ часъ, когда спала деревня
И туманъ, какъ привидѣнье,
Надъ рѣкой блуждалъ, бѣлѣя,
Онъ увидѣлъ, что въ долинѣ
Ходитъ дѣва,—собираетъ
Камыши и длинный шпажникъ
Надъ рѣкою по долинѣ.

Съ той поры, на землю глядя,
Только очи голубыя
Видѣлъ Вебонъ на разсвѣтѣ:
Какъ два озера лазурныхъ,

На него онѣ смотрѣли,
И задумчивую дѣву,
Что къ нему стремилась сердцемъ,
Полюбилъ прекрасный Вебонъ:
Оба были одиноки,
На землѣ—она, онъ—въ небѣ.

Онъ возлюбленную нѣжилъ
И ласкалъ улыбкой солнца,
Нѣжилъ вкрадчивою рѣчью,
Тихимъ вздохомъ, тихой пѣснѣй,
Тихимъ шопотомъ деревьевъ,
Ароматомъ бѣлыхъ лилій.
Къ сердцу милую привлечь онъ,
Яркимъ пурпуромъ окуталъ—
И она затрепетала
На груди его звѣздою.
Такъ донынѣ неразлучно
Въ небесахъ они проходятъ:
Вебонъ, рядомъ Вебонъ-Аннонгъ—
Вебонъ и Звѣзда Разсвѣта.

Въ ледяныхъ горахъ, въ пустынѣ,
Въ царствѣ кролика, Вабассо,
Въ царствѣ вѣчной снѣжной вьюги,
Обиталъ Кабибонокка.
Это онъ осенней ночью
Разрисовываетъ листья
Краской желтой и багряной,
Это онъ приноситъ вьюги,
По лѣсамъ шипить и свищетъ,
Покрываетъ льдомъ озера,
Гонить чаекъ острокрылыхъ,
Гонить цаплю и баклана
Въ камыши, въ морскія бухты,
Въ гнѣзда ихъ на тепломъ югѣ.

Вышелъ разъ Кабибонокка
Изъ своихъ чертоговъ снѣжныхъ
Межъ горами ледяными,
Устремился съ воємъ къ югу
По замерзшимъ, бѣлымъ тундрамъ,
И, осыпанные снѣгомъ,
Волоса его—рѣкою,

Черной, зимнею рѣкою
По землѣ за нимъ струились.

Въ тростникахъ, среди осоки,
На замерзшихъ, бѣлыхъ тундрахъ
Жилъ тамъ Шингебисъ, морянка.
Одинокѣ въ бѣлыхъ тундрахъ
Проводилъ онъ зиму эту:
Братья Шингебиса были
Въ теплыхъ странахъ Шавондази.

И вскричалъ Кабибонокка
Въ лютомъ гнѣвѣ: „Кто дерзаетъ
Презирать Кабибонокку?
Кто осмѣлился остаться
Въ царствѣ Сѣвернаго Вѣтра,
Если Вава и Шухъ-шухъ-га,
Если дикій гусь и цапля
Ужъ давно на югъ умчались?
Я пойду къ его вигваму,
И очагъ его разрушу!“

И пришелъ во мракъ ночи
Ко врагу Кабибонокка.
Онъ намелъ сугробы снѣга,
Завывалъ въ трубѣ вигвама,
Потрясалъ его свирѣпо,
Рвалъ дверныя занавѣски.
Шингебисъ не испугался,
Шингебисъ его не слушалъ!
Въ очагъ его играло
Пламя яркое, и рыбу
Ѣлъ онъ съ пѣснями и смѣхомъ.

Ворвался тогда въ жилище
Дикій, злой Кабибонокка,
Шингебисъ отъ стужи вздрогнулъ
Въ ледяномъ его дыханьи,
Но попрежнему смѣялся,
Но попрежнему пѣлъ громко:
Онъ костеръ поправилъ только,
Чтобъ костеръ горѣлъ свѣтлѣе,
Чтобъ кидало пламя искры.

И съ чела Кабибонокки,
Съ косъ его въ снѣгу холодномъ
Стали падать капли пота,
Какъ весною каплетъ съ крыши
Иль съ вѣтвей болиголова.
Побѣжденный этимъ жаромъ,
Раздраженный этимъ пѣньемъ,
Онъ вскочилъ и изъ вигвама
Въ поле бросился, шагая
По рѣкамъ и по озерамъ:
На борьбу надъ бѣлой тундрой
Вызывалъ врага коварно.

Но безъ страха, безъ боязни
Вышелъ Шингебисъ на битву;
До разсвѣта онъ боролся
Съ Вѣтромъ Сѣвернымъ надъ тундрой,
До утра когтями бился
Шингебисъ съ Кабибоноккой.
И безъ силъ Кабибонокка
Отступилъ въ свои владѣнья,
Со стыдомъ бѣжалъ по тундрамъ
Въ царство кролика, Вабассо
А за нимъ все раздавались
Хохотъ, пѣсни и насмѣшки.

Шавондази, тучный, сонный,
Обиталъ на дальнемъ югѣ,
Гдѣ въ дремотномъ блескѣ солнца
Круглый годъ царило лѣто.
Это онъ шлетъ птицъ весною,
Шлетъ къ намъ ласточку, шлетъ Пошо,
Шлетъ Овейсу, трясогузку,
Опечи шлетъ, реполова,
Гуся, Ваву, шлетъ на сѣверъ,
Шлетъ табакъ душистый, дыни,
Виноградъ въ багряныхъ гроздьяхъ.

Дымъ изъ трубки Шавондази
Небеса туманитъ паромъ,
Наполняетъ нѣгой воздухъ,
Мягкій блескъ даетъ озерамъ,
Очертанья горъ смягчая,
Вѣетъ пѣжной лаской лѣта

Въ теплый Мѣсяцъ свѣтлой ночи,
Въ Мѣсяцъ Лыжъ зимой холодной.

Беззаботный Шавондази!
Лишь одно узналъ онъ горе,
Лишь одну печаль извѣдалъ.
Разъ, смотря на сѣверъ съ юга,
Далеко въ степныхъ равнинахъ
Онъ увидѣлъ утромъ дѣву,
Дѣву съ гибкимъ, стройнымъ станомъ,
Одинокую въ равнинахъ.
Былъ на ней нарядъ зеленый,
И какъ солнце были косы.

День за днемъ потомъ смотрѣлъ онъ,
День за днемъ вздыхалъ онъ страстно,
День за днемъ все больше сердце
Разгоралось въ немъ любовью
Къ дѣвѣ нѣжной, златокудрой.
Но лѣнивъ и неподвиженъ
Былъ безпечный Шавондази,
Да, лѣнивъ и слишкомъ тученъ.
Къ милой онъ пойти все медлилъ,
Онъ сидѣлъ, вздыхая страстно,
И все только любовался
Златокудрой дѣвой прерій.

Наконецъ однажды утромъ
Увидалъ онъ, что поблекли
Кудри русые у милой,—
Словно первый снѣгъ, бѣлѣютъ.
„О, мой братъ изъ Странъ Полночныхъ,
Изъ далекихъ странъ Вабассо,
Царства Сѣвернаго Вѣтра!
Ты укралъ мою невѣсту,
Завладѣлъ моею милой,
Обольстилъ ее своею
Сказкой Сѣвернаго Вѣтра!“

Такъ несчастный Шавондази
Изливалъ свои страданья,
И бродилъ въ равнинахъ знойный
Южный Вѣтеръ, полный вздоховъ,
Страстныхъ вздоховъ Шавондази.

И наполнился весь воздухъ,
Словно снѣгомъ, бѣлымъ пухомъ:
Погубили вздохи вѣтра
Дѣву съ русыми кудрями,
И отъ взоровъ Шавондази
Навсегда сокрылась дѣва!

О, мечтатель Шавондази!
Не по дѣвушкѣ вздыхалъ ты,
Не на женщину смотрѣлъ ты,—
На цвѣтокъ, на одуванчикъ;
О цвѣткѣ вздыхалъ ты страстно,
На цвѣтокъ глядѣлъ все лѣто
День за днемъ съ любовью томной,
И сгубилъ его навѣки,
Въ полѣ вздохами развѣялъ.
Бѣдный, бѣдный Шавондази!

II.

ДѢТСТВО ГАЙАВАТЫ.

Въ лѣтній вечеръ, въ полнолуны,
Въ незапамятное время,
Въ незапамятные годы,
Прямо съ мѣсяца упала
Къ намъ прекрасная Нокомисъ,
Дочь ночныхъ свѣтилъ, Нокомисъ.

Какъ дитя, она играла,
На вѣтвяхъ на виноградныхъ
Межъ подругъ своихъ качалась,
И одна изъ нихъ, сгорая
Злобой ревности и мести,
Эти вѣтви подрубила,
И на Мускодэ упала,
На цвѣтущую долину,
Замирая отъ испуга,
Лѣтнимъ вечеромъ Нокомисъ.
„Вонъ звѣзда упала съ неба!“—
Говорилъ народъ въ селеньяхъ.

Тамъ, на мягкихъ мхахъ и травахъ,
Тамъ, среди стыдливыхъ лилій,
Въ тихой Мускодэ, въ долинѣ,

Въ звѣздномъ блескѣ, въ лунномъ свѣтѣ,
Стала матерью Нокомисъ,
Назвала дочь первородной —
Назвала ее Веноной,
И, какъ лилія въ долинѣ,
Расцвѣла ея Венона:
Стала гибкой, стала стройной,
Точно лунный свѣтъ прекрасной,
Точно звѣздный отблескъ нѣжной.

И Нокомисъ часто стала
Говорить, твердить Венонѣ:
„О, страшись, остерегайся
Мѣджекивиса, Венона!
Никогда его не слушай,
Не гуляй одна въ долинѣ,
Не ложись въ травѣ межъ лилій!“

Но не слушалась Венона,
Не внимала мудрой рѣчи,
И пришелъ къ ней Мѣджекивисъ,
Темнымъ вечеромъ подкрался,
Съ тихимъ шопотомъ склоняя
На лугу цвѣты и травы.
Тамъ прекрасная Венона
Межъ цвѣтовъ одна лежала,
Тамъ нашелъ ее коварный
Вѣтеръ Западный—и началъ
Очаровывать Венону
Сладкой рѣчью, нѣжной лаской—
И родился сынъ печали,
Нѣжной страсти и печали,
Дивной тайны—Гайавата.

Такъ родился Гайавата;
А коварный Мѣджекивисъ,
Безсердечный Мѣджекивисъ
Ужъ покинулъ дочь Нокомисъ,
И недолго послѣ билось
Сердце нѣжное Веноны:
Умерла она въ печали.

Долго съ криками рыдала,
Долго плакала Нокомисъ:

„О, зачѣмъ жестокій Погонь
Не меня унесъ съ собою?
Лучше бѣ мнѣ лежать въ могилѣ!
Вагономинъ, вагономинъ!“

На побережьѣ Гитчи-Гюми,
Свѣтлыхъ водъ Большого Моря,
Съ юныхъ дней жила Нокомисъ,
Дочь ночныхъ свѣтилъ, Нокомисъ.
Позади ея вигвама
Темный лѣсъ стоялъ стѣною—
Чащи темныхъ, мрачныхъ сосенъ,
Чащи елей въ красныхъ шишкахъ
А предъ нимъ прозрачной влагой
На песокъ плескались волны,
Блескомъ солнца зыбь сверкала
Свѣтлыхъ водъ Большого Моря.

Тамъ, въ тиши лѣсовъ и моря,
Внука нянчила Нокомисъ,
Въ люлькѣ липовой качала,
Устланной кугой и мохомъ,
Крѣпко связанной ремнями,
И, качая, говорила:
„Спи! А то отдамъ медвѣдю!“
Тамъ, баюкая, пѣвала:
„Эва-ія, мой совенокъ!
Что тамъ свѣтится въ вигвамѣ?
Чьи глаза блестятъ въ вигвамѣ?
Эва-ія, мой совенокъ!“

Много-много рассказала
О звѣздахъ ему Нокомисъ:
Показала хвостъ кометы,—
Ишкуду въ огнистыхъ косахъ,
Показала Танецъ Духовъ,
Ихъ блистающія рати
Въ небесахъ Страны Полночной
Въ мѣсяцъ Лыжъ морозной ночью;
Показала серебристый
Путь всѣхъ призраковъ и духовъ—
Бѣлый путь на темномъ небѣ,
Полномъ призраковъ и духовъ.

Вечерами, теплымъ лѣтомъ,
У дверей сидѣлъ малютка,
Слушалъ тихій ропотъ сосенъ,
Слушалъ тихій плескъ прибоя,
Звуки дивныхъ словъ и пѣсенъ:
„Минни-вава!“—пѣли сосны,
„Мэдвэй-ошка!“—пѣли волны.

Видѣлъ мушку, Ва-ва-тэйзи,
Что, сверкая бѣлой искрой,
Свѣтитъ въ сумракѣ вечернемъ
Надъ травою и кустами,
И тихонько пѣлъ ей пѣсню,
Что Нокомисъ научила:
„Ва-ва-тэйзи, Ва-ва-тэйзи!
Крошка, огненная мушка,
Крошка, бѣлый огонечекъ!
Потанцуй еще немножко,
Посвѣти мнѣ, попрыгунья,
Бѣлой искоркой своею:
Скоро я въ постельку лягу,
Скоро я закрою глазки!“

Видѣлъ, какъ надъ Гитчи-Гюми,
Отражаясь въ Гитчи-Гюми,
Подымался полный мѣсяцъ,
Видѣлъ тѣнь на немъ и пятна,
И шепталъ: „Что тамъ, Нокомисъ?“
А Нокомисъ отвѣчала:
„Разъ одинъ сердитый воинъ
Подхватилъ старуху-бабку
И швырнулъ ее на небо,
Зашвырнулъ на мѣсяцъ прямо.
Такъ она тамъ и осталась“.

Видѣлъ радугу на небѣ,
На востокѣ, и тихонько
Говорилъ: „Что тамъ, Нокомисъ?“
А Нокомисъ отвѣчала:
„Это Мускодэ на небѣ;
Всѣ цвѣты лѣсовъ зеленыхъ,
Всѣ болотныя кувшинки,
На землѣ когда увянуть,
Расцвѣтаютъ снова въ небѣ“.

Если совѣ онѣ слышалъ въ полночь, —
Вой и хохоть въ чащѣ лѣса,
Онѣ дрожа кричалъ: „Кто это?“
Онѣ шепталъ: „Что тамъ, Нокомисъ?“
А Нокомисъ отвѣчала:
„Это совы собралися
И по-своему болтають,
Это ссорятся совята!“

Такъ малютка, внукъ Нокомисъ,
Изучилъ весь птичій говоръ,
Имена ихъ, всѣ ихъ тайны:
Какъ онѣ вьютъ гнѣзда лѣтомъ,
Гдѣ живутъ онѣ зимою;
Часто съ ними велъ бесѣды,
Звалъ ихъ всѣхъ: „мои цыплята“.

Всѣхъ звѣрей языкъ узналъ онѣ,
Имена ихъ, всѣ ихъ тайны:
Какъ боберъ жилище строить,
Гдѣ орѣхи бѣлка прячетъ,
Отчего рѣзва косуля,
Отчего трусливъ Вабассо;
Часто съ ними велъ бесѣды,
Звалъ ихъ: „братья Гайаваты“.

И рассказчикъ сказокъ Ягу,
Говорунъ, хвастунъ великій,
Много по свѣту бродившій,
Вѣрный другъ Нокомисъ старой,
Сдѣлалъ лукъ для Гайаваты:
Лукъ изъ ясеня онѣ сдѣлалъ,
Стрѣлы сдѣлалъ онѣ изъ дуба,
Наконечники—изъ яшмы,
Тетиву—изъ кожи лани.

И сказалъ онѣ Гайаватѣ:
„Ну, мой сынъ, иди скорѣе
Въ лѣсъ, гдѣ держатся олени.
Застрѣли-ка тамъ косулю
Съ развѣтвленными рогами“.

Гордо взялъ свой лукъ и стрѣлы
Гайавата и отважно

Въ лѣсѣ пустился; птицы звонко
Пѣли, по лѣсу порхая.
„Не стрѣляй въ насъ, Гайавата!“—
Опечи пѣль красногрудый;
„Не стрѣляй въ насъ, Гайавата!“—
Пѣль Овейса синеперый.

На дубу надъ Гайаватой
Внизъ и вверхъ скакала бѣлка,
Межъ зеленыхъ листьевъ дуба
Съ кашлемъ прыгала, смѣялась
И смѣясь пробормотала:
„Пощади, о, Гайавата!“

И вприпрыжку бѣлый кроликъ
Робко бросился съ тропинки,
Сталъ вдали на заднихъ лапкахъ
И охотнику промолвилъ
Хоть и въ шутку, но трусливо:
„Пощади, о, Гайавата!“

Но не слушалъ Гайавата,—
Точно сонный, брелъ онъ лѣсомъ,
Думалъ только объ оленѣ,
Слѣдъ его искалъ глазами,
Слѣдъ, что велъ къ рѣчному броду,
По тропѣ къ рѣчному броду.

За ольховыми кустами
Сѣлъ и выждалъ онъ оленя,
Увидалъ два глаза въ чащѣ,
Увидалъ надъ ней два рога,
Ноздри, поднятыя къ вѣтру,
Увидалъ и морду звѣря
Подъ листвою, въ пятнахъ свѣта,
И, какъ легкій листъ березы,
Сердце въ немъ затрепетало,
Какъ ольха, весь задрожалъ онъ,
Увидавъ надъ бродомъ звѣря.

На одно колѣно ставши,
Онъ прицѣлился въ оленя.
Только вѣтка шевельнулась,
Только листикъ закачался,

Но олень ужъ встрепенулся,
Отшатнувшись, топнулъ въ землю,
Чутко всталъ, поднявъ копыто,
Прыгнулъ, точно ждалъ удара.

Ахъ, онъ шелъ навстрѣчу смерти!
Какъ оса, стрѣла запѣла,
Какъ оса, въ него впилая!

Мертвый онъ лежалъ у брода,
Межъ деревьевъ, надъ рѣкою;
Сердце въ немъ уже не билось,
Но зато у Гайаваты
Сердце такъ и трепетало,
Какъ домой онъ несъ оленя
И ему рукоплескали
Старый Ягу и Нокомисъ.

Изъ оленьей пестрой шкуры
Внуку плащъ Нокомисъ сшила,
Созвала сосѣдей въ гости,
Пиръ дала въ честь Гайаваты.
Вся деревня собралася,
Всѣ сосѣди называли
Гайавату храбрымъ, сильнымъ —
Сон-джи-тэгэ, Ман-го-тэйзи!

IV.

ГАЙАВАТА И МЭДЖЕКВИСЬ.

Миновали годы дѣтства,
Возмужалъ мой Гайавата;
Игры юности безпечной,
Стариковъ житейскій опытъ,
Трудъ, охотничьи сноровки—
Все постигъ онъ, все извѣдалъ.

Рѣзвы ноги Гайаваты!
Запустивъ стрѣлу изъ лука,
Онъ бѣжалъ за ней такъ быстро,
Что стрѣлу опережалъ онъ.

Мощны руки Гайаваты!
Десять разъ, не отдыхая,
Могъ согнуть онъ лукъ упругій
Такъ легко, что догоняли
На лету другъ друга стрѣлы.

Рукавицы Гайаваты,
Рукавицы, Минджикэвонъ,
Изъ оленьей мягкой шкуры
Обладали дивной силой:
Сокрушать онъ могъ въ нихъ скалы,
Раздроблять въ песчинки камни.
Мокасины Гайаваты
Изъ оленьей мягкой шкуры
Волшебство въ себѣ таили:
Привязавши ихъ къ лодыжкамъ,
Прикрѣпивъ къ ногамъ ремнями,
Съ каждымъ шагомъ Гайавата
Могъ по цѣлой милѣ дѣлать.

Объ отцѣ своемъ нерѣдко
Онъ спрашивалъ Нокомисъ,
И повѣдала Нокомисъ
Внуку тайну роковую:
Разсказала, какъ прекрасна,
Какъ нѣжна была Венона,
Какъ сгубилъ ее измѣной
Вѣроломный Мэджекивисъ,
И, какъ уголь, разгорѣлось
Гнѣвомъ сердце Гайаваты.

Онъ сказалъ Нокомисъ старой:
„Я иду къ отцу, Нокомисъ,
Я хочу его повѣдать
Въ царствѣ Западнаго Вѣтра,
У преддверія Заката“.

Изъ вигвама выходилъ онъ,
Снарядившись въ путь далекій,
Въ рукавицахъ, Минджикэвонъ,
И волшебныхъ мокасинахъ.
Весь нарядъ его богатый
Изъ оленьей мягкой шкуры
Зерною вампума украшенъ

И щетиной дикобраза.
Голова его—въ орлиныхъ
Развѣвающихся перьяхъ,
За плечомъ его, въ колчанѣ—
Изъ дубовыхъ вѣтокъ стрѣлы,
Оперенныя искусно
И оправленныя въ яшму,
А въ рукахъ его—упругій
Лукъ изъ ясеня, согнутый
Тетивой изъ жилъ оленя.

Осторожная Нокомисъ
Говорила Гайаватѣ:
„Не ходи, о, Гайавата,
Въ царство Западнаго Вѣтра:
Онъ убьетъ тебя коварствомъ,
Волшебствомъ своимъ погубить“.

Но отважный Гайавата
Не внималъ ея совѣтамъ,
Уходилъ онъ отъ вигвама,
Съ каждымъ шагомъ дѣлалъ милю.
Мрачнымъ лѣсъ ему казался,
Мрачнымъ—сводъ небесъ надъ лѣсомъ,
Воздухъ—душнымъ и горячимъ,
Полнымъ дыма, полнымъ гари,
Какъ въ пожаръ лѣсовъ и прерій:
Словно уголь, разгоралось
Гнѣвомъ сердце Гайаваты.

Такъ держалъ онъ путь далекій
Все на западъ и на западъ
Легче быстрого оленя,
Легче лани и бизона,
Переплылъ онъ Эсконабо,
Переплылъ онъ Миссисипи,
Миновалъ Степныя Горы,
Миновалъ степныя страны
И Лисицъ и Черноногихъ,
И пришелъ къ Горамъ Скалистымъ,
Въ царство Западнаго Вѣтра,
Въ царство бурь, гдѣ на вершинахъ
Возсѣдалъ Владыка Вѣтровъ,
Престарѣлый Мэджекивисъ.

Съ тайнымъ страхомъ Гайавата
Предъ отцомъ остановился:
Дико въ воздухѣ клубились,
Облаками развѣвались
Волоса его сѣдые,
Словно снѣгъ, они блестѣли,
Словно пламенные косы
Ишкуды, они сверкали.

Съ тайной радостью увидѣлъ
Мэджекивисъ Гайавату:
Это молодости годы
Передъ нимъ воскресли къ жизни,
Это встала изъ могилы
Красота Веноны нѣжной.

„Будь здоровъ, о, Гайавата!—
Такъ промолвилъ Мэджекивисъ:—
Долго ждалъ тебя я въ гости
Въ царство Западнаго Вѣтра!
Годы старости—печальны,
Годы юности—отрадны.
Ты напомнилъ мнѣ бывшее,
Юность пылкую напомнилъ
И прекрасную Венону!“

Много дней прошло въ бесѣдѣ,
Долго мощный Мэджекивисъ
Похвалялся Гайаватѣ
Прежней доблестью своею,
Приключеньями былыми,
Непреклонною отвагой;
Говорилъ, что дивной силой
Онъ отъ смерти заколдованъ.

Молча слушалъ Гайавата,
Какъ хвалился Мэджекивисъ,
Терпѣливо и съ улыбкой
Онъ сидѣлъ и молча слушалъ.
Ни угрозой, ни укоромъ,
Ни однимъ суровымъ взглядомъ
Онъ не выказалъ досады,
Но, какъ уголь, разгоралось
Гнѣвомъ сердце Гайаваты.

И сказалъ онъ: „Мэджекивисъ!
Неужель ничто на свѣтѣ
Погубить тебя не можетъ?“
И могучій Мэджекивисъ
Величаво, благосклонно
Отвѣчалъ: „Ничто на свѣтѣ,
Кромѣ вонъ того утеса,
Кромѣ Вавбика, утеса!“
И, взглянувъ на Гайавату
Взоромъ мудрости спокойной,
По-отечески любясь
Красотой его и мощью,
Онъ сказалъ: „О, Гайавата!
Неужель ничто на свѣтѣ
Погубить тебя не можетъ?“

Помолчалъ одну минуту
Осторожный Гайавата,
Помолчалъ, какъ бы въ сомнѣннѣи,
Помолчалъ, какъ бы въ раздумьѣ,
И сказалъ: „Ничто на свѣтѣ.
Лишь одинъ тростникъ, Эпоква,
Лишь вонъ тотъ камышъ высокій!“
И какъ только Мэджекивисъ,
Вставъ, простеръ къ Эпоквѣ руку,
Гайавата въ страхѣ крикнулъ,
Въ лицемѣрномъ страхѣ крикнулъ:
„Каго, каго!—Не касайся!“
„Полно!—молвилъ Мэджекивисъ,—
Успокойся,—я не трону“.

И опять они бесѣду
Продолжали; говорили
И о Вебонѣ прекрасномъ,
И о тучномъ Шавондази,
И о зломъ Кабибоноккѣ;
Говорили о Венонѣ,
О ея рожденнѣи дивномъ,
О ея кончинѣ грустной,—
Обо всемъ, что рассказала
Внуку старая Нокомисъ.

И воскликнулъ Гайавата:
„О, коварный Мэджекивисъ!

Это ты убилъ Венону,
Ты сорвалъ цвѣтокъ весенній,
Растопталъ его ногами!
Признавайся! Признавайся!“
И могучій Мэджекивисъ
Тихо голову сѣдую
Опустилъ въ тоскѣ глубокой,
Въ знакъ безмолвнаго согласья.

Быстро всталъ тогда, сверкая
Грознымъ взоромъ, Гайавата,
На утесъ занесъ онъ руку
Въ рукавицѣ, Минджикэвонъ,
Разломилъ его вершину,
Раздробилъ его въ осколки,
Сталъ въ отца швырять свирѣпо:
Словно уголь, разгорѣлось
Гнѣвомъ сердце Гайаваты.

Но могучій Мэджекивисъ
Камни гналъ назадъ дыханьемъ,
Бурей гнѣвнаго дыханья
Гналъ назадъ, на Гайавату.
Онъ схватилъ рукой Эпокву,
Вырвалъ съ мочками, съ корнями,—
Надъ рѣкой изъ вязкой тины
Вырвалъ бѣшено Эпокву
Онъ подъ хохоть Гайаваты.

И начался бой смертельный
Межъ Скалистыми Горами!
Самъ Орелъ Войны могучій
На гнѣздѣ поднялся съ крикомъ,
Съ рѣзкимъ крикомъ сѣлъ на скалы,
Хлопалъ крыльями надъ ними.
Словно дерево подъ бурей,
Разсѣкалъ Эпоква воздухъ,
Словно градъ, летѣли камни
Съ трескомъ съ Вавбика, утеса,
И земля окрестъ дрожала,
И на тяжкій грохотъ боя
По горамъ гремѣло эхо,
Отзывалось: „Бэмъ-Вава!“

Отступать сталъ Мѣджекивисъ,
Устремился онъ на западъ,
По горамъ на дальній западъ,
Отступалъ три дня, сражаясь,
Убѣгалъ, гонимый сыномъ,
До преддверія Заката,
До границъ своихъ владѣній,
До конца земли, гдѣ солнце
Въ красномъ блескѣ утопаетъ
На ночлегъ въ воздушной безднѣ,
Опускаясь, какъ фламминго
Опускается зарею
На печальное болото.

„Удержись, о, Гайавата!—
Наконецъ вскричалъ онъ громко:—
Ты убить меня не въ силахъ,
Для безсмертнаго нѣтъ смерти.
Испытать тебя хотѣлъ я,
Испытать твою отвагу,
И награду заслужилъ ты!

„Возвратись въ родную землю,
Къ своему вернись народу,
Съ нимъ живи и съ нимъ работай.
Ты расчистить долженъ рѣки,
Сдѣлать землю плодоносной,
Умертвить чудовищъ злобныхъ,
Змѣй, Кинэбикъ, и гигантовъ,
Какъ убилъ я Мише-Мокву,
Исполина Мише-Мокву.

„А когда твой часъ настанетъ,
И заблещутъ надъ тобою
Очи Погока изъ мрака—
Раздѣлю съ тобой я царство,
И владыкою ты будешь
Надъ Кивайдиномъ вовѣки!“

Вотъ какая разыгралась
Битва въ грозные дни Шэ-ша,
Въ дни далекаго былого,
Въ царствѣ Западнаго Вѣтра.
Но слѣды той славной битвы

И теперь охотникъ видитъ
По холмамъ и по долинамъ.
Видитъ шпажникъ исполинскій
На прудахъ и вдоль потоковъ,
Видитъ Вавбика осколки
По холмамъ и по долинамъ.

На востокъ, въ родную землю,
Гайавата путь направилъ:
Позабылъ онъ горечь гнѣва,
Позабылъ о мщеньи думы,
И вокругъ него отрадой
И весельемъ все дышало.

Только разъ онъ путь замедлилъ,
Только разъ остановился,
Чтобъ купить въ странѣ Дакотовъ
Наконечниковъ на стрѣлы.
Тамъ въ долинѣ, гдѣ смѣялись,
Гдѣ блистали, низвергаясь,
Межъ зелеными дубами,
Водопады Миннегаги,
Жилъ старикъ, дакотъ суровый.
Дѣлалъ онъ головки къ стрѣламъ,
Острей изъ халцедона,
Изъ кремня и крѣпкой яшмы,
Отшлифованныя гладко,
Заостренные, какъ иглы.

Тамъ жила съ нимъ дочь-невѣста,
Быстроногая, какъ рѣчка,
Своенравная, какъ брызги
Водопадовъ Миннегаги.
Въ блескѣ черныхъ глазъ играли
У нея и свѣтъ и тѣни,—
Свѣтъ улыбки, тѣни гнѣва;
Смѣхъ ея звучалъ, какъ пѣсня,
Какъ потокъ, струились косы,
И Смѣющейся Водой
Въ честь рѣки ее назвалъ онъ,
Въ честь веселыхъ водопадовъ
Далъ ей имя—Миннегага.

Такъ ужели Гайавата
Заходилъ въ страну Дакотовъ,

Чтобъ купить головокъ къ стрѣламъ,
Наконечниковъ изъ яшмы,
Изъ кремня и халцедона?
Не затѣмъ ли, чтобъ украдкой
Посмотрѣть на Миннегагу,
Встрѣтить взоръ ея пугливый,
Услыхать одежды шорохъ
За дверною занавѣской,
Какъ глядятъ на Миннегагу,
Что горитъ сквозь вѣтви лѣса,
Какъ внимаютъ водопаду
За зеленой чащей лѣса?

Кто расскажетъ, что таится
Въ молодомъ и пылкомъ сердцѣ?
Какъ узнать, о чемъ въ дорогѣ
Сладко грезилъ Гайавата?
Все Нокомисъ рассказалъ онъ,
Возвратясь домой подъ вечеръ,
О борьбѣ и о бесѣдѣ
Съ Мэджекивисомъ могучимъ,
Но о дѣвушкѣ, о стрѣлахъ
Не обмолвился ни словомъ!

V.

ПОСТЪ ГАЙАВАТЫ.

Вы услышите сказанье,
Какъ въ лѣсной глуши постился
И молился Гайавата:
Не о ловкости въ охотѣ,
Не о славѣ и побѣдахъ,
Но о счастіи, о благѣ
Всѣхъ племенъ и всѣхъ народовъ.

Предъ постомъ онъ приготовилъ
Для себя въ лѣсу жилище,—
Надъ блестящимъ Гитчи-Гюмнъ,
Въ дни весенняго расцвѣта,
Въ свѣтлый, теплый Мѣсяцъ Листьевъ
Онъ вигвамъ себѣ построилъ
И, въ видѣньяхъ, въ дивныхъ грезахъ,
Семь ночей и дней постился.

Въ первый день поста бродилъ онъ
По зеленымъ тихимъ рощамъ;
Видѣлъ кролика онъ въ норкѣ,
Въ чащѣ выпугнулъ оленя,
Слышалъ, какъ фазанъ кудахталъ,
Какъ въ дуплѣ возилась бѣлка,
Видѣлъ, какъ подъ тѣнью сосенъ
Вьетъ гнѣздо Омими, голубь,
Какъ стада гусей летѣли
Съ заунывнымъ крикомъ, съ шумомъ
Къ дикимъ сѣвернымъ болотамъ.
„Гитчи Манито!—вскричалъ онъ,
Полный скорби безнадежной,—
Неужели наше счастье,
Наша жизнь отъ нихъ зависитъ?“

На другой день надъ рѣкою,
Вдоль по Мускодэ, бродилъ онъ,
Видѣлъ тамъ онъ Маномони
И Минагу, голубику,
И Одаминъ, землянику,
Кустъ крыжовника, Шабоминъ,
И Бимагутъ, виноградникъ,
Что зеленою гирляндой,
Разливая сладкій запахъ,
По ольховымъ сучьямъ вьется.
„Гитчи Манито!—вскричалъ онъ,
Полный скорби безнадежной,—
Неужели наше счастье,
Наша жизнь отъ нихъ зависитъ?“

Въ третій день сидѣлъ онъ долго,
Погруженный въ размышленья,
Возлѣ озера, надъ тихой,
Надъ прозрачною водою.
Видѣлъ онъ, какъ прыгалъ Нама,
Сыпля брызги, словно жемчугъ;
Какъ рѣзвился окунь, Сава,
Словно солнца лучъ сіялъ,
Видѣлъ щуку, Маскенозу,
Сельдъ рѣчную, Окагависъ,
Шогаши, морского рака.
„Гитчи Манито!—вскричалъ онъ,
Полный скорби безнадежной,—

Неужели наше счастье,
Наша жизнь отъ нихъ зависить?“

На четвертый день до ночи
Онъ лежалъ въ изнеможеньи
На листвѣ въ своемъ вигвамѣ.
Въ полуснѣ надъ нимъ роились
Грезы, смутныя видѣнья;
Вдалекѣ вода сверкала
Зыбкимъ золотомъ, и плавно
Все кружилось и горѣло
Въ пышномъ заревѣ заката.

И увидѣлъ онъ: подходитъ
Въ полусумракѣ пурпурномъ,
Въ пышномъ заревѣ заката,
Стройный юноша къ вигваму.
Голова его—въ блестящихъ,
Развѣвающихся перьяхъ,
Кудри—мягки, золотисты,
А нарядъ—зелено-желтый.

У дверей остановившись,
Долго съ жалостью, съ участиемъ
Онъ смотрѣлъ на Гайавату,
На лицо его худое,
И, какъ вздохи Шавондази
Въ чащѣ лѣса,—прозвучала
Рѣчь его: „О, Гайавата!
Голосъ твой слышанъ въ небѣ,
Потому что ты молился
Не о ловкости въ охотѣ,
Не о славѣ и побѣдахъ,
Но о счастіи, о благѣ
Всѣхъ племенъ и всѣхъ народовъ.

„Для тебя Владыкой Жизни
Посланъ другъ людей—Мондаминъ;
Посланъ онъ тебѣ повѣдать,
Что въ борьбѣ, въ трудѣ, въ терпѣньи
Ты получишь все, что просишь.
Встань съ вѣтвей, съ зеленыхъ листьевъ,
Встань съ Мондаминономъ бороться!“

Изнуренъ былъ Гайавата,
Слабъ отъ голода, но быстро
Всталъ съ вѣтвей, съ зеленыхъ листьевъ.
Изъ стемнѣвшаго вигвама
Вышелъ онъ на свѣтъ заката,
Вышелъ съ юношей бороться—
И едва его коснулся,
Вновь почувствовалъ отвагу,
Ощутилъ въ груди усталой
Бодрость, силу и надежду.

На лугу они кружились
Въ пышномъ заревѣ заката,
И все крѣпче, все сильнѣе
Гайавата становился.
Но спустились тѣни ночи,
И Шухъ-шухъ-га на болотѣ
Издава свой крикъ тоскливый,
Вопль и голода и скорби.

„Кончимъ!—вымолвилъ Мондаминъ,
Улыбаясь Гайаватѣ,—
Завтра снова приготовься
На закатѣ къ испытанью“.
И, сказавъ, исчезъ Мондаминъ.
Опустился ли онъ тучкой,
Иль поднялся, какъ туманы,—
Гайавата не замѣтилъ;
Видѣлъ только, что исчезъ онъ,
Истомивъ его борьбою,
Что внизу, въ ночномъ туманѣ,
Смутно озеро бѣлѣетъ,
А вверху мерцаютъ звѣзды.

Такъ два вечера,—лишь только
Опускалось тихо солнце
Съ неба въ западныя воды,
Погружалось въ нихъ, краснѣя,
Словно уголь, раскаленный
Въ очагѣ Владыки Жизни,—
Приходилъ къ нему Мондаминъ.
Молчаливо появлялся,
Какъ роса на землю сходитъ,
Принимающая форму

Лишь тогда, когда коснется
До травы или деревьевъ,
Но невидимая смертнымъ
Въ часъ прихода и ухода.

На лугу они кружились
Въ пышномъ заревѣ заката;
Но спустились тѣни ночи,
Прокричала на болотѣ
Громко, жалобно Шухъ-шухъ-га,
И задумался Мондаминъ;
Стройный станомъ и прекрасный.
Онъ стоялъ въ своемъ нарядѣ;
Въ головномъ его уборѣ
Перья вѣяли, качались,
На челѣ его сверкали
Капли пота, какъ росинки.

И вскричалъ онъ: „Гайавата:
Храбро ты со мной боролся,
Трижды стойко ты боролся,
И пошлетъ Владыка Жизни
Надо мной тебѣ побѣду!“

А потомъ сказалъ съ улыбкой:
„Завтра кончится твой искусь—
И борьба и постъ тяжелый;
Завтра ты меня поборешь;
Приготовь тогда мнѣ ложе
Такъ, чтобъ могъ весенній дождикъ
Освѣжать меня, а солнце —
Согрѣвать до самой ночи.
Мой нарядъ зелено-желтый,
Головной уборъ изъ перьевъ
Оборви съ меня ты смѣло,
Схорони меня и землю
Разровняй и сдѣлай мягкой.

„Стереги мой сопъ глубокий,
Чтобъ никто меня не трогалъ,
Чтобы плевелы и травы
Надо мной не зарастали,
Чтобы Кагаги, Царь-Воронъ,
Не леталъ къ моей могилѣ.

Стереги мой сонъ глубокий
До поры, когда проснусь я,
Къ солнцу свѣтлому воспряну!“
И, сказавъ, исчезъ Мондаминъ.

Мирнымъ сномъ спалъ Гайавата;
Слышалъ онъ, какъ пѣлъ уныло
Полуночникъ, Вавонэйса,
Надъ вигвамомъ одинокимъ;
Слышалъ онъ, какъ, убѣгая,
Сибовиша говорливый
Велъ бесѣды съ темнымъ лѣсомъ;
Слышалъ шорохъ—вздохи вѣтокъ,
Что склонялись, подымались,
Съ вѣтеркомъ ночнымъ качаясь.
Слышалъ все, но все сливалось
Въ дальній ропотъ, сонный шопотъ:
Мирнымъ сномъ спалъ Гайавата.

На зарѣ пришла Нокомисъ,
На седьмое утро пищи
Принесла для Гайаваты.
Со слезами говорила,
Что его погубить голодъ,
Если пищи онъ не приметъ.

Ничего онъ не отвѣдалъ,
Ни къ чему не прикоснулся,
Лишь промолвилъ ей: „Нокомисъ!
Подожди со мной заката,
Подожди, пока стемнѣетъ
И Шухъ-шухъ-га громкимъ крикомъ
Возвѣститъ, что день оконченъ!“

Плача шла домой Нокомисъ,
Все тоскуя, опасаясь,
Что его погубить голодъ.
Онъ же сталъ, томясь тоскою,
Ждать Мондамина. И тѣни
Потянулись отъ заката
По лѣсамъ и по долинамъ;
Опустилось тихо солнце
Съ неба въ Западные Воды,
Какъ спускается зарею

Въ воду красный листъ осенній
И въ водѣ, краснѣя, тонетъ.

Глядь—ужъ тутъ Мондаминъ юный,
У дверей стоитъ съ привѣтомъ!
Голова его—въ блестящихъ,
Развѣвающихся перьяхъ,
Кудри—мягки, золотисты,
А нарядъ—зелено-желтый.

Какъ во снѣ къ нему навстрѣчу
Всталъ, измученный и блѣдный,
Гайавата, но безстрашно,
Вышелъ—и бороться началъ.

И слились земля и небо,
Замелькали предъ глазами!
Какъ осетръ въ сѣтяхъ трепещетъ,
Бьется бѣшено, чтобъ сѣти
Разорвать и прыгнуть въ воду,
Такъ въ груди у Гайаваты
Сердце сильное стучало;
Словно огненные кольца,
Горизонтъ сверкалъ кровавый
И кружился съ Гайаватой,
Сотни солнцевъ, разгораясь,
На борьбу его глядѣли.
Вдругъ одинъ среди поляны
Очутился Гайавата.

Онъ стоялъ, ошеломленный
Этой дикою борьбою,
И дрожалъ отъ напряженья;
А предъ нимъ, въ измятыхъ перьяхъ
И въ изорванныхъ одеждахъ,
Бездыханный, неподвижный,
На травѣ лежалъ Мондаминъ,
Мертвый, въ заревѣ заката.

Побѣдитель Гайавата
Сдѣлалъ такъ, какъ приказалъ онъ:
Снялъ съ Мондамина одежды,
Снялъ изломанные перья,
Схоронилъ его и землю

Разровнялъ и сдѣлалъ мягкой.
И среди болотъ печальныхъ
Цапля сизая, Шухъ-шухъ-га,
Издала свой крикъ тоскливый,
Вопль и жалобы и скорби.

Въ отчій домъ, въ вигвамъ Нокомисъ
Возвратился Гайавата,
И семь сутокъ испытанья
Въ этотъ вечеръ завершились.
Но запомнилъ Гайавата
Тѣ мѣста, гдѣ онъ бородся,
Не покинулъ безъ призора
Ту могилу, гдѣ Мондаминъ
Почивалъ, въ землѣ зарытый,
Подъ дождемъ и яркимъ солнцемъ.

День за днемъ надъ той могилой
Сторожилъ мой Гайавата,
Чтобы холмъ ея былъ мягкимъ,
Не заросъ травой сорной,
Прогоняя свистомъ, крикомъ
Кагаги съ его пародомъ.

Наконецъ зеленый стебель
Показался надъ могилой,
А за нимъ—другой и третій,
И не кончилось лѣто,
Какъ въ своемъ уборѣ пышномъ,
Въ золотистыхъ, мягкихъ косахъ,
Всталъ высокій, стройный маисъ.
И воскликнулъ Гайавата
Въ восхищеніи: „Мондаминъ!
Это другъ людей, Мондаминъ!“

Тотчасъ кликнулъ онъ Нокомисъ,
Кликнулъ Ягу, рассказалъ имъ
О своемъ видѣннѣ дивномъ,
О своей борѣбѣ, побѣдѣ,
Показалъ зеленый маисъ—
Даръ небесный всѣмъ народамъ,
Что для нихъ быть долженъ пищей.

А позднѣй, когда, подъ осень,
Пожелтѣлъ созрѣвшій маисъ,

Пожелтѣли, стали тверды
Зерна маиса, какъ жемчугъ,
Онъ собралъ его початки,
Снявъ съ него листву сухую,
Какъ съ Мондамина когда-то
Снялъ одежды,—и впервые
„Пиръ Мондамина“ устроилъ,
Показалъ всему народу
Новый даръ Владыки Жизни.

VI.

ДРУЗЬЯ ГАЙАВАТЫ.

Было два у Гайаваты
Неизмѣнныхъ, вѣрныхъ друга.
Сердце, душу Гайаваты
Знали въ радостяхъ и въ горѣ
Только двое: Чайбайабось,
Музыкантъ, и мощный Квазиндъ.

Межъ вигвамовъ ихъ тропинка
Не могла въ травѣ загдохнуть;
Сплетни, лживые навѣты
Не могли посѣять злобы
И раздора между ними:
Обо всемъ они держали
Лишь втроемъ совѣтъ согласный,
Обо всемъ съ открытымъ сердцемъ
Говорили межъ собою
И стремились только къ благу
Всѣхъ племенъ и всѣхъ народовъ.

Лучшимъ другомъ Гайаваты
Былъ прекрасный Чайбайабось,
Музыкантъ, пѣвецъ великій,
Несравненный, небывалый.
Былъ, какъ воинъ, онъ отваженъ,
Но, какъ дѣвушка, былъ нѣженъ,
Словно вѣтка ивы, гибокъ,
Какъ олень рогатый, статенъ.

Если пѣлъ онъ, вся деревня
Собиралась пѣсни слушать,
Жены, воины сходились,

И то нѣжностью, то страстью
Волновалъ ихъ Чайбайабось.

Изъ тростинки сдѣлавъ флейту,
Онъ игралъ такъ нѣжно, сладко,
Что въ лѣсу смолкали птицы,
Затихалъ ручей игривый,
Замолкала Аджидомо,
А Вабассо осторожный
Присѣдалъ, смотрѣлъ и слушалъ.

Да! Примолкнулъ Сибовиша
И сказалъ: „О, Чайбайабось!
Научи мои ты волны
Мелодичнымъ, нѣжнымъ звукамъ!“

Да! Завистливо Овэйса
Говорилъ: „О, Чайбайабось!
Научи меня безумнымъ,
Страстнымъ звукамъ дикихъ пѣсень!“

Да! И Опечи веселый
Говорилъ: „О, Чайбайабось!
Научи меня веселымъ,
Сладкимъ звукамъ нѣжныхъ пѣсень!“

И, рыдая, Вавонэйса
Говорилъ: „О, Чайбайабось!
Научи меня тоскливымъ,
Скорбнымъ звукамъ скорбныхъ пѣсень!“

Вся природа сладость звуковъ
У него перенимала,
Всѣ сердца смягчалъ и трогалъ
Страстной пѣсней Чайбайабось,
Ибо пѣлъ онъ о свободѣ,
Красотѣ, любви и мирѣ,
Пѣлъ о смерти, о загробной
Безконечной, вѣчной жизни,
Воспѣвалъ Страну Понима
И Селенія Блаженныхъ.

Дорогъ сердцу Гайаваты
Кроткій, милый Чайбайабось,

Музыкантъ, пѣвецъ великій,
Несравненный, небывалый!
Онъ любилъ его за нѣжность
И за чары звучныхъ пѣсенъ.

Дорогъ сердцу Гайаваты
Былъ и Квазиндъ,—самый мощный
И незлобивый изъ смертныхъ;
Онъ любилъ его за силу,
Доброту и простодушье.

Квазиндъ въ юности лѣнивъ былъ,
Вяль, мечтателенъ, безпеченъ;
Не игралъ ни съ кѣмъ онъ въ дѣтствѣ,
Не удилъ въ заливѣ рыбы,
Не охотился за звѣремъ,—
Не похожъ онъ былъ на прочихъ.
Но постился Квазиндъ часто,
Своему молился Духу,
Покровителю молился.

„Квазиндъ,—мать ему сказала,—
Ты ни въ чемъ мнѣ не поможешь!
Лѣто ты, какъ сонный, бродишь
Праздно по полямъ и рощамъ,
Зиму грѣешься, согнувшись
Надъ костромъ среди вигвама;
Въ самый лютый зимній холодъ
Я хожу на ловлю рыбы,—
Ты и тутъ мнѣ не поможешь!
У дверей виситъ мой неводъ,
Онъ намокъ и замерзаетъ,—
Встань, возьми его, лѣнivecъ,
Выжми, высуши на солнцѣ!“

Неохотно, но спокойно
Квазиндъ всталъ съ золы остывшей,
Молча вышелъ изъ вигвама,
Скинулъ смерзшіяся сѣти,
Что висѣли у порога,
Стиснулъ ихъ, какъ пукъ соломы,
И сломалъ, какъ пукъ соломы!
Онъ не могъ не изломать ихъ:
Вотъ насколько былъ онъ силенъ,

„Квазиндъ!—разъ отецъ промолвилъ,—
Собирайся на охоту.
Лукъ и стрѣлы постоянно
Ты ломаешь, какъ тростинки,
Такъ хоть будешь мнѣ добычу
Приносить домой изъ лѣса“.

Вдоль ущелья, по теченью
Ручейка, они спускались,
По слѣдамъ бизоновъ, ланей,
Отпечатаннымъ на илѣ,
И наткнулись на преграду:
Повалившіяся сосны
Поперекъ и вдоль дороги
Весь проходъ загромождали.

„Мы должны,—промолвилъ старецъ,—
Ворочаться: тутъ не влѣзешь!
Тутъ и бѣлка не взберется,
Тутъ сурокъ пролѣзть не сможетъ“.
И сейчасъ же вынулъ трубку,
Закурилъ и сѣлъ въ раздумьѣ.
Но не выкурилъ онъ трубки,
Какъ ужъ путь былъ весь расчищенъ:
Всѣ деревья Квазиндъ поднялъ
Быстро вправо и налѣво
Раскидалъ, какъ стрѣлы, сосны,
Разметалъ, какъ копья, кедры.

„Квазиндъ!—юноши сказали,
Забавляясь на долинь,—
Что же ты стоишь, глазѣешь,
На утесъ облокотившись?
Выходи, давай бороться,
Въ цѣль бросать изъ пращи камни“.

Вялый Квазиндъ не отвѣтилъ,
Ничего имъ не отвѣтилъ,
Только всталъ и, повернувшись,
Обхватилъ утесъ руками,
Изъ земли его онъ вырвалъ,
Раскачалъ надъ головою
И забросилъ прямо въ рѣку,
Прямо въ быструю Повѣтинъ,
Такъ утесъ тамъ и остался.

Разъ по пѣнистой пучинѣ,
По стремительной Повѣтинѣ,
Плылъ съ товарищами Квазиндъ
И вождя бобровъ, Амика,
Увидалъ среди потока:
Съ быстриной боберъ боролся,
То всплывая, то ныряя.

Не задумавшись нимало,
Квазиндъ молча прыгнулъ въ рѣку,
Скрылся въ пѣнистой пучинѣ,
Сталъ преслѣдовать Амика
По ея водоворотамъ,
И въ водѣ пробылъ такъ долго,
Что товарищи вскричали:
„Горе намъ! Погибъ нашъ Квазиндъ.
Не вернется больше Квазиндъ!“
Но торжественно онъ выплылъ:
На плечѣ его блестящемъ
Вождь бобровъ висѣлъ убитый,
И съ него вода струилась.

Таковы у Гайаваты
Были вѣрные два друга.
Долго съ ними жилъ онъ въ мирѣ,
Много велъ бесѣдъ сердечныхъ,
Много думалъ думъ о благѣ
Всѣхъ племенъ и всѣхъ народовъ.

VII.

ПИРОГА ГАЙАВАТЫ.

„Дай коры мнѣ, о, Береза!
Желтой дай коры, Береза,
Ты, что высишься въ долину
Стройнымъ станомъ надъ потокомъ!
Я свяжу себѣ пирогу,
Легкій челнъ себѣ построю,
И въ водѣ онъ будетъ плавать,
Словно желтый листъ осенній,
Словно желтая кувшинка!

„Скинь свой бѣлый плащъ, Береза!
Скинь свой плащъ изъ бѣлой кожи:

Скоро лѣто къ намъ вернется,
Жарко свѣтитъ солнце въ небѣ,
Бѣлый плащъ тебѣ не нуженъ!“

Такъ надъ быстрой Таквамино,
Въ глубинѣ лѣсовъ дремучихъ,
Восклицалъ мой Гайавата
Въ часъ, когда всѣ птицы пѣли,
Воспѣвали Мѣсяцъ Листьевъ,
И, отъ сна возставши, солнце
Говорило: „Вотъ я—Гизисъ,
Я, великій Гизисъ, солнце!“

До корней затрепетала
Каждымъ листикомъ береза,
Говоря съ покорнымъ вздохомъ:
„Скинь мой плащъ, о, Гайавата!“

И ножомъ кору березы
Опоясалъ Гайавата
Ниже вѣтокъ, выше корни,
Такъ, что брызнулъ сокъ наружу,
По стволу, съ вершины къ корню,
Онъ потомъ кору разрѣзалъ,
Деревяннымъ клиномъ поднялъ,
Осторожно снялъ съ березы.

„Дай, о, Кедръ, вѣтвей зеленыхъ,
Дай мнѣ гибкихъ, крѣпкихъ сучьевъ,
Помоги пирогу сдѣлать
И надежнѣй и прочнѣе!“

По вершинѣ кедра шумно
Ропотъ ужаса пронесся,
Стонъ и крикъ сопротивленья;
Но, склоняясь, прошепталъ онъ:
„Нѣ, руби, о, Гайавата!“

И, срубивши сучья кедра,
Онъ связалъ изъ сучьевъ раму,
Какъ два лука, онъ согнулъ ихъ,
Какъ два лука, онъ связалъ ихъ.

„Дай корней своихъ, о, Тѣмракъ,
Дай корней мнѣ волокнистыхъ:

Я связку свою пирòгу,
Такъ связу ее корнями,
Чтобъ вода не проникала,
Не сочилась въ пирòгу!“

Въ свѣжемъ воздухѣ до корня
Задрожалъ, затрясся Тэмракъ,
Но, склоняясь къ Гайаватѣ,
Онъ однимъ печальнымъ вздохомъ,
Долгимъ вздохомъ отозвался:
„Всѣ возьми, о, Гайавата!“

Изъ земли онъ вырвалъ корни,
Вырвалъ, вытянулъ волокна,
Плотно сшилъ кору березы,
Плотно къ ней приладилъ раму.

„Дай мнѣ, Ель, смолы тягучей,
Дай смолы своей и соку:
Засмолю я швы въ пирòгѣ,
Чтобъ вода не проникала,
Не сочилась въ пирòгу!“

Какъ шуршить песокъ прибрежный,
Зашуршали вѣтви ели,
И, въ своемъ уборѣ черномъ,
Отвѣчала ель со стономъ,
Отвѣчала со слезами:
„Собери, о, Гайавата!“

И собралъ онъ слезы ели,
Взялъ смолы ея тягучей,
Засмолилъ всѣ швы въ пирòгѣ,
Защитилъ отъ волнъ пирòгу.

„Дай мнѣ, Ежъ, колючихъ иголь,
Всѣ, о, Ежъ, отдай мнѣ иглы:
Я украшу ожерельемъ,
Уберу двумя звѣздами
Грудь красавицы-пирòги!“

Сонно глянулъ Ежъ угрюмый
Изъ дупла на Гайавату,
Словно блещущія стрѣлы,
Изъ дупла метнулъ онъ иглы,

Бормоча въ усы лѣниво:
„Подбери ихъ, Гайавата!“

По землѣ собралъ онъ иглы,
Что блестѣли, точно стрѣлы;
Сокомъ ягодъ ихъ окрасилъ,
Сокомъ желтымъ, краснымъ, синимъ,
И пирогу въ нихъ оправилъ,
Сдѣлалъ ей блестящій поясъ,
Ожерелье дорогое,
Грудь убралъ двумя звѣздами.

Такъ построилъ онъ пирогу
Надъ рѣкою, средь долины,
Въ глубинѣ лѣсовъ дремучихъ,
И вся жизнь лѣсовъ была въ ней,
Всѣ ихъ тайны, всѣ ихъ чары:
Гибкость лиственницы темной,
Крѣпость мощныхъ сучьевъ кедра
И березы стройной легкость;
На водѣ она качалась,
Словно желтый листъ осенній,
Словно желтая кувшинка.

Веселье не было на лодкѣ,
Въ веслахъ онъ и не нуждался:
Мысль ему весломъ служила,
А рулемъ служила воля;
Обогнать онъ могъ хоть вѣтеръ,
Путь держать—куда хотѣлось.

Кончивъ трудъ, онъ кликнулъ друга,
Кликнулъ Квазинда на помощь,
Говоря: „Очистимъ рѣку
Отъ корягъ и желтыхъ мелей!“

Быстро прыгнулъ въ рѣку Квазиндъ,
Словно выдра, прыгнулъ въ рѣку,
Какъ боберъ, нырять въ ней началъ,
Погружаясь то по поясъ,
То до самыхъ мышекъ въ воду.
Съ крикомъ сталъ нырять онъ въ воду,
Поднимать со дна коряги,
Вверхъ кидать песокъ руками,
А ногами—илъ и травы.

И поплыль мой Гайавата
Внизъ по быстрой Таквамино,
По ея водоворотамъ,
Черезъ омуты и мели,
Вслѣдъ за Квазиндомъ могучимъ.

Вверхъ и внизъ они проплыли,
Всюду были, гдѣ лежали
Корни, мертвыя деревья
И пески широкихъ мелей,
И расчистили дорогу,
Путь прямой и безопасный
Отъ истоковъ межъ горами
И до самыхъ водъ Повѣтинъ,
До залива Таквамино.

VIII.

ГАЙАВАТА И МИШЕ-НАМА.

По заливу Гитчи-Гюми,
Свѣтлыхъ водъ Большого Моря,
Съ длинной удочкой изъ кедра,
Изъ коры крученой кедра,
На березовой пирогѣ
Плыль отважный Гайавата.

Сквозь слюду прозрачной влаги
Видѣлъ онъ, какъ ходятъ рыбы
Глубоко подъ дномъ пироги:
Какъ рѣзвится окунь, Сава,
Словно солнца лучъ сіяя;
Какъ лежитъ на днѣ песчаномъ
Шогаши, омаръ лѣнивый,
Словно дремлющій тарантуль.

На кормѣ сѣлъ Гайавата
Съ длинной удочкой изъ кедра;
Точно вѣточки пикуты,
Колебаль прохладный вѣтеръ
Перья въ косахъ Гайаваты.
На посу его пироги
Сѣла бѣлка, Аджидомо;
Точно травку луговую,
Раздувалъ прохладный вѣтеръ
Мѣхъ на шубкѣ Аджидомо.

На песчаномъ днѣ на бѣломъ
Дремлетъ мощный Мише-Нама,
Царь всѣхъ рыбъ, осетръ тяжелый,
Раскрываетъ жабры тихо,
Тихо водить плавниками
И хвостомъ песокъ взметаетъ.
Въ боевомъ вооруженьи,—
Подъ щитами костяными
На плечахъ, на лбу широкомъ,
Въ боевыхъ нарядныхъ краскахъ —
Голубыхъ, пурпурныхъ, желтыхъ,
Онъ лежитъ на днѣ песчаномъ;
И надъ нимъ-то Гайавата
Сталъ въ березовой пирогѣ
Съ длинной удочкой изъ кедра.

„Встань, возьми мою приманку!—
Крикнулъ въ воду Гайавата,—
Встань со дна, о, Мише-Нама,
Подымись къ моей пирогѣ,
Выходи на состязанье“!
Въ глубину прозрачной влаги
Онъ лесу свою забросилъ,
Долго ждалъ отвѣта Намы,
Тщетно ждалъ отвѣта Намы
И кричалъ ему все громче:
„Встань, Царь рыбъ, возьми приманку!“

Не отвѣтилъ Мише-Нама.
Важно, медленно махая
Плавниками, онъ спокойно
Вверхъ смотрѣлъ, на Гайавату,
Долго слушалъ безъ вниманья
Крикъ его нетерпѣливый,
Наконецъ сказалъ Кенозъ,
Жадной шукъ, Маскенозъ:
„Встань, воспользуйся приманкою
Оборви лесу нахала!“

Въ сильныхъ пальцахъ Гайаваты
Сразу удочка согнулась;
Онъ рванулъ ее такъ сильно,
Что пирогъ дыбомъ встала,
Поднялася надъ водою,

Словно бѣлый стволъ березы
Съ рѣзвой бѣлкой на вершинѣ.

Но когда предъ Гайаватой
На волнахъ затрепетала,
Приближаясь, Маскеноза,—
Гнѣвомъ вспыхнулъ Гайавата
И воскликнулъ: „Иза, иза!—
Стыдъ тебѣ, о, Маскеноза!
Ты лишь шука, ты не Нама,
Не тебѣ я кинулъ вызовъ!“

Со стыдомъ на дно вернулась,
Опустилась Маскеноза;
А могучій Мише-Нама
Обратился къ Угудвошу,
Неуклюжему Самглаву:
„Встань, воспользуйся приманкой,
Оборви лесу нахала!“

Словно бѣлый, полный мѣсяцъ,
Всталъ, качаясь и сверкая,
Угудвошъ, Самглавъ тяжелый,
И, схвативъ лесу, такъ сильно
Закружился вмѣстѣ съ нею,
Что вверху, въ водоворотѣ,
Завертѣлася пирѣга,
Волны, съ плескомъ разбѣгаясь,
По всему пошли заливу,
А съ песчаныхъ бѣлыхъ мелей,
Съ отдаленнаго побережья,
Закивали, зашумѣли
Тростники и длинный шпакникъ.

Но когда предъ Гайаватой
Изъ воды поднялся бѣлый
И тяжелый кругъ Самглава,
Громко крикнулъ Гайавата:
„Иза, иза!—стыдъ Самглаву!
Угудвошъ ты, а не Нама,
Не тебѣ я кинулъ вызовъ!“

Тихо внизъ пошелъ, качаясь
И блестя, какъ полный мѣсяцъ,
Угудвошъ прозрачно-бѣлый,

И опять могучій Нама
Услыхалъ нетерпѣливый,
Дерзкій вызовъ, прозвучавшій
По всему Большому Морю.

Самъ тогда онъ съ дна поднялся,
Всѣмъ дрожа отъ дикой злобы,
Боевой блистая краской
И доспѣхами бряцаая,
Быстро прыгнулъ онъ къ пиро́гѣ,
Быстро выскочилъ всѣмъ тѣломъ
На сверкающую воду
И своей гигантской пастью
Поглотилъ въ одно мгновенье
Гайавату и пиро́гу.

Какъ бревно по водопаду,
По широкимъ, чернымъ волнамъ,
Какъ въ глубокую пещеру,
Соскользнула въ пасть пиро́га.
Но, очнувшись въ полномъ мракѣ,
Безнадежно оглянувшись,
Вдругъ наткнулся Гайавата
На большое сердце Намы:
Тяжело оно стучало
И дрожало въ этомъ мракѣ.

И во гнѣвѣ мощной дланью
Стиснулъ сердце Гайавата,
Стиснулъ такъ, что Мише-Нама
Всѣми фибрами затрясся,
Запумѣлъ водой, забился,
Ослабѣлъ, ошеломленный
Нестерпимой болью въ сердцѣ.

Поперекъ тогда поставилъ
Легкій челнъ свой Гайавата,
Чтобъ изъ чрева Мише-Намы,
Въ суматохѣ и тревогѣ,
Не упасть и не погибнуть.
Рядомъ бѣлка. Аджидомо,
Рѣзво прыгала, болтала,
Помогала Гайаватѣ
И трудилась съ нимъ все время.

И сказалъ ей Гайавата:
„О, мой маленькій товарищъ!
Храбро ты со мной трудилась,
Такъ прими же, Аджидомо,
Благодарность Гайаваты
И то имя, что сказалъ я:
Этимъ именемъ всѣ дѣти
Будутъ звать тебя отнынѣ!“

И опять забился Нама,
Заметался, задыхаясь,
А потомъ затихъ—и волны
Понесли его къ побережью.
И когда подъ Гайаватой
Зашуршалъ прибрежный щебень,
Понялъ онъ, что Мише-Нама,
Бездыханный, неподвижный,
Принесенъ волной къ побережью.

Тутъ безсвязный крикъ и вопли
Услыхалъ онъ надъ собою,
Услыхалъ шумъ длинныхъ крыльевъ,
Переполнившій весь воздухъ,
Увидалъ полосу свѣта
Межъ широкихъ реберъ Намы
И Кайошкъ, крикливыхъ чаекъ,
Что блестящими глазами
На него смотрѣли зорко
И другъ другу говорили:
„Это братъ нашъ, Гайавата!“

И въ восторгѣ Гайавата
Крикнулъ имъ, какъ изъ пещеры:
„О, Кайошкъ, морскія чайки,
Братья, сестры Гайаваты!
Умертвилъ я Мише-Наму,—
Помогите же мнѣ выйти
Поскорѣе на свободу,
Рвите клювами, когтями
Бокъ широкій Мише-Намы,
И отнынѣ и вовеки
Прославлять васъ будутъ люди,
Называть, какъ я васъ называлъ!“

Дикой, шумной стаей чайки
Принялся за работу,

Быстро щели проклевали
Межъ широкихъ реберъ Намы,
И отъ смерти въ чревѣ Намы,
Отъ гибели, отъ плѣна,
Отъ могилы подъ водою
Былъ избавленъ Гайавата.

Возлѣ самага вигвама
Сталъ на берегъ Гайавата;
Тотчасъ кликнулъ онъ Нокомисъ,
Вызвалъ старую Нокомисъ
Посмотрѣть на Мише-Наму:
Мертвый онъ лежалъ у моря,
И его клевали чайки.

„Умертвилъ я Мише-Наму,
Побѣдилъ его!—сказалъ онъ.—
Вонъ надъ нимъ ужъ вьются чайки.
То друзья мои, Нокомисъ!
Не гони ихъ прочь, не трогай:
Я отъ смерти въ чревѣ Намы
Былъ сейчасъ избавленъ ими.
Пусть онѣ свой пиръ окончатъ,
Пусть зобы наполнятъ пищей;
А когда, съ заходомъ солнца,
Улетятъ онѣ на гнѣзда,
Принеси котлы и чаши,
Заготовь къ зимѣ намъ жиру“.

И Нокомисъ до заката
Просидѣла на побережьѣ.
Вотъ и мѣсяцъ, солнце ночи,
Всталъ надъ тихою водою,
Вотъ и чайки съ шумнымъ крикомъ,
Кончивъ пиръ свой, поднялися,
Полетѣли къ отдаленнымъ
Островамъ на Гитчи-Гюми,
И сквозь зарево заката
Долго ихъ мелькали крылья.

Мирнымъ сномъ спалъ Гайавата;
А Нокомисъ терпѣливо
Принялася за работу
И трудилась въ лунномъ свѣтѣ

До зари, пока не стало
Небо краснымъ на востокѣ
А когда смѣнило солнце
Блѣдный мѣсяцъ,—съ отдаленныхъ
Острововъ на Гитчи-Гюми
Воротились стаи чаекъ,
Съ крикомъ кинулись на пищу.

Трое сутокъ, чередуясь
Съ престарѣлою Нокомисъ,
Чайки жиръ срывали съ Намы.
Наконецъ межъ голыхъ реберъ
Волны начали плескаться,
Чайки скрылись, улетѣли,
И остались на побережьѣ
Только кости Мише-Намы.

IX.

ГАЙАВАТА и ЖЕМЧУЖНОЕ ПЕРО.

На побережье Гитчи-Гюми,
Свѣтлыхъ водъ Большого Моря,
Вышла старая Нокомисъ,
Простирая въ гнѣвъ руку
Надъ водой къ странѣ заката,
Къ тучамъ огненнымъ заката.

Въ гнѣвъ солнце заходило,
Пролагая путь багряный,
Зажигая тучи въ небѣ,
Какъ вожди сжигаютъ степи,
Отступая предъ вратами;
А луна, ночное солнце,
Вдругъ возстала изъ засады
И направилась въ погоню
По слѣдамъ его кровавымъ,
Въ яркомъ заревѣ пожара.

И Нокомисъ, простирая
Руку слабую къ закату,
Говорила Гайаватѣ:
„Тамъ живетъ волшебникъ злобный
Меджисогвонъ, Духъ Богатства,
Тотъ, кого Перомъ Жемчужнымъ

Называютъ всѣ народы;
Тамъ озера смоляныя
Разливаются, чернѣя,
До багряныхъ тучъ заката;
Тамъ, среди трясины мрачной,
Вьются огненныя змѣи,
Змѣи страшныя, Кинэбикъ!
То хранители и слуги
Меджисогвона-убійцы.

„Это имъ убить коварно
Мой отецъ, когда на землю
Онъ съ луны за мной спустился
И меня искалъ повсюду.
Это злобный Меджисогвонъ
Посылаетъ къ намъ недуги,
Посылаетъ лихорадки,
Дышитъ бѣдой мглою съ тундры,
Дышитъ сыростью болотныхъ,
Смертоносныхъ испареній!

„Лукъ возьми свой, Гайавата,
Острыхъ стрѣлъ возьми съ собою,
Томагаукъ, Потгэвогонъ,
Рукавицы, Минджикэвонъ,
И березовую лодку.
Желтымъ жиромъ Мише-Намы
Смажь бока ея, чтобъ легче
Было плыть ей по болотамъ,
И убей ты чародѣя,
Отомсти врагу Покомистъ,
Отомсти врагу народа!“

Быстро въ путь вооружился
Благородный Гайавата;
Легкій челнъ онъ сдвинулъ въ воду,
Потрепалъ его рукою,
Говоря: „Впередъ, пирѣга,
Другъ мой вѣрный и любимый,
Къ змѣямъ огненнымъ, Кинэбикъ,
Къ смолянымъ озерамъ чернымъ!“

Гордо въ даль неслась пирѣга,
Грозно пѣсню боевую

Пѣлъ отважный Гайавата;
А надъ нимъ Киню могучій,
Боевой орелъ могучій,
Вождь пернатыхъ, съ дикимъ крикомъ,
Въ небесахъ кругами плавать.

Скоро онъ и змѣй увидѣлъ,
Исполинскихъ змѣй увидѣлъ,
Что лежали средь болота,
Ежась, искрясь средь болота,
На пути сплетаясь въ кольца,
Подымаясь, наполняя
Воздухъ огненнымъ дыханьемъ,
Чтобъ никто не могъ проникнуть
Къ Меджисогвону въ жилище.

Но безстрашный Гайавата,
Громко крикнувъ, такъ сказалъ имъ:
„Прочь съ дороги, о, Кинэбикъ!
Прочь съ дороги Гайаваты!“
А онѣ, свирѣло ежась,
Ствѣчали Гайаватѣ
Свистомъ, огненнымъ дыханьемъ:
„Отступи, о, Шогодайя!
Воротись къ Нокомисъ старой!“

И тогда во гнѣвѣ поднялъ
Мощный лукъ свой Гайавата,
Сбросилъ съ плечъ колчанъ—и началъ
Поражать ихъ безпощадно:
Каждый звукъ тугой и крѣпкой
Тетивы былъ крикомъ смерти,
Каждый свистъ стрѣлы пѣвучей—
Пѣсню смерти и побѣды!

Тяжело въ водѣ кровавой
Змѣи мертвыя качались,
И побѣдно Гайавата
Плылъ межъ ними, восклицая:
„О, впередъ, моя пирога,
Къ смолянымъ озерамъ черпымъ!“

Желтымъ жиромъ Мише-Намы
Онъ бока и носъ пироги
Густо смазалъ, чтобы легче

Было плыть ей по бодотамъ.
И до свѣта одиноко
Плылъ онъ въ этомъ сонномъ морѣ,
Плылъ въ водѣ, густой и черной,
Вѣковой корой покрытой
Отъ размытыхъ и гниющихъ
Камышей и листьевъ лилій;
И безжизненно и мрачно
Передъ нимъ вода блестѣла,
Озаренная луною,
Озаренная мерцаньемъ
Огоньковъ, что зажигаютъ
Души мертвыхъ на стоянкахъ,
Въ часъ тоскливой, долгой ночи.

Бѣлимъ мѣсячнымъ сіяньемъ
Тихій воздухъ былъ наполненъ;
Тѣни ночи по болотамъ
Далеко кругомъ чернѣли;
А москиты Гайаватъ
Шли пѣсню боевую;
Свѣтляки блестя кружились,
Чтобы сбить его съ дороги,
И въ густой водѣ Данинда
Тяжело зашевелилась,
Туно желтыми глазами
Поглядѣла на пирѣгу,
Зарыдала—и исчезла;
И мгновенно огласилось
Все кругомъ стозвучнымъ свистомъ,
И Шухъ-шухъ-га издалика
Съ камышеваго побережья
Возвѣстила громкимъ крикомъ
О прибытіи героя!

Такъ держалъ путь Гайавата,
Такъ держалъ онъ путь на западъ,
Плылъ всю ночь, пока не скрылся
Съ неба блѣдный, полный мѣсяцъ.
А когда пригрѣло солнце,
Стало плечи жечь лучами,
Увидалъ онъ предъ собою
На холмѣ Вигвамъ Жемчужный—
Меджисогвоца жилище.

Вновь тогда своей пирогъ
Онъ сказалъ: „впередъ!“—и быстро,
Величаво и побѣдно
Пронеслась она средь лилій,
Чрезъ густой прибрежный шпакликъ.
И на берегъ Гайавата
Вышелъ, ногъ не замочивши.

Тотчасъ взялъ онъ лукъ свой вѣрный,
Утвердилъ въ песокъ, колѣномъ
Надавилъ по срединѣ
И могучей тетивою
Запустилъ стрѣлу-пѣвунью,
Запустилъ въ Вигвамъ Жемчужный,
Какъ тонца съ своимъ посланьемъ,
Съ гордымъ вызовомъ на битву:
„Выходи, о, Меджисогвонъ:
Гайавата ожидаетъ“.

Быстро вышелъ Меджисогвонъ
Изъ Жемчужнаго Вигвама,
Быстро вышелъ онъ, могучій,
Рослый и широкоплечій,
Сумрачный и страшный видомъ,
Съ головы до ногъ покрытый
Украшеньями. оружьемъ,
Въ алыхъ, синихъ, желтыхъ краскахъ,
Словно небо на разсвѣтѣ,
Въ развѣвающихся перьяхъ
Изъ орлиныхъ длинныхъ крыльевъ.

„А, да это Гайавата!“—
Громко крикнулъ онъ съ насмѣшкой,
И, какъ громъ, тотъ крикъ раздался,—
„Отступи, о, Шогодайя!
Уходи скорѣе къ бабамъ,
Уходи къ Нокомисъ старой!
Я убью тебя на мѣстѣ,
Какъ ея отца убилъ я!“

Но безъ страха, безъ смущенья
Отвѣчалъ мой Гайавата:
„Хвастовствомъ и грубымъ словомъ
Не сразишь, какъ томагавкомъ;

Дѣло лучше словъ бесплодныхъ
И острѣй насмѣшекъ стрѣлы.
Лучше дѣйствовать, чѣмъ хвастать!“

И начался бой великій,
Бой, невиданный подъ солнцемъ!
Отъ восхода до заката—
Цѣлый лѣтній день онъ длился,
Ибо стрѣлы Гайаваты
Безполезно ударялись
О жемчужную кольчугу.
Безполезны были даже
Рукавицы, Минджикэвонъ,
И тяжелый томагаукъ:
Раздроблять онъ могъ утесы,
Но колець не могъ разбить онъ
Въ заколдованной кольчугѣ.

Наконецъ, передъ закатомъ,
Весь израненный, усталый,
Съ расщепленнымъ томагавкомъ,
Съ рукавицами въ лохмотьяхъ
И съ тремя стрѣлами только,
Гайавата безнадежно
На упругій лукъ склонился
Подъ старинною сосною;
Мохъ съ вѣтвей ея тянулся,
А на пни грибы желтѣли,—
Мертвецовъ печальныхъ обувъ.

Вдругъ зеленый дятель, Мэма,
Закричалъ надъ Гайаватой:
„Цѣлься въ темя, Гайавата,
Прямо въ темя чародѣя,
Въ корни косъ ударь стрѣлою:
Только тамъ и уязвимъ онъ!“

Въ легкихъ перьяхъ, въ халцедонѣ,
Понеслась стрѣла-пѣвунья
Въ тотъ моментъ, какъ Меджисогвонъ
Поднималъ тяжелый камень,
И воизилась прямо въ темя,
Въ корни длинныхъ косъ воизилась.
И споткнулся, зашатался
Меджисогвонъ, словно буйволъ,

Да, какъ буйволъ, пораженный
На лугу, покрытомъ снѣгомъ.

Вслѣдъ за первую стрѣлою
Полетѣла и вторая,
Понеслась быстрѣ первой,
Поразила глубже первой;
И колѣни чародѣя,
Какъ тростникъ, затрепетали,
Какъ тростникъ, подъ нимъ согнулись.

А послѣдняя взвилася
Легче всѣхъ—и Меджисогвонъ
Увидаль передъ собою
Очи огненные смерти,
Услыхаль изъ мрака голосъ,
Голосъ Погока призывный.
Безъ дыханія, безъ жизни
Паль могучій Меджисогвонъ
На песокъ предъ Гайаватой.

Благодарный Гайавата
Взялъ тогда немного крови
И, позвавъ съ сосны печальной
Дятла, выкрасилъ той кровью
На головкѣ дятла гребень,
За его услугу въ битвѣ;
И донынѣ Мэма носить
Хохолокъ изъ красныхъ перьевъ.

Послѣ, въ знакъ своей побѣды,
Въ память битвы съ чародѣемъ,
Онъ сорвалъ съ него кольчугу
И оставилъ безъ призора
На песокъ прибрежномъ тѣло.
На песокъ оно лежало,
Погребенное по поясъ,
Головой поникнувъ въ воду;
А надъ нимъ кружился съ крикомъ
Боевой орелъ могучій,
Плаваль медленно кругами,
Тихо, тихо внизъ спускаясь.

Изъ витвама чародѣя
Гайавата снесъ въ широкую

Всѣ сокровища, весь вампумъ;
Снесъ мѣха бобровъ, бизоновъ,
Соболей и горностаевъ,
Нитки жемчуга, колчаны
И серебряныя стрѣлы—
И поплылъ домой, ликуя,
Съ громкой пѣснею побѣды.

Тамъ къ нему на берегъ вышли
Престарѣлая Нокомисъ,
Чайбайабосъ, мощный Квазиндъ;
А народъ героя встрѣтилъ
Пляской, пѣньемъ, восклицая:
„Слава, слава Гайаватѣ!
Побѣжденъ имъ Меджисогвонъ,
Побѣжденъ волшебникъ злобный!“

Навсегда остался дорогъ
Гайаватѣ дятель, Мэма.
Въ честь его и въ память битвы,
Онъ свою украсилъ трубку
Хохолкомъ изъ красныхъ перьевъ,
Гребешкомъ багровымъ Мэмы,
А богатства чародѣя
Раздѣлилъ съ своимъ народомъ,
Раздѣлилъ по равной части.

Х.

СВАТОВСТВО ГАЙАВАТЫ.

„Мужъ съ женой подобенъ луку,
Луку съ крѣпкой тетивою;
Хоть она его сгибаетъ,
Но ему сама послушна,
Хоть она его и тянетъ,
Но сама съ нимъ неразлучна;
Порознь оба бесполезны!“

Такъ раздумывалъ нерѣдко
Гайавата и томился
То отчаяньемъ, то страстью,
То тревожною надеждой,
Предаваясь пылкимъ грезамъ
О прекрасной Миинегатѣ
Изъ страны Дакотовъ дикихъ.

Осторожная Нокомисъ
Говорила Гайаватѣ:
„Не женись на чужеземкѣ,
Не ищи жены по свѣту!
Дочь сосѣда, хоть простая,
Что очагъ въ родномъ вигвамѣ,
Красота же чужеземки—
Это лунный свѣтъ холодный,
Это звѣздный блескъ далекій!“

Такъ Нокомисъ говорила.
Но разумно Гайавата
Отвѣчалъ ей: „О, Нокомисъ!
Милъ очагъ въ родномъ вигвамѣ,
Но милѣй мнѣ звѣзды въ небѣ,
Ясный мѣсяцъ мнѣ милѣе!“

Строго старая Нокомисъ
Говорила: „Намъ не нужно
Праздныхъ рукъ и погъ лѣнивыхъ;
Приведи жену такую,
Чтобъ работала съ любовью,
Чтобъ проворны были руки,
Ноги двигались охотно!“

Улыбаясь, Гайавата
Молвилъ: „Я въ землѣ Дакотовъ
Стрѣлодѣлателя знаю;
У него есть дочь-невѣста,
Что прекраснѣй всѣхъ прекрасныхъ;
Я введу ее въ вигвамъ твой,
И она тебѣ въ работѣ
Будетъ дочерью покорной,
Будетъ луннымъ, звѣзднымъ свѣтомъ,
Огонькомъ въ твоёмъ вигвамѣ,
Солнцемъ нашего народа!“

Но опять свое твердила
Осторожная Нокомисъ:
„Не вводи въ мое жилище
Чужеземку, дочь Дакота!
Злобны дикіе Дакоты,
Часто мы воюемъ съ ними,
Распри наши не забыты,
Раны наши не закрылись!“

Усмѣхаясь, Гайавата
И на это ей отвѣтилъ:
„Потому-то и пойду я
За невѣстой въ край Дакотовъ,
Для того пойду, Нокомисъ,
Чтобъ окончить наши распри,
Залѣчить навѣки раны!“

И пошелъ въ страну красавицъ,
Въ край Дакотовъ, Гайавата,
Въ путь далекій по долинамъ,
Въ тишинѣ равнинъ пустынныхъ,
Въ тишинѣ лѣсовъ дремучихъ.

Съ каждымъ шагомъ дѣлалъ мило
Онъ въ волшебныхъ мокасинахъ;
Но быстрѣй бѣжали мысли,
И дорога безконечной
Показалась Гайаватѣ!
Наконецъ, въ безмолвьи лѣса,
Услыхалъ онъ гулъ потоковъ,
Услыхалъ призывный грохотъ
Водопадовъ Миннегаги.
„О, какъ веселъ,—прошепталъ онъ,—
Какъ отраденъ этотъ голосъ,
Призывающій въ молчаньи!“

Межъ деревьевъ, гдѣ играли
Свѣтъ и тѣни, онъ увидѣлъ
Стадо чуткое оленей.
„Не спloшай!“—сказалъ онъ луку,
„Будь вѣрнѣй!“—стрѣлъ промолвилъ,
И когда стрѣла-пѣвунья,
Какъ оса, впилась въ оленя,
Онъ взвалилъ его на плечи
И пошелъ еще быстрѣе.

У дверей, въ своемъ вигвамѣ,
Вмѣстѣ съ милой Миннегагой,
Стрѣлодѣлатель работалъ.
Онъ точилъ на стрѣлы яшму,
Халцедонъ точилъ блестящій,
А она плела въ раздумьѣ
Тростниковыя цыпочки;

Все о томъ, что будетъ съ нею,
Тихо дѣвушка мечтала;
А старикъ о прошломъ думалъ.

Вспоминалъ онъ, какъ, бывало,
Вотъ такими же стрѣлами
Поражалъ онъ на долинахъ
Робкихъ ланей и бизоновъ,
Поражалъ въ лугахъ зеленыхъ
Налету гусей крикливыхъ;
Вспоминалъ и о великихъ
Боевыхъ отрядахъ прежнихъ,
Покупавшихъ эти стрѣлы.
Ахъ, ужъ нѣтъ теперь подобныхъ
Славныхъ воиновъ на свѣтѣ!
Нынѣ войны, что бабы:
Языкомъ болтаютъ только!

Миннегага же въ раздумьѣ
Вспоминала, какъ весною
Приходилъ къ отцу охотникъ,
Стройный юноша-красавецъ
Изъ земли Оджибуэевъ,
Какъ сидѣлъ онъ въ ихъ вигвамѣ,
А простившись, обернулся,
На нее взглянулъ украдкой.
Самъ отецъ потомъ нерѣдко
Въ немъ хвалилъ и умъ и храбрость.
Только будетъ ли онъ снова
Къ водопадамъ Миннегаги?
И въ раздумьѣ Миннегага
Въ даль разсѣянно глядя,
Опускала праздны руки.

Вдругъ почудился ей шорохъ,
Чья-то постуны въ чащѣ мѣса,
Шумъ вѣтвей,—и чрезъ мгновенье,
Разрумяненный ходьбою,
Съ мертвой ланью за плечами,
Сталъ предъ нею Гайавата.

Строгій взоръ старикъ на гостя
Быстро вскинулъ отъ работы,
Но, узнавши Гайавату,

Отложилъ стрѣлу, поднялся
И просилъ войти въ жилище.
„Будь здоровъ, о, Гайавата!“ —
Гайаватъ онъ промолвилъ.

Предъ пещерой Гайавата
Сбросилъ съ плечъ свою добычу,
Положилъ предъ ней олепа;
А она, поднявъ рѣспицы,
Отвѣчала Гайаватъ
Кроткой лаской и привѣтомъ:
„Будь здоровъ, о, Гайавата“.

Изъ оленьей крѣпкой кожи
Сдѣланъ былъ вигвамъ просторный,
Побѣленъ, богато убранъ
И дакотскими богами
Разрисованъ и расписанъ.
Двери были такъ высоки,
Что, входя, едва нагнулся
Гайавата на порогъ,
Чуть коснулся занавѣсокъ
Головой въ орлиныхъ перьяхъ.

Встала съ мѣста Миннегага,
Отложивъ свою работу,
Принесла къ обѣду пищи,
За водой къ ручью сходила
И стыдливо подавала
Съ пищей глиняныя миски,
А съ водой—ковши изъ липы.
Послѣ сѣла, стала слушать
Разговоръ отца и гостя,
Но сама во всей бесѣдѣ
Ни словечка не сказала!

Да, какъ будто сквозь дремоту
Услыхала Миннегага
О Покомисѣ престарѣлой,
Воспитавшей Гайавату,
О друзьяхъ его любимыхъ
И о счастьѣ, о довольствѣ
На землѣ Оджибуэевъ,
Въ тишинѣ долинъ веселыхъ.

„Послѣ многихъ лѣтъ раздора,
Многихъ лѣтъ борьбы кровавой
Миръ насталъ теперь въ селеньяхъ
Оджибвэевъ и Дакотовъ!“—
Такъ закончилъ Гайавата,
А потомъ прибавилъ тихо:
„Чтобы этотъ миръ упрочить,
Закрѣпить союзъ сердечный,
Закрѣпить навѣки дружбу,
Дочь свою отдай мнѣ въ жены,
Отпусти въ мой край родимый,
Отпусти къ намъ Миннегагу!“

Призадумался немного
Старецъ, прежде чѣмъ отвѣтить,
Покурилъ въ молчаньи трубку,
Посмотрѣлъ на гостя гордо,
Посмотрѣлъ на дочь съ любовью
И отвѣтилъ очень важно:
„Это воля Миннегаги.
Какъ рѣшишь ты, Миннегага?“

И смутилась Миннегага,
И еще милѣй и краше
Стала въ дѣвичьемъ смущеньи.
Робко рядомъ съ Гайаватой
Опустилась Миннегага
И, краснѣя, отвѣчала:
„Я пойду съ тобою, мужъ мой!“

Такъ рѣшила Миннегага!
Такъ сосваталъ Гайавата,
Взялъ красавицу-невесту
Изъ страны Дакотовъ дикихъ!

Изъ вигвама рядомъ съ нею
Онъ пошелъ въ родную землю.
По лѣсамъ и по долинамъ
Шли они рука съ рукою,
Оставляя одинокимъ
Старика-отца въ вигвамѣ,
Покидая водопады,
Водопады Миннегаги,
Что взывали издалика:
„Добрый путь, о, Миннегага!“

А старикъ, простившись съ ними,
Сѣлъ на солнышко къ порогу
И, копаясь за работой,
Бормоталъ: „Вотъ такъ-то дочки!
Любишь ихъ, лелѣешь, холишь,
А дождешься ихъ опоры,
Глядь—ужъ юноша приходитъ,
Чужеземецъ, что на флейтѣ
Поиграетъ да побродитъ
По деревнѣ, выбирая
Покрасивѣе невѣсту,—
И протисъ навѣки съ дочкой!“

Веселъ былъ ихъ путь далекій
По холмамъ и по долинамъ,
По горамъ и по ущельямъ,
Въ тишинѣ лѣсовъ дремучихъ!
Быстро время пролетало,
Хоть и тихо Гайавата
Шелъ теперь для Миннегаги,
Чтобъ она не утомилась.

На рукахъ черезъ стремнины
Несъ онъ дѣвушку съ любовью,—
Легкимъ перышкомъ казалась
Эта ноша Гайаватѣ.
Въ дебряхъ лѣса, подъ вѣтвями,
Онъ прокладывалъ тропинки,
На ночь ей шалашъ построилъ,
Постелилъ постель изъ листьевъ
И развелъ костеръ у входа
Изъ сухихъ сосновыхъ шишекъ.

Вѣтерки, что вѣчно бродятъ
По лѣсамъ и по долинамъ,
Путь держали вмѣстѣ съ ними;
Звѣзды чутко охраняли
Мирный сонъ ихъ темной ночью;
Бѣлка съ дуба зоркимъ взглядомъ
За влюбленными слѣдила,
А Бабассо, бѣлый кроликъ,
Убѣгалъ отъ нихъ съ тропинки
И, привставъ на заднихъ лапкахъ,
Изъ норы глядѣлъ украдкой
Съ любопытствомъ и со страхомъ.

Весель былъ ихъ путь далекій!
Птицы сладко щебетали,
Птицы звонко пѣли пѣсни
Мирной радости и счастья.
„Ты счастливъ, о, Гайавата,
Съ кроткой, любящей женою!“ —
Пѣлъ Овейса синеперый.
„Ты счастлива, Миннегага,
Съ благороднымъ, мудрымъ мужемъ!“ —
Опечи пѣлъ красногрудый.

Солнце ласково глядѣло
Сквозь тѣнистыя деревья,
Говорило имъ: „О, дѣти!
Злоба—тьма, любовь—свѣтъ солнца,
Жизнь играетъ тьмой и свѣтомъ,—
Правъ любовью, Гайавата!“

Мѣсяцъ съ неба въ часъ полночный
Заглянулъ въ шалашъ, наполнилъ
Мракъ таинственнымъ сіяньемъ
И шепнулъ имъ: „Дѣти, дѣти!
Ночь тиха, а день тревоженъ;
Жены слабы и покорны,
А мужа властолюбивы,—
Правъ терпѣньемъ, Миннегага!“

Такъ они достигли дома,
Такъ въ вигвамъ Нокомисъ старой
Возвратился Гайавата
Изъ страны Дакотовъ дикихъ,
Изъ страны красивыхъ женщинъ,
Съ Миннегагою прекрасной,
И была она въ вигвамѣ
Огонькомъ его вечернимъ,
Свѣтомъ луннымъ, свѣтомъ звѣзднымъ,
Свѣтлымъ солнцемъ для народа.

XI.

СВАДЕБНЫЙ ПИРЪ ГАЙАВАТЫ.

Стану пѣть, какъ По-Покъ-Кивисъ,
Какъ красавецъ Йенадиззи
Танцовалъ подъ звуки флейты,

Какъ учтивый Чайбайабось,
Сладкогласный Чайбайабось
Пѣсни пѣлъ любви-томленья,
И какъ Ягу, дивный мастеръ
И рассказывать и хвастать,
Сказки сказывалъ на свадьбѣ,
Чтобы пиръ былъ веселѣе,
Чтобы время шло пріятнѣй,
Чтобъ довольны были гости!

Пышный пиръ дала Нокомисъ,
Пышно праздновала свадьбу!
Чаши были всѣ изъ липы,
Ярко-бѣлыя и съ глянцемъ,
Ложки были всѣ изъ рога,
Ярко-черныя и съ глянцемъ.

Въ знакъ торжественнаго пира,
Приглашенія на свадьбу,
Всѣмъ сосѣдямъ вѣтви ивы
Въ этотъ день она послала;
И сосѣди собралися
Къ пиру въ праздничныхъ нарядахъ,
Въ дорогихъ мѣхахъ и перьяхъ,
Въ разноцвѣтныхъ яркихъ краскахъ,
Въ пестромъ ватпумѣ и бусахъ.

На пиру они сначала
Осетра и щуку ѣли,
Приготовленныхъ Нокомисъ;
Послѣ—пимиканъ оленій,
Пимиканъ и мозгъ бизона,
Горбъ быка и ляжку лани,
Рисъ и желтыя лепешки
Изъ толченой кукурузы.

Но радушный Гайавата,
Миннегата и Нокомисъ
При гостяхъ не сѣли къ пищѣ:
Только потчевали молча,
Только молча имъ служили.
А когда обѣдъ былъ конченъ
Хлопотливая Нокомисъ
Изъ большого мѣха выдры

Тотчасъ каменные трубки
Табакомъ набила южнымъ,
Табакомъ съ травой пахучей
И съ корою красной ивы.

Послѣ ласково сказала:
„Протанцуй намъ, По-Покъ-Кивисъ,
Танецъ Нищаго веселый,
Чтобы пиръ былъ веселѣе,
Чтобы время шло пріятнѣй,
Чтобъ довольны были гости!“

И красавецъ По-Покъ-Кивисъ,
Беззаботный Йенадиззи,
Озорникъ, всегда готовый
Веселиться и буянить,
Тотчасъ всталъ среди собранья.
Ловокъ былъ онъ въ пляскахъ, въ танцахъ,
Въ состязаньяхъ и забавахъ,
Смѣлъ и ловокъ въ разныхъ играхъ,
Даже въ самыхъ трудныхъ играхъ!
На деревнѣ По-Покъ-Кивисъ
Слылъ пропащимъ человѣкомъ,
Игрокомъ, лѣнтяемъ, трусомъ;
Но насмѣшки и прозванья
Не смущали Йенадиззи:
Вѣдь зато онъ былъ красавецъ
И большой любимецъ женщинъ!

Онъ стоялъ въ одеждѣ бѣлой
Изъ пушистой ланьей шкуры.
Окаймленной горностаемъ,
Густо вампумомъ расшитой
И ежовою щетиной;
Въ головномъ его уборѣ
Колыхался пухъ лебяжій;
На козловыхъ мокасинахъ
Красовались иглы, бисеръ
И хвосты лисицъ—на пяткахъ;
А въ рукахъ держалъ онъ трубку
И большое опахало.

Краской желтою и красной,
Краской алою и синей
Все лицо его сіяло;

Въ косы, смазанныя масломъ
И съ проборомъ, какъ у женщинъ,
Вплетены гирлянды были
Изъ пахучихъ травъ и листьевъ.
Вотъ какъ убранъ и наряженъ
Всталъ красавецъ По-Покъ-Кивисъ,
Всталъ при звукахъ флейтъ и пѣсень,
Голосовъ и барабановъ,
И свой дивный танецъ началъ.

Танцевалъ онъ прежде важно,
Выступая межъ деревьевъ—
То подъ тѣнью, то на солнцѣ—
Мягкимъ шагомъ, какъ пантера;
Послѣ—все быстрѣй, быстрѣе,
Закружился, завертѣлся,
Вкругъ вигвама началъ прыгать
Черезъ головы сидящихъ,
Такъ, что вѣтеръ, пыль и листья
Понеслись за нимъ кругами!

А потомъ вдоль Гитчи-Гюми,
По песчаному побережью,
Какъ безумный, онъ помчался,
Ударяя съ дикой силой
Мокассинами о землю,
Такъ, что вѣтеръ сталъ ужъ бурей,
Засвисталъ песокъ, вздымаясь,
Словно вьюга по пустынь,
И покрылося побережье
Все холмами Нэго-Воджу!
Такъ веселый По-Шокъ-Кивисъ
Танецъ Нищаго окончилъ,
И, окончивъ, возвратился
Къ мѣсту пира, сѣлъ съ гостями,
Сѣлъ, спокойно улыбаясь
И махая опахаломъ.

Послѣ друга Гайаваты,
Чайбайабоса, просили:
„Спой намъ пѣсню, Чайбайабосъ,
Пѣсню страсти, пѣсню нѣги,
Чтобы пиръ былъ веселѣе,
Чтобы время шло пріятнѣй,
Чтобъ довольны были гости!“

И прекрасный Чайбайабость
Спѣлъ имъ нѣжно, сладкозвучно,
Спѣлъ въ волненіи глубокомъ
Пѣсню страсти, пѣсню нѣги;
Все смотря на Гайавату,
Все смотря на Миннегагу,
Тихо пѣлъ онъ эту пѣсню:

„Онэвэ! Проснись родная!
Ты, лѣсной цвѣточекъ дикій,
Ты, луговъ зеленыхъ птичка,
Птичка дикая, пѣвунья!

„Взоръ твой кроткій, взоръ косули,
Такъ отраденъ, такъ отраденъ,
Какъ роса для нѣжныхъ лилій
Въ часъ вечерній на долинѣ!

„А твое дыханье сладко,
Какъ цвѣтовъ благоуханье,
Какъ дыханье ихъ зарею
Въ Мѣсяцъ падающихъ листьевъ!

„Не стремлюсь ли я всѣмъ сердцемъ
Къ сердцу милой, къ сердцу милой,
Какъ ростки стремятся къ солнцу
Въ тихій Мѣсяцъ свѣтлой ночи?

„Онэвэ! Трепещетъ сердце
И поетъ тебѣ въ восторгѣ,
Какъ поютъ, вздыхаютъ вѣтви
Въ ясный Мѣсяцъ земляники!

„Загрустишь ли ты, родная,—
И мое темнѣетъ сердце,
Какъ рѣка, когда надъ нею
Облака бросаютъ тѣни!

„Улыбнешься ли, родная,—
Сердце вновь дрожить и блещетъ,
Какъ подъ солнцемъ блещутъ волны,
Что рябитъ холодный вѣтеръ!

„Пусть улыбкою сіяютъ
Небеса, земля и воды—
Не могу я улыбаться,
Если милой я не вижу!

„Я съ тобой, съ тобой! Взгляни жъ,
Кровь трепещущаго сердца!
О, проснись! Проснись, родная!
Онэвэ! Проснись, родная!“

Такъ прекрасный Чайбайабось
Пѣсню пѣлъ любви-томленья;
И хвастливый, старый Ягу,
Удивительный рассказчикъ,
Слушалъ съ завистью, какъ гости
Восторгались сладкимъ пѣньемъ;
Но потомъ, по ихъ улыбкамъ,
По глазамъ и по движеньямъ,
Увидалъ, что все собранье
Съ нетерпѣньемъ ожидаетъ
И его веселыхъ басенъ,
Непомѣрно-лживыхъ сказокъ.

Очень былъ хвастливъ мой Ягу!
Въ самыхъ дивныхъ приключеньяхъ,
Въ самыхъ смѣлыхъ предпріятіяхъ—
Всюду былъ героемъ Ягу:
Онъ узналъ ихъ не по слухамъ,
Онъ воочию ихъ видѣлъ!

Если бъ только Ягу слушать,
Если бъ только Ягу вѣрить,
То нигдѣ никто изъ лука
Не стрѣляетъ лучше Ягу,
Не убилъ такъ много ланей,
Не поймалъ такъ много рыбы,
Иль рѣчныхъ бобровъ въ капканы.

Кто рѣзвѣе всѣхъ въ деревнѣ?
Кто всѣхъ дальше можетъ плавать?
Кто ныряетъ всѣхъ смѣлѣе?
Кто постраниствовалъ по свѣту
И диковинъ насмотрѣлся?
Ужъ, конечно, это Ягу,
Удивительный рассказчикъ!

Имя Ягу стало шуткой
И пословицей въ народѣ;
И когда хвастунъ-охотникъ
Черезчуръ охотой хвасталъ,

Или воинъ завирался,
Возвратившись съ поля битвы,
Всѣ кричали: „Ягу, Ягу!
Новый Ягу появился!“

Это онъ связалъ когда-то
Изъ коры зеленой липы
Люльку жилами оленя
Для малютки Гайаваты.
Это онъ ему позднѣе
Показалъ, какъ надо дѣлать
Лукъ изъ ясени упругой,
А изъ сучьевъ дуба—стрѣлы.
Вотъ каковъ былъ этотъ Ягу,
Безобразный, старый Ягу,
Удивительный рассказчикъ!

И промолвила Нокомисъ:
„Расскажи намъ, добрый Ягу,
Почудеснѣй сказку, басню,
Чтобы пиръ былъ веселѣе,
Чтобы время шло пріятнѣй,
Чтобъ довольны были гости!“

И отвѣтилъ Ягу тотчасъ:
„Вы услышите сегодня
Повѣсть—дивное сказанье
О волшебникѣ Оссэо,
Что сошелъ съ Звѣзды Вечерней!“

XII.

СЫНЪ ВЕЧЕРНЕЙ ЗВѢЗДЫ.

То не солнце ли заходитъ
Надъ равниной водяною?
Иль то раненый фламинго
Тихо плаваетъ, летаетъ,
Обагрываетъ волны кровью,
Кровью, падающей съ перьевъ,
Наполняетъ воздухъ блескомъ,
Блескомъ длинныхъ красныхъ перьевъ?

Да, то солнце утопаетъ,
Погружаясь въ Гитчи-Гюми;

Небеса горятъ багрянцемъ,
Воды блещутъ алой краской!
Нѣтъ, то плаваетъ фламинго,
Въ волны красныя ныряя;
Къ небесамъ простеръ онъ крылья
И окрасилъ волны кровью!

Огонекъ Звѣзды Вечерней
Таетъ, въ пурпурѣ трепещетъ,
Въ полумглѣ виситъ надъ моремъ.
Нѣтъ, то вмпумъ серебрится
На груди Владыки Жизни,
То Великій Духъ проходитъ
Надъ темнѣющимъ закатомъ!

На закатъ смотрѣлъ съ восторгомъ
Долго, долго старый Ягу;
Вдругъ воскликнулъ: „Посмотрите!
Посмотрите на священный
Огонекъ Звѣзды Вечерней!
Вы услышите сказанье
О волшебникѣ Оссэо,
Что сошелъ съ Звѣзды Вечерней!

„Въ незапамятные годы,
Въ дни, когда еще для смертныхъ
Небеса и сами боги
Были ближе и доступнѣй,
Жилъ на сѣверѣ охотникъ
Съ молодыми дочерями;
Десять было ихъ, красавицъ,
Стройныхъ, гибкихъ, словно ива,
Но прекраснѣй всѣхъ межъ ними
Овини была, меньшая.

„Вышли дѣвушки всѣ замужъ,
Всѣ за воиновъ отважныхъ,
Овини одна не скоро
Жениха себѣ сыскала.
Своеправна и сурова,
Молчалива и печальна
Овини была—и долго
Жениховъ, красавцевъ юныхъ,
Прогоняла прочь съ насмѣшкой,

А потомъ взяла да вышла
За убогаго Оссэо!
Нищій, старый, безобразный,
Вѣчно кашлялъ онъ, какъ бѣлка.

„Ахъ, но сердце у Оссэо
Было юнымъ и прекраснымъ!
Онъ сошелъ съ Звѣзды Заката,
Онъ былъ сынъ Звѣзды Вечерней,
Сынъ Звѣзды любви и страсти!
И огонь ея, и чары,
И краса, и блескъ лучистый—
Все въ груди его таилось,
Все въ рѣчахъ его сверкало!

„Женихи, любовь которыхъ
Овини отвергла гордо,—
Йенадиззи въ ожерельяхъ,
Въ пышныхъ перьяхъ, яркихъ краскахъ,
Насмѣхались надъ нею;
Но она имъ такъ сказала:
„Что за дѣло мнѣ до вашихъ
Ожерелій, красокъ, перьевъ
И насмѣшекъ непристойныхъ!
Я счастлива за Оссэо!“

„Разъ въ ненастный, темный вечеръ
Шли веселою толпою
На веселый праздникъ сестры,—
Шли на званый пиръ съ мужьями;
Тихо слѣдовалъ за ними
Съ молодой женой Оссэо.
Всѣ шутили и смѣялись—
Эти двое шли въ молчаньи.

„На закатъ смотрѣлъ Оссэо,
Взоръ поднявъ, какъ бы съ мольбою;
Отставалъ, смотрѣлъ съ мольбою
На Звѣзду любви и страсти,
На трепещущій и нѣжный
Огонекъ Звѣзды Вечерней;
И разслышали всѣ сестры,
Какъ шепталъ Оссэо тихо:
„Ахъ, шовэнъ нэмэшинъ, Поза!—
Сжался, сжался, о, отецъ мой!“

„Слышишь?—старшая сказала,—
Онъ отца о чемъ-то просить!
Право, жаль, что старикашка
Не споткнется на дорогѣ,
Головы себѣ не сломить!“
И смѣялись сестры злобно
Непристойнымъ, громкимъ смѣхомъ.

„На пути ихъ, въ дебряхъ лѣса,
Дубъ лежалъ, погибшій въ бурю,
Дубъ-гигантъ, покрытый мохомъ,
Полусгнившій подъ листвою,
Почернѣвшій и дуплистый.
Увидавъ его, Оссэо
Испустилъ вдругъ крикъ тоскливый
И въ дупло, какъ въ яму, прыгнулъ.
Старымъ, дряхлымъ, безобразнымъ
Онъ упалъ въ него, а вышелъ —
Сильнымъ, стройнымъ и высокимъ,
Статнымъ юношей, красавцемъ!

„Такъ вернулася къ Оссэо
Красота его и юность;
Но,—увы,—за нимъ мгновенно
Овини преобразилась!
Стала древнею старухой,
Дряхлой, жалкою старухой,
Поплелась съ клюкой, согнувшись.
И смѣялись всѣ надъ нею
Непристойнымъ, громкимъ смѣхомъ.

„Но Оссэо не смѣялся,
Овини онъ не покинулъ,
Нѣжно взялъ ея сухую
Руку—темную, въ морщинахъ,
Какъ дубовый листъ зимою,
Называлъ своею милой,
Милымъ другомъ, Нинимуша,
И пришелъ съ ней къ мѣсту пира,
Сѣлъ за трапезу въ вигвамѣ.
Тотъ вигвамъ въ лѣсу построенъ
Въ честь святой Звѣзды Заката.

„Очарованный мечтами,
На пиру сидѣлъ Оссэо;

Всѣ шутили, веселились,
Но печалень былъ Оссэо!
Не притронулся онъ къ пищѣ,
Не сказалъ ни съ кѣмъ ни слова,
Не слыхалъ рѣчей веселыхъ;
Лишь смотрѣлъ съ тоской во взорѣ
То на Овини, то кверху,
На сверкающія звѣзды.

„И пронесся тихій шопоть,
Тихій голосъ, зазвучавшій
Изъ воздушнаго пространства,
Отъ далекихъ звѣздъ небесныхъ.
Мелодично, смутно, нѣжно
Говорилъ онъ: „О, Оссэо!
О, возлюбленный, о, сынъ мой!
Тяготѣли надъ тобою
Чары злобы, темной силы,
Но разрушены тѣ чары;
Встань, прійди ко мнѣ, Оссэо!

„Яствъ отвѣдай этихъ дивныхъ,
Яствъ вкуси благословенныхъ,
Что стоятъ передъ тобою;
Въ нихъ волшебная есть сила:
Ихъ вкусивъ, ты станешь духомъ;
Всѣ твои котлы и блюда
Не простой посудой будутъ:
Серебромъ котлы заблещутъ,
Блюда—въ вампумъ превратятся.
Будутъ всѣ огнемъ свѣтиться,
Блескомъ раковинъ пурпурныхъ.

„И спадетъ проклятье съ женщинъ,
Иго тягостной работы:
Въ птицъ онѣ всѣ превратятся,
Засіяютъ звѣзднымъ свѣтомъ,
Яркимъ отблескомъ заката
На вечернихъ нѣжныхъ тучкахъ“.

„Такъ сказалъ небесный голосъ;
Но слова его понятны
Были только для Оссэо,
Остальнымъ же онъ казался
Грустнымъ шѣптомъ Вавонѣйсы,

Пѣнѣмъ птицъ во мракѣ лѣса;
Въ отдаленныхъ чащахъ лѣса.

„Вдругъ жилище задрожало,
Зашаталось, задрожало,
И почувствовали гости,
Что возносятся на воздухъ!
Въ небеса, къ далекимъ звѣздамъ,
Въ темнотѣ вѣтвистыхъ сосенъ,
Плыль вигвамъ, минуя вѣтви,
Миновалъ—и вотъ всѣ блюда
Засіяли алой краской,
Всѣ котлы изъ сизой глины—
Въ мигъ серебряными стали,
Всѣ шесты вигвама ярко
Засверкали въ звѣздномъ свѣтѣ,
Какъ серебряные прутья,
А его простая кровля—
Какъ жуковъ блестящихъ крылья.

„Поглядѣлъ кругомъ Оссэо
И увидѣлъ, что и сестры,
И мужья сестеръ-красавицъ
Въ разныхъ птицъ всѣ превратились:
Были тутъ скворцы съ дроздами,
Были сойки и сороки,
И всѣ прыгали, порхали,
Охорашивались, пѣли,
Щеголяли блескомъ перьевъ,
Распускали хвостъ, какъ вѣеръ.

„Только Овини осталась
Дряхлой, жалкою старухой
И въ тоскѣ сидѣла молча.
Но, взглянувши вверхъ, Оссэо
Испустилъ вдругъ крикъ тоскливый,
Вопль отчаянья, какъ прежде,
Надъ дуплистымъ старымъ дубомъ,
И мгновенно къ ней вернулась
Красота ея и юность;
Всѣ ея лохмотья стали
Бѣлымъ мѣхомъ горноста, —
А клюка—перомъ блестящимъ,
Да, серебрянымъ, блестящимъ!

„И опять вигвамъ поднялся,
Въ облакахъ поплыль прозрачныхъ,
По воздушному теченью,
И присталъ къ Звѣздѣ Вечерней,—
На звѣзду спустился тихо,
Какъ снѣжинка на снѣжинку,
Какъ листокъ на волны рѣчки,
Какъ пушокъ репейный въ воду.

„Тамъ съ привѣтливой улыбкой
Вышелъ къ нимъ отецъ Оссэо,
Старецъ съ кроткимъ, яснымъ взоромъ,
Съ серебристыми кудрями,
И сказалъ: „Повѣсь, Оссэо,
Клѣтку съ птицами своими,
Клѣтку съ пестрой птичьей стаей,
У дверей въ моемъ вигвамѣ!“

„У дверей повѣсивъ клѣтку,
Онъ вошелъ въ вигвамъ съ женою,
И тогда отецъ Оссэо,
Властелинъ Звѣзды Вѣчерней,
Имъ сказалъ: „О, мой Оссэо!
Я мольбы твои услышалъ,
Возвратилъ тебѣ, Оссэо,
Красоту твою и юность,
Превратилъ сестеръ съ мужьями
Въ разноперыхъ птицъ за шутки,
За насмѣшки надъ тобою.
Не сумѣлъ никто межъ ними
Оцѣнить въ убогомъ старцѣ,
Въ жалкомъ образѣ калѣки
Сердца пылкаго Оссэо,
Сердца вѣчно-молодого.
Только Овини сумѣла
Оцѣнить тебя, Оссэо!“

„Тамъ, на звѣздочкѣ, что свѣтитъ
Отъ Звѣзды Вечерней влѣво,
Чародѣй живетъ, Вэбино,
Духъ и зависти и злобы;
Превратилъ тебя онъ въ старца.
Берегись лучей Вэбино:
Въ нихъ волшебная есть сила,—
Это стрѣлы чародѣя!“

„Долго, въ мирѣ и согласѣ,
На Звѣздѣ Вечерней мирной
Жилъ съ отцомъ своимъ Оссэо;
Долго въ клѣткѣ надъ вигвамомъ
Птицы пѣли и порхали
На серебряныхъ шесточкахъ,
И супруга молодая
Родила Оссэо сына:
Въ мать онъ вышелъ красотою,
А въ отца—дороднымъ видомъ:

„Мальчикъ росъ, мужалъ съ лѣтами,
И отецъ, ему въ утѣху,
Сдѣлалъ лукъ и стрѣлъ падѣлалъ,
Отворилъ большую клѣтку
И пустилъ всѣхъ птицъ на волю,
Чтобъ, стрѣлая въ тетокъ, въ дядей,
Позабавился малютка.

„Тамъ и сямъ онъ кружились,
Наполняя воздухъ звонкимъ
Пѣньемъ счастья и свободы,
Блескомъ перьевъ разноцвѣтныхъ;
Но натягъ свой лукъ упругій,
Запустилъ стрѣлу изъ лука
Мальчикъ, маленькій охотникъ—
И упала съ вѣтки птичка,
Въ яркихъ перышкахъ, на землю,
На смерть раненая въ сердце.

„Но—о, чудо!—ужъ не птицу
Видитъ онъ передъ собою,
А красавицу младую
Съ роковой стрѣлою въ сердцѣ!

„Кровь ся едва упала
На священную планету,
Какъ разрушился чары,
И стрѣлокъ отважный, юный
Вдругъ почувствовалъ, что кто-то,
По воздушному пространству,
Въ облакахъ его спускаетъ
На зеленый, зланный островъ
Посреди Большого Моря.

„Вслѣдъ за нимъ блестящей стаей
Птицы падали, летѣли,
Какъ осеннею порою
Листья падаютъ, пестрѣя;
А за птицами спустился
И вигвамъ съ блестящей кровлей,
На серебряныхъ стропилахъ,
И принесъ съ собою Оссэо,
Овини принесъ съ собою.

„Вновь тутъ птицы превратились,
Получили образъ смертныхъ,
Образъ смертныхъ, но не ростъ ихъ:
Всѣ Пигмеями остались,
Да, Пигмеями—Покъ-Вѣджисъ,
И на островѣ скалистомъ,
На его прибрежныхъ меляхъ
И донынѣ хороводы
Водятъ лѣтними ночами,
Подъ Вечернею Звѣздою.

„Это ихъ чертогъ блестящій
Виденъ въ тихій лѣтній вечеръ;
Рыбаки съ побережья часто
Слышатъ ихъ веселый говоръ,
Видятъ танцы въ звѣздномъ свѣтѣ“.

Кончивъ свой рассказъ чудесный,
Кончивъ сказку, старый Ягу
Всѣхъ гостей обвелъ глазами
И торжественно промолвилъ:
„Есть возвышенныя души,
Есть непонятые люди!
Я знавалъ такихъ немало.
Зубоскалы ихъ нерѣдко
Даже на-смѣхъ поднимаютъ,
Но насмѣшники должны бы
Чаще думать объ Оссэо!“

Очарованные гости
Повѣсть слушали съ восторгомъ
И рассказчика хвалили,
Но шептались другъ съ другомъ:
„Неужель Оссэо—Ягу,
Мы же—тетушки и дяди?“

Послѣ снова Чайбайабось
Пѣлъ имъ пѣснь любви-томленья
Пѣлъ имъ нѣжно, сладкозвучно
И съ задумчивой печалью
Пѣсню дѣвушки, скорбящей
Объ Алгонкинѣ, о миломъ.

„Горе мнѣ, когда о миломъ,
Ахъ, о миломъ я мечтаю,
Все о немъ томлюсь-тоскую,
Объ Алгонкинѣ, о миломъ!

„Ахъ, когда мы разставались,
Онъ на память далъ мнѣ вампумъ,
Бѣлоснѣжный далъ мнѣ вампумъ,
Мой возлюбленный, Алгонкинъ!

„Я пойду съ тобой,—шепталъ онъ,—
Ахъ, въ твою страну родную;
О, позволь мнѣ,—прошепталъ онъ,
Мой возлюбленный, Алгонкинъ!

„Далеко,—я отвѣчала,
Далеко,—я прошептала,
Ахъ, страна моя родная,
Мой возлюбленный, Алгонкинъ!

„Обернувшись, я глядѣла,
На него съ тоской глядѣла,
И въ мои глядѣлъ онъ очи,
Мой возлюбленный, Алгонкинъ!

„Онъ одинъ стоялъ подъ ивой,
Подъ густой плакучей ивой,
Что роняла слезы въ воду,
Мой возлюбленный, Алгонкинъ!

„Горе мнѣ, когда о миломъ,
Ахъ, о миломъ я мечтаю,
Все о немъ томлюсь-тоскую,
Объ Алгонкинѣ, о миломъ!“

Вотъ какъ праздновали свадьбу!
Вотъ какъ пиръ увеселяли
По-Шокъ-Кивисъ—бурной пляской,
Ягу—сказкою волшебной,
Чайбайабось—нѣжной пѣсней.

Съ пѣсней кончился и праздникъ,
Разошлись со свадьбы гости
И оставили счастливыхъ
Гайавату съ Миннегагой
Подъ покровомъ темной ночи.

ХІІІ.

БЛАГОСЛОВЕНІЕ ПОЛЕЙ.

Пой, о, пѣснь о Гайаватѣ,
Пой дни радости и счастья,
Безмятежные дни мира
На землѣ Оджибуэевъ!
Пой таинственный Мондаминъ,
Пой полей благословенье!

Погребенъ топоръ кровавый,
Погребенъ навѣки въ землю
Тяжкій, грозный томагаукъ;
Позабыты клики битвы,—
Миръ насталъ среди народовъ.
Мирно могъ теперь охотникъ
Строить бѣлую пирѣгу,
На бобровъ капканы ставить
И ловить сѣтями рыбу;
Мирно женщины трудились:
Гнали сладкій сокъ изъ клена,
Дикій рисъ въ лугахъ собирали
И выдѣлывали кожи.

Вкругъ счастливаго селенья
Зеленѣли пышно нивы,—
Вырасталъ Мондаминъ стройный
Въ глянцевитыхъ длинныхъ перьяхъ,
Въ золотистыхъ мягкихъ косахъ.
Это женщины весною
Обрабатывали нивы,—
Хоронили въ землю майсъ
На равнинахъ плодородныхъ;
Это женщины подъ осень
Желтый плащъ съ него срывали,
Обрывали косы, перья,
Какъ училъ ихъ Гайавата.

Разъ, когда посѣвъ былъ конченъ,
Разсудительный и мудрый
Гайавата обратился
Къ Миннегагѣ и сказалъ ей:
„Ты должна сегодня ночью
Дать полямъ благословенье;
Ты должна волшебнымъ кругомъ
Обвести свои посѣвы,
Чтобъ ничто имъ не вредило,
Чтобъ никто ихъ не коснулся!

„Въ часъ ночной, когда все тихо,
Въ часъ, когда все тьмой покрыто,
Въ часъ, когда Духъ Сна, Нэпавинъ,
Затворяетъ всѣ вигвамы,
И ничье не слышитъ ухо,
И ничье не видитъ око,—
Съ ложа встань ты осторожно,
Всѣ сними съ себя одежды,
Обойди свои посѣвы,
Обойди кругомъ всѣ пивы,
Только косами прикрыта,
Только тьмой ночной одѣта.

„И обильнѣй будетъ жатва;
Отъ слѣдовъ твоихъ на нивѣ
Кругъ останется волшебный,
И тогда ни ржа, ни черви,
Ни стрекозы, Куо-ни-ши,
Ни тарантуль, Соббикаши,
Ни кузнечикъ, Па-покъ-кина,
Ни могучій Вэ-мокъ-квана,
Царь всѣхъ гусеницъ мохнатыхъ,
Никогда не переступятъ
Кругъ священный и волшебный!“

Такъ промолвилъ Гайавата;
А воронъ голодныхъ стая,
Жадный Кагаги, Царь-Воронъ,
Съ шайкой черныхъ мародеровъ,
Отдыхали въ ближней рощѣ
И смѣялись такъ, что сосны
Содрогались отъ смѣха,
Отъ злобщаго ихъ смѣха
Надъ словами Гайаваты.

„Ахъ, мудрецъ, ахъ, заговорщикъ!“—
Говорили птицы громко.

Вотъ простерлась ночь нѣмая
Надъ полями и лѣсами;
Вотъ и скорбный Вавонэйса
Въ темнотѣ запѣлъ тоскливо,
Притворилъ Духъ Сна, Нэпавинтъ,
Двери каждаго вигвама,
И во мракѣ Миннегага
Поднялась безмолвно съ ложа;
Всѣ сняла она одежды
И, окутанная тьмою,
Безъ смущенья и безъ страха,
Обошла свои посѣвы.
Начертала по равнинѣ
Кругъ волшебный и священный.

Только Полночь созерцала
Красоту ея во мракѣ;
Только смолкшій Вавонэйса
Слышалъ тихое дыханье,
Трепетъ сердца Миннегаги;
Плотнo мантией священной
Ночи мракъ ее окуталъ,
Чтобъ никто не могъ хвастливо
Говорить: „Ее я видѣлъ!“

На зарѣ, лишь день забрезжилъ,
Кагаги, Царь-Воронъ, скликалъ
Шайку черныхъ мародеровъ—
Всѣхъ дроздовъ, воронъ и соекъ,
Что шумѣли на деревьяхъ,
И безстрашно устремился
На посѣвы Гайаваты,
На зеленую могилу,
Гдѣ покоился Мондаминтъ.

„Мы Мондамина подыдемъ
Изъ его могилы тѣсной!—
Говорили мародеры:—
Намъ не страшенъ слѣдъ священный,
Намъ не страшенъ кругъ волшебный,
Обведенный Миннегагой!“

Но разумный Гайавата
Все предвидѣлъ, все обдумалъ:
Слышалъ онъ, какъ издѣвались
Надъ его словами птицы.
„Ко, друзья мои,—сказалъ онъ,—
Ко, мой Кагаги, Царь-Воронъ!
Ты съ своею шайкой долго
Будешь помнить Гайавату!“

Онъ проснулся до разсвѣта,
Онъ для черныхъ мародеровъ
Весь посѣвъ покрылъ сѣтями,
Самъ же легъ въ сосновой роуцѣ,
Сталъ въ засадѣ терпѣливо
Поджидать воронъ и соекъ,
Поджидать дроздовъ и галокъ.

Вскорѣ птицами все поле
Запестрѣло и покрылось;
Дикой, шумною ватагой,
Съ крикомъ, карканьемъ нестройнымъ.
Принялись онѣ за дѣло;
Но, при всемъ своемъ лукавствѣ,
Осторожности и знаньи
Разныхъ хитростей военныхъ,
Не замѣтили, что скрыта
Недалеко ихъ гибель,
И нежданно очутились
Всѣ въ тенетахъ Гайаваты.

Грозно всталъ тогда онъ съ мѣста,
Грозно вышелъ изъ засады—
И объялъ великій ужасъ
Даже самыхъ храбрыхъ плѣнныхъ!
Безъ пощады истреблялъ онъ
Ихъ паправо и налѣво,
И десятками ихъ трупы
На шестахъ высокихъ вѣшалъ
Вкругъ посѣвовъ освященныхъ,
Въ знакъ своей кровавой мести!

Только Кагаги, Царь-Воронъ,
Предводитель мародеровъ,
Пощаженъ былъ Гайаватой
И заложникомъ оставленъ.

Онъ понесъ его къ вигваму
И веревкою изъ вяза,—
Боевой веревкой плѣнныхъ,
Привязалъ его на кровлѣ.

„Кагаги, тебя,—сказалъ онъ,—
Какъ зачинщика разбоя,
Предводителя злодѣевъ,
Оскорбившихъ Гайавату,
Я заложникомъ оставлю:
Ты порукою мнѣ будешь,
Что враги мои смирятся!“

И остался черный плѣнный
Надъ вигвамомъ Гайаваты;
Злобно хмурился онъ, сидя
Въ блескѣ утренняго солнца,
Дико каркалъ онъ съ досады,
Хлопалъ крыльями большими,—
Тщетно рвался на свободу,
Тщетно звалъ друзей на помощь.

Лѣто шло, и Шавондази
Посылалъ, вздыхая страстно,
Изъ полдневныхъ странъ на сѣверъ
Нѣгу пламенныхъ лобзаній.
Росъ и зрѣлъ на солнцѣ майсь
И во всемъ великолѣпѣ,
Наконецъ, предсталъ на нивахъ:
Нарядился въ кисти, въ перья,
Въ разноцвѣтныя одежды;
А блестящіе початки
Налилися сладкимъ сокомъ,
Засверкали изъ подсохшихъ,
Разорвавшихся покрововъ.

И сказала Миннегагъ
Престарѣлая Нокомисъ;
„Вотъ и Мѣсяцъ Листопада!
Дикій рисъ въ лугахъ ужъ собранъ,
И готовъ къ уборкѣ майсь;
Время намъ итти на пивы—
И съ Моцдампомъ бороться—
Снять съ него всѣ перья, кисти,
Спать парадъ зелено-желтый!“

И сейчасъ же Миннегага
Вышла весело изъ дома
Съ престарѣлою Нокомистъ,
И онѣ созвали женщинъ,
Молодежь къ себѣ созвали,
Чтобъ собирать созрѣвшій маисъ,
Чтобъ лущить его початки.

Подъ душистой тѣнью сосенъ,
На травѣ лѣсной опушки
Старцы, войны сидѣли
И, покуривая трубки,
Важно, молча любовались
На веселую работу
Молодыхъ людей и женщинъ,
Важно слушали въ молчаньи
Шумный говоръ, смѣхъ и пѣнье:
Какъ Опечи на вигвамѣ,
Пѣли дѣвушки на нивѣ,
Какъ сороки, стрекотали
И смѣялись, точно сойки.

Если дѣвушкѣ счастливой
Попадался очень спѣлый,
Весь пурпуровый початокъ,
„Нэшка!—всѣ кругомъ кричали:—
Ты счастливица,—ты скоро
За красавца замужъ выйдешь!“
„Угъ!“—согласно отзывались
Изъ-подъ темныхъ сосенъ старцы.

Если жъ кто-нибудь на нивѣ
Находилъ кривой початокъ,
Вялый, ржавчиной покрытый,
Всѣ смѣялись, пѣли хоромъ,
Шли, хромя и согнувшись,
Точно дряхлый старикашка,
Шли и громко пѣли хоромъ:
„Вагэминъ, степной воришка,
Пэмосэдъ, ночной грабитель!“

И звенѣло поле смѣхомъ;
А на кровлѣ Гайаваты
Каркалъ Кагаги, Царь-Воронъ,
Бился въ ярости безсильной.

И на всѣхъ сосѣднихъ еляхъ
Раздавались, не смолкая,
Крики черныхъ мародеровъ.
„Угь!“—съ улыбкой отзывались
Изъ-подъ темныхъ сосенъ старцы.

XIV.

П И С Ь М Е Н А.

„Посмотри, какъ быстро въ жизни
Все забвенье поглощаетъ!
Блекнуть славныя преданья,
Блекнуть подвиги героевъ;
Гибнуть знанья и искусство
Мудрыхъ Мидовъ и Вэбиновъ,
Гибнуть дивныя видѣнья,
Грезы вѣщихъ Джосакидовъ!

„Память о великихъ людяхъ
Умираетъ вмѣстѣ съ ними;
Мудрость нашихъ дней исчезнетъ,
Не достигнетъ до потомства,
Къ поколѣньямъ, что сокрыты
Въ тьмѣ таинственной, великой
Дней безгласныхъ, дней грядущихъ.

„На гробницахъ нашихъ предковъ
Нѣтъ ни знаковъ ни рисунковъ.
Кто въ могилахъ—мы не знаемъ,
Знаемъ только—наши предки;
Но какой ихъ родъ иль племя,
Но какой ихъ древній Тотэмъ—
Бобръ, Орель, Медвѣдь—не знаемъ;
Знаемъ только: „это предки“.

„При свиданьи—съ глазу на глазъ
Мы ведемъ свои бесѣды;
Но, разставшись, мы ввѣряемъ
Наши тайны тѣмъ, которыхъ
Посылаемъ мы другъ къ другу;
А посланники нерѣдко
Искажаютъ наши вѣсти
Иль другимъ ихъ открываютъ“.

Такъ сказалъ себѣ однажды
Гайавата, размышляя
О родномъ своемъ народѣ
И бродя въ лѣсу пустынномъ.

Изъ мѣшка онъ вынулъ краски,
Всѣхъ цвѣтовъ онъ вынулъ краски
И на гладкой на берестѣ
Много сдѣлалъ тайныхъ знаковъ,
Дивныхъ и фигуръ и знаковъ;
Всѣ они изображали
Наши мысли, наши рѣчи.

Гитчи Манито Могучій
Какъ яйцо былъ нарисованъ;
Выдающіяся точки
На яйцѣ—обозначали
Всѣ четыре вѣтра неба.
„Вездѣсущъ Владыка Жизни“—
Вотъ что значилъ этотъ символъ.

Митчи Манито Могучій,
Властелинъ всѣхъ Духовъ Злобы,
Былъ представленъ на рисункѣ,
Какъ великій змѣй, Кинэбикъ.
„Пресмыкается Духъ Злобы,
Но лукавъ и изворотливъ“—
Вотъ что значилъ этотъ символъ.

Бѣлый кругъ былъ знакомъ жизни,
Черный кругъ былъ знакомъ смерти;
Дальше шли изображенья
Неба, звѣздъ, луны и солнца,
Водъ, лѣсовъ и горныхъ высей,
И всего, что населяетъ
Землю вмѣстѣ съ человѣкомъ.

Для земли нарисовалъ онъ
Краской линію прямую,
Для небесъ—дугу надъ нею,
Для восхода—точку слѣва,
Для заката—точку справа,
А для полдня—на вершинѣ.
Все пространство подъ дугою
Бѣлый день обозначало,

Звѣзды въ центрѣ—время ночи,
А волнистыя полосы—
Тучи, дождь и непогоду.

Слѣдъ, направленный къ вигваму,
Быль эмблемой приглашенья,
Знакомъ дружескаго пира;
Окровавленные руки,
Грозно поднятыя кверху—
Знакомъ гнѣва и угрозы.

Кончивъ трудъ свой, Гайавата
Показалъ его народу,
Разъяснилъ его значенье
И промолвилъ: „Посмотрите!
На могилахъ вашихъ предковъ
Нѣтъ ни символовъ ни знаковъ.
Такъ пойдите, нарисуйте
Каждый—свой домашній символъ,
Древній прадѣдовскій Тотэмъ,
Чтобъ грядущимъ поколѣньямъ
Можно было различать ихъ“.

И на столбикахъ могильныхъ
Всѣ тогда нарисовали
Каждый—свой фамильный Тотэмъ,
Каждый—свой домашній символъ:
Журавля, Бобра, Медвѣдя,
Черепашу иль Оленя.
Это было указаньемъ,
Что подъ столбикомъ могильнымъ
Погребенъ начальникъ рода.

А пророки, Джосакиды,
Заклинатели, Вэбины,
И врачи недуговъ, Миды,
Начертали на берестѣ
И на кожѣ много страшныхъ,
Много яркихъ, разноцвѣтныхъ
И таинственныхъ рисунковъ
Для своихъ волшебныхъ гимновъ:
Каждый былъ съ глубокимъ смысломъ,
Каждый символомъ былъ пѣсни.

Вотъ Великій Духъ, Создатель,
Озаряетъ свѣтомъ небо;

Вотъ Великій Змѣй, Кинэбикъ,
Приподнявъ кровавый гребень,
Извиваясь, смотритъ въ небо;
Вотъ журавль, орелъ и филинъ
Рядомъ съ вѣщимъ пеликаномъ;
Вотъ идущіе по небу
Обезглавленные люди
И пронзенные стрѣлами
Трупы воиновъ могучихъ;
Вотъ поднявшіяся грозно
Руки смерти въ пятнахъ крови
И могилы, и герои,
Захватившіе въ объятья
Небеса и землю разомъ!

Таковы рисунки были
На корѣ и ланьей кожѣ;
Пѣсни битвы и охоты,
Пѣсни Мидовъ и Вэбиновъ—
Все имѣло свой рисунокъ!
Каждый былъ съ глубокимъ смысломъ,
Каждый символомъ былъ пѣсни.

Пѣснь любви, которой чары
Всѣхъ врачебныхъ средствъ сильнѣе
И сильнѣе заклинаній,
И опаснѣй всякой битвы,
Не была забыта тоже.
Вотъ какъ въ символахъ и знакахъ
Пѣснь любви изображалась:

Нарисованъ очень ярко
Человѣкъ багряной краской—
Музыкантъ, любовникъ пылкій.
Смыслъ таковъ: „Я обладаю
Дивной властью надо всѣми!“

Дальше—онъ поетъ, играя
На волшебномъ барабанѣ,
Что должно сказать: „Внемли мнѣ!
Это мой ты слышишь голосъ!“

Дальше—эта же фигура,
Но подъ кровлею вигвама.
Смыслъ таковъ: „Я буду съ милой.
Нѣтъ преградъ для пылкой страсти!“

Дальше—женщина съ мужчиной,
Стоя рядомъ, крѣпко сжали
Руки съ нѣжностью другъ другу.
„Все твое я вижу сердце
И румянецъ твой стыдливый!“—
Вотъ что значилъ символъ этотъ.

Дальше—дѣвушка средь моря,
На клочкѣ земли, средь моря;
Нѣсня этого рисунка
Такова: „Пусть ты далеко!
Пусть насъ море раздѣляетъ!
Но любви моей и страсти
Надъ тобой всеильны чары!“

Дальше—юноша влюбленный
Къ спящей дѣвукѣ склонился
И, склонившись, тихо шепчетъ,
Говорить: „Хоть ты далеко,
Въ царствѣ Сна, въ странѣ Молчанья,
Но любви ты слышишь голосъ!“

А послѣдняя фигура—
Сердце въ самой серединѣ
Заколдованнаго круга.
„Вся душа твоя и сердце
Предо мной теперь открыты!“—
Вотъ что значилъ символъ этотъ.

Такъ, въ своихъ заботахъ мудрыхъ
О народѣ, Гайавата
Научилъ его искусству
И письма и рисованья
На берестѣ глянцевитой,
На оленьей бѣлой кожѣ
И на столбикахъ могильныхъ.

XV.

ПЛАЧЪ ГАЙАВАТЫ.

Видя мудрость Гайаваты,
Видя, какъ онъ неизмѣнно
Съ Чайбайабосомъ былъ друженъ,

Злые духи устрашились
Ихъ стремленій благородныхъ
И, собравшись, заключили
Противъ нихъ союзъ коварный.

Осторожный Гайавата
Говорилъ нерѣдко другу:
„Братъ мой, будь всегда со мною!
Духовъ Злыхъ остерегайся!“
Но безпечный Чайбайабосъ
Только встряхивалъ кудрями,
Только нѣжно улыбался.
„О, не бойся, братъ мой милый!
Надо мной безсильны Духи!“—
Отвѣчалъ онъ Гайаватѣ.

Разъ, когда зима покрыла
Синимъ льдомъ Большое Море,
И мятель, кружась, шипѣла
Въ почернѣвшихъ листьяхъ дуба,
Осыпала снѣгомъ ели,
И въ снѣгу онѣ стояли,
Точно бѣлые вигвамы,—
Взявши лукъ, надѣвши лыжи,
Не внимая просьбамъ брата,
Не страшась коварныхъ Духовъ,
Смѣло вышелъ Чайбайабосъ
На охоту за оленемъ.

Какъ стрѣла, олень рогатый
По Большому Морю мчался;
Съ вѣтромъ, снѣгомъ, словно буря,
Онъ преслѣдовалъ оленя,
Позабывъ въ пылу охоты
Всѣ совѣты Гайаваты.

А въ водѣ сидѣли Духи,
Стерегли его въ засадѣ,
Подломили ледъ коварный,
Увлекли пѣвца въ пучину,
Погребли въ пескахъ подводныхъ.
Энктаги, владыка моря,
Вѣроломный богъ Дакотовъ,
Утопилъ его въ студеной,
Зыбкой безднѣ Гитчи-Гюми.

И съ прибрежья Гайавата
Испустиль такой ужасный
Крикъ отчаянья, что волки
На лугахъ завyli въ страхъ,
Встрепенулися бизоны,
А въ горахъ раскаты грома
Эхомъ грянули: „Бэмъ-Вава!“.

Черной краской лобъ покрыль онъ,
Плащъ на голову накинулъ
И въ вигвамъ, полный скорби,
Семь недѣль сидѣлъ и плакалъ,
Однозвучно повторяя:

„Онъ погибъ, онъ умеръ, нѣжный,
Сладкогласный Чайбайабось!
Онъ покинулъ насъ навѣки,
Онъ ушелъ въ страну, гдѣ льются
Неземныя пѣснопѣнья!
О, мой братъ! О, Чайбайабось!“

И задумчивыя пихты
Тихо вѣяли своими
Опахалами изъ хвои,
Изъ зеленой, темной хвои,
Надъ печальнымъ Гайаватой;
И вздыхали, и скорбѣли,
Утѣшая Гайавату.

И весна пришла, и рощи
Долго-долго поджидали,
Не придетъ ли Чайбайабось?
И вздыхалъ тростникъ въ долинѣ,
И вздыхалъ съ нимъ Сибовиша.

На деревьяхъ пѣлъ Овейса,
Пѣлъ Овейса синеперый:
„Чайбайабось! Чайбайабось!
Онъ покинулъ насъ навѣки!“

Опечи пѣлъ на вигвамъ,
Опечи пѣлъ красногрудый:
„Чайбайабось! Чайбайабось!
Онъ покинулъ насъ навѣки!“

А въ лѣсу, во мракѣ ночи,
Раздавался заунывный,
Скорбный голосъ Вавонэйсы;
„Чайбайабось! Чайбайабось!
Онъ покинулъ насъ навѣки,
Сладкогласный Чайбайабось!“

Собрались тогда всѣ Миды,
Джосакиды и Вэбины,
И, построивъ въ чащѣ лѣса,
Близъ вигвама Гайаваты,
Свой пріютъ—Вигвамъ Священный,
Важно, медленно и молча
Всѣ пошли за Гайаватой,
Взявъ съ собой мѣшки и сумки,—
Кожи выдръ, бобровъ и рысей,
Гдѣ хранились корни, травы,
Исцѣлявшіе недуги.

Услыхавъ ихъ приближеніе,
Пересталъ взывать онъ къ другу,
Пересталъ стенать и плакать,
Не промолвилъ имъ ни слова,
Только плащъ съ лица откинулъ,
Смылъ съ лица печали краску,
Смылъ въ молчаніи глубокомъ
И къ Священному Вигваму,
Какъ во снѣ, пошелъ за ними.

Тамъ его поили зельемъ,
Наколдованнымъ настоемъ
Изъ корней и травъ цѣлебныхъ:
Нама-Вэскъ—зеленой мяты
И Вэбино-Вэскъ—сурѣпки,
Тамъ надъ нимъ забили въ бубны
И запѣли заклинанья,
Гимнъ таинственный запѣли:

„Вотъ я самъ, я самъ съ тобою,
Я, Сѣдой Орелъ могучій!
Собирайтесь и внимайте,
Бѣлоперыя вороны!
Гулкій громъ мнѣ помогаетъ,
Духъ незримый помогаетъ,

Слышу всюду ихъ призывы,
Голоса ихъ слышу въ небѣ!
Братъ мой! Встань, исполнись силы,
Исцѣлись, о, Гайавата!“

„Ги-о-га!“—весь хоръ отвѣтилъ,
„Вэ-га-вэ!“—весь хоръ волшебный.

„Всѣ друзья мои—всѣ змѣи!
Слушай—кожей соколиной
Я тряхну надъ головою!
Мангъ, нырокъ, тебя убью я,
Прострѣлю стрѣлою сердце!
Братъ мой! Встань, исполнись силы,
Исцѣлись, о, Гайавата!“

„Ги-о-га!“—весь хоръ отвѣтилъ,
„Вэ-га-вэ!“—весь хоръ волшебный.

„Вотъ я, вотъ пророкъ великій!
Говорю—и сѣю ужасъ,
Говорю—и весь трепещетъ
Мой вигвамъ, Вигвамъ Священный!
А иду—сводъ неба гнется,
Содрогаясь подо мною!
Братъ мой! Встань, исполнись силы,
Говори, о, Гайавата!“

„Ги-о-га!“—весь хоръ отвѣтилъ,
„Вэ-га-вэ!“—весь хоръ волшебный.

И, мѣшками потрясая,
Танцовали танецъ Мидовъ
Вкругъ больного Гайаваты,—
И вскочилъ онъ, вострепенулся,
Исцѣлился отъ недуга,
Отъ безумья лютой скорби!
Какъ уходитъ ледъ весною,
Миновали дни печали,
Какъ уходятъ съ неба тучи,
Думы черныя сокрылись.

Послѣ къ другу Гайаваты,
Къ Чайбайабосу вzywали,
Чтобъ возсталъ онъ изъ могилы,
Изъ песковъ Большого Моря,

И настолько властны были
Заклинанья и призывы,
Что услышалъ Чайбайабось
Ихъ въ пучинѣ Гитчи-Гюми,
Изъ песковъ онъ всталъ, внимая
Звукамъ бубновъ, пѣнью гимновъ,
И пришелъ къ дверямъ вигвама,
Повинуясь заклинаньямъ.

Тамъ ему, въ дверную щелку,
Дали уголь раскаленный,
Нарекли его владыкой
Въ царствѣ духовъ, въ царствѣ мертвыхъ
И, прощаясь, приказали
Разводить костры для мертвыхъ,
Для печальныхъ ихъ ночлеговъ
На пути въ Страну Понима.

Изъ родимаго селенья,
Отъ родныхъ и близкихъ сердцу,
По зеленымъ чащамъ лѣса,
Какъ дымокъ, какъ тѣнь, безмолвно
Удалился Чайбайабось.
Гдѣ касался онъ деревьевъ—
Не качались деревья,
Гдѣ ступаль—травы не мялась,
Не шумѣла подъ ногами.

Такъ четыре дня и ночи
Шелъ онъ медленной стопою
По дорогѣ всѣхъ усопшихъ;
Земляникою усопшихъ
На пути своемъ питался,
Переправился на дубѣ
Чрезъ печальную ихъ рѣку,
По Серебрянымъ Озерамъ
Плылъ на Каменной Пирогѣ,
И въ Селенія Блаженныхъ,
Въ царство духовъ, царство тѣней,
Принесло его теченье.

На пути онъ много видѣлъ
Блѣдныхъ духовъ, нагруженныхъ,
Истомленныхъ тяжелой ношей:

И одеждой, и оружьемъ,
И горшками съ разной пищей,
Что друзья имъ надавали
На дорогу въ край Понима.

Горько жаловались духи:
„Ахъ, зачѣмъ на насъ живые
Возлагаютъ бремя это!
Лучше бъ мы пошли нагими,
Лучше бъ голодъ мы терпѣли,
Чѣмъ нести такое бремя!—
Истомилъ насъ путь далекій!“

Гайавата же надолго
Свой родной вигвамъ оставилъ,
На Востокъ пошелъ, на Западъ,—
Поучалъ употребленью
Травъ цѣлебныхъ и волшебныхъ.
Такъ священное искусство
Врачеванія недуговъ
Въ первый разъ познали люди.

XVI.

ПО-ПОКЪ-КИВИСЪ.

Стану пѣть, какъ По-Покъ-Кивисъ,
Какъ красавецъ Йенадиззи
Взбодоражилъ всю деревню
Дерзкой удалю своею;
Какъ, спасаясь только чудомъ,
Онъ бѣжалъ отъ Гайаваты,
И какой конецъ печальный
Былъ чудеснымъ приключеньямъ.

На побережьѣ Гитчи-Гюми,
Свѣтлыхъ водъ Большого Моря,
На песчаномъ Нэго-Воджу
Жилъ красавецъ По-Покъ-Кивисъ.
Это онъ во время свадьбы
Гайаваты съ Миннегагой
Такъ безумно и разгульно
Танцевалъ подъ звуки флейты,
Это онъ въ безумномъ танцѣ
Накидалъ песокъ холмами
На побережьѣ Гитчи-Гюми.

Заскучавши отъ бездѣлья,
Вышелъ разъ онъ изъ вигвама
И направился поспѣшно
Прямо къ Ягу, гдѣ собиралась
Слушать сказки и преданья
Молодежь со всей деревни.

Старый Ягу въ это время
Забавлялъ гостей разговоромъ
Объ Оджигѣ, о кунигѣ:
Какъ она пробила небо,
Какъ вскарабкалась на небо,
Лѣто выпустила съ неба;
Какъ сначала подвигъ этотъ
Совершить пыталась выдра,
Какъ барсукъ съ бобромъ и рысью
На вершины горъ взбирались,
Бились въ небо головами,
Бились лапами, но небо
Только трескалось надъ ними;
Какъ отважилась на подвигъ
Наконецъ и россوماха.

„Подскочила россوماха,—
Говорилъ гостямъ рассказчикъ,—
Подскочила—и надъ нею
Такъ и вздулся сводъ небесный,
Словно ледъ въ рѣкѣ весною!
Подскочила снова—небо
Гулко треснуло надъ нею,
Словно льдина въ половодье!
Подскочила напоследокъ—
Небо въ дребезги разбила,
Скрылась въ небѣ, а за нею
И Оджигъ въ одно мгновенье
Очутилась на небѣ!“

„Слушай!—крикнулъ По-Покъ-Кивисъ,
Появляясь на порогѣ:—
Надоѣли эти сказки!
Надоѣли хуже мудрыхъ
Поученій Гайаваты!
Мы отыщемъ для забавы
Кое-что получше сказокъ“.

Тутъ, торжественно раскрывши
Свой кошель изъ волчьей кожи,
По-Покъ-Кивисъ выпуль чашу
И фигуры Погасэна:
Томагаукъ, Поггэвогонъ,
Рыбку маленькую, Киго,
Пару змѣй и пару пѣшекъ,
Три утенка и четыре
Мѣдныхъ диска, Озавабикъ.
Всѣ фигуры, кромѣ дисковъ,
Темныхъ сверху, свѣтлыхъ снизу,
Были сдѣланы изъ кости
И покрыты яркой краской,—
Красной сверху, бѣлой снизу.

Положивъ фигуры въ чашу,
Онъ встряхнулъ, перемѣшалъ ихъ,
Кинулъ на земь предъ собою
И выкрикивалъ, что вышло:
„Краснымъ кверху пали кости,
А змѣя, Кинэбикъ, стала
На блестящемъ мѣдномъ дискѣ;
Счетомъ сто и тридцать восемь!“

И опять смѣшалъ фигуры,
Положилъ опять ихъ въ чашу,
Кинулъ на земь предъ собою
И выкрикивалъ, что вышло:
„Бѣлымъ кверху пали змѣи,
Бѣлымъ кверху пали пѣшки,
Краснымъ—прочія фигуры;
Пятьдесятъ и восемь счетомъ!“

Такъ училъ ихъ По-Покъ-Кивисъ,
Такъ, играя для примѣра,
Онъ металъ и объяснялъ имъ
Всѣ приемы Погасэна.
Двадцать глазъ за нимъ слѣдили,
Разгораясь любопытствомъ.

„Много игръ,—промолвилъ Ягу:—
Много игръ, опасныхъ, трудныхъ,
Въ разныхъ странахъ, въ разныхъ земляхъ,
На своемъ вѣку я видѣлъ;

Кто играетъ съ старымъ Ягу,
Долженъ быть на рѣдкость ловокъ!
Не хвалися, По-Покъ-Кивись!
Будешь ты сейчасъ обыгранъ,
Жестоко наказанъ мною!“

Началась игра, и дико
Увлеклись игрою гости!
На одежду, на оружье,
До полночи, до разсвѣта,
Старики и молодые—
Всѣ играли, всѣ метали,
И лукавый По-Покъ-Кивись
Обыгралъ ихъ безъ пощады!
Взялъ всѣ лучшія одежды,
Взялъ оружье боевое,
Пояса и ожерелья,
Перья, трубки и кисеты!
Двадцать глазъ предъ нимъ сверкали,
Какъ глаза волковъ голодныхъ.

Напоследокъ онъ промолвилъ:
„Я въ товарищѣ нуждаюсь:
Въ путешествіяхъ и дома
Я всегда одинъ, и нуженъ
Мнѣ помощникъ, Мэшинова,
Кто бъ носилъ за мною трубку.
Весь мой выигрышъ богатый—
Всѣ мѣха и украшения,
Все оружіе и перья—
Все въ одинъ я конъ поставлю
Вотъ на этого красавца!“
То былъ юноша высокій
По шестнадцатому году,
Сирота, племянникъ Ягу.

Какъ огонь сверкаетъ въ трубкѣ,
Подъ сѣдой золой краснѣя,
Засверкали взоры Ягу
Подъ нависшими бровями.
„Угъ!“—отвѣтилъ онъ свирѣпо.
„Угъ!“—отвѣтили и гости.

И, костлявыми руками
Стиснувъ чашу роковую,

Ягу съ яростью подбросилъ
И разсыпалъ вокругъ фигуры.

Краснымъ кверху пали пѣшки,
Краснымъ кверху пали змѣи,
Краснымъ кверху и утята,
Озавабики—всѣ чернымъ;
Бѣлымъ только рыбка, Киго;
Только пять всего по счету!

Улыбаясь, По-Покъ-Кивисъ
Положилъ фигуры въ чашу,
Ловко вскинулъ ихъ на воздухъ
И разсыпалъ предъ собою:
Красной, бѣлой, черной краской
На землѣ онѣ блестѣли,
А межъ ними встала пѣшка,
Всталъ Инайнивэгъ, подобно
По-Покъ-Кивису красавцу,
Говорившему съ улыбкой:
„Пять десятковъ! Все за мною!“

Двадцать глазъ горѣли злобой,
Какъ глаза волковъ голодныхъ,
Въ тотъ моментъ, какъ По-Покъ-Кивисъ
Всталъ и вышелъ изъ вигвама,
А за нимъ племянникъ Ягу,
Стройный юноша высокій,
Уносилъ оленьи кожи,
Горностаевыя шубы,
Пояса и ожерелья,
Перья, трубки и оружье!

„Отнеси мою добычу
Въ мой вигвамъ на Нэго-Воджу!“—
Властно молвилъ По-Покъ-Кивисъ,
Пышнымъ вѣеромъ игралъ.

Отъ игры и отъ куренья
У него горѣли вѣки,
И отрадно грудь дышала
Лѣтней утренней прохладой.
Въ рощахъ звонко пѣли птицы,
По лугамъ ручьи шумѣли,
А въ груди у Йенадиззи
Пѣло сердце отъ восторга,

Пѣло весело, какъ птица,
Билось гордо, какъ источникъ.
Гордо шелъ онъ по деревнѣ
Въ сѣромъ сумракѣ разсвѣта,
Дышнымъ вѣеромъ играя,
И прошелъ по всей деревнѣ
До послѣдняго вигвама,
До жилища Гайаваты.

Тишина была въ вигвамѣ.
На порогъ никто не вышелъ
Къ По-Покъ-Кивису съ привѣтомъ;
Только птицы у порога
Пѣли, прыгали, порхали,
Тамъ и сямъ собирая зерна;
Только Кагаги съ вигвама
Встрѣтилъ гостя хриплымъ крикомъ,
Съ крикомъ крыльями хлопалъ,
Взоромъ огненнымъ сверкая.

„Всѣ ушли! Жилище пусто!—
Такъ промолвилъ По-Покъ-Кивисъ,
Замышляя злую шутку.—
Нѣтъ ни глупой Миннегаги,
Ни хозяина, ни бабки;
Тутъ теперь что хочешь дѣлай!“

Стиснувъ ворона за горло,
Онъ пертѣлъ имъ, какъ трещеткой,
Какъ мѣшкомъ съ травой цѣлебной,
Придушилъ его и бросилъ
Чтобъ висѣлъ онъ надъ вигвамомъ,
На позоръ его владѣльцу,
На позоръ для Гайаваты.

А потомъ вошелъ въ жилище,
Раскидалъ кругомъ порога
Всю хозяйственную утварь,
Раскидалъ, куда попало,
Всѣ котлы, горшки и миски,
Мѣхъ бобровъ и горностаевъ,
Шкуры буйволовъ и рысей,
На позоръ Покомисъ старой,
На позоръ для Миннегаги.

Беззаботно напѣвая
И посвистывая бѣлкамъ,
Шелъ онъ по лѣсу, а бѣлки
Грызли желуди на вѣткахъ,
Шелухой въ него кидали;
Беззаботно пѣлъ онъ птицамъ,
И за темною листвою
Такъ же весело и звонко
Отвѣчали пѣньемъ птицы.

Со скалистаго побережья
Онъ смотрѣлъ на Гитчи-Гюми,
Легъ на самомъ видномъ мѣстѣ
И съ злорадствомъ дожидался
Возвращенья Гайаваты.

На спинѣ, раскинувъ руки,
Онъ дремалъ въ полдневномъ зноѣ.
Далеко подъ нимъ плескались,
Омывали берегъ волны,
Высоко надъ нимъ сіяло
Голубою бездною небо,
А кругомъ носились птицы,
Стаи птицъ носились съ крикомъ
И почти-что задѣвали
По-Покъ-Кивиса крылами.

Онъ убилъ ихъ много-много,
Онъ десятками швырялъ ихъ
Со скалистаго побережья
Прямо въ волны Гютчи-Гюми.
И Кайошкъ, морская чайка,
Наконецъ вскричала громко:
„Это дерзкій По-Покъ-Кивисъ!
Это онъ насъ избиваетъ!
Гдѣ же братъ нашъ, Гайавата?
Извѣстите Гайавату!“

XVII.

ПОГОНЯ ЗА ПО-ПОКЪ-КИВИСОМЪ.

Гнѣвомъ вспыхнулъ Гайавата,
Возвратившись на деревню,
Увидавъ народъ въ смятеньи,

Услыхавши, что надѣлалъ
Дерзкій, хитрый По-Покъ-Кивистъ.

Задыхался онъ отъ гнѣва;
Злобно стискивая зубы,
Онъ шепталъ врагу проклятья,
Бормоталъ, гудѣлъ, какъ шершень.
„Я убью его,—сказалъ онъ,—
Я убью, найду злодѣя!
Какъ бы ни былъ путь мой дологъ,
Какъ бы ни былъ путь мой труденъ,
Гнѣвъ мой все преодолѣетъ,
Местъ моя врага настигнетъ!“

Тотчасъ кликнулъ онъ сосѣдей
И поспѣшно устремился
По слѣдамъ его въ погоню,—
По лѣсамъ, гдѣ проходилъ онъ
На побережьи Гитчи-Гюми;
Но никто врага не встрѣтилъ:
Отыскали только мѣсто
На травѣ, въ кустахъ черники,
Гдѣ лежалъ онъ, отдыхая,
И примялъ цвѣты и травы.

Вдругъ на Мускодэ зеленой,
На долину подъ горами,
Показался По-Покъ-Кивистъ:
Сдѣлавъ дерзкій знакъ рукою,
Набѣгу онъ обернулся,
И съ горы, ему вдогонку,
Громко крикнулъ Гайавата:
„Какъ бы ни былъ путь мой дологъ,
Какъ бы ни былъ путь мой труденъ,
Гнѣвъ мой все преодолѣетъ,
Местъ моя тебя настигнетъ!“

Черезъ скалы, черезъ рѣки,
По кустарникамъ и чащамъ
Мчался хитрый По-Покъ-Кивистъ,
Прыгалъ, словно антилопа.
Наконецъ остановился
Надъ прудомъ въ лѣсной долину,
На плотину, возведенную
Осторожными бобрами,

Надъ разлившимся потокомъ,
Надъ затономъ полусоннымъ,
Гдѣ въ водѣ росли деревья,
Гдѣ кувшинчики желтѣли,
Гдѣ камышъ шепталъ, качался.

Надъ затономъ По-Покъ-Кивистъ
Сталъ на гать изъ пней и сучьевъ;
Сквозь нее вода сочилась,
А по ней ручьи бѣжали;
И со дна пруда къ плотинѣ
Выплылъ бобръ и сталъ большими,
Удивленными глазами
Изъ воды смотрѣть на гостя.

Надъ затономъ По-Покъ-Кивистъ
Предъ бобромъ стоялъ въ раздумѣ,
По ногамъ его струились
Ручейки сребристой влагой,
И съ бобромъ заговорилъ онъ,
Такъ сказалъ ему съ улыбкой:
„О, мой другъ Амикъ! Позволь мнѣ
Отдохнуть въ твоёмъ вигвамѣ,
Отдохнуть въ водѣ прохладной,—
Преврати меня въ Амика!“

Осторожно бобръ отвѣтилъ,
Помолчалъ и такъ отвѣтилъ:
„Дай я съ прочими бобрами
Посоветуюсь сначала“.
И, отвѣтивъ, опустился,
Какъ тяжелый камень, въ воду,
Скрылся въ чащѣ темно-бурыхъ
Тростниковъ и листьевъ лилій.

Надъ затономъ По-Покъ-Кивистъ
Ждалъ бобра на зыбкой гати;
Ручейки съ невнятнымъ плескомъ
По ногамъ его бѣжали,
Серебристыми струями
Съ гати падали на камни
И спокойно разливались
Межъ камнями по долинь;
А кругомъ листвою зеленою
Лѣсъ шумѣлъ, качались вѣтви.

И сквозь вѣтви свѣтъ и тѣни,
По землѣ скользя, играли.

Не спѣша, по одиночкѣ
Собрались бобры къ плотинѣ:
Осторожно показалась
Голова, потомъ другая,
Наконецъ весь прудъ широкій
Рыльца черныя покрыли,
Лоснясь въ яркомъ блескѣ солнца.

И къ бобрамъ съ улыбкой хитрой
Обратился По-Покъ-Кивисъ:
„О, друзья мои! Покойно,
Хорошо у васъ въ вигвамахъ!
Всѣ вы опытны и мудры,
Всѣ на выдумки искусны,
Превратите же скорѣе
И меня въ бобра, Амика!“

„Хорошо!—Амикъ отвѣтилъ,
Царь бобровъ, Амикъ, отвѣтилъ:—
Опускайся съ нами въ воду,
Опускайся въ прудъ съ бобрами!“

Молча въ тихій прудъ съ бобрами
Опустился По-Покъ-Кивисъ.
Черной, гладкой и блестящей
Стала вся его одежда,
А хвосты лисицъ на пяткахъ
Въ толстый черный хвостъ слилися,
И бобромъ сталъ По-Покъ-Кивисъ.

„О, друзья мои,—сказалъ онъ,—
Я хочу быть выше, больше,
Больше всѣхъ бобровъ на свѣтѣ“.
„Хорошо,—Амикъ отвѣтилъ:—
Вотъ когда придемъ въ жилище,
Въ нашъ вигвамъ на днѣ потока,
Въ десять разъ ты станешь больше“.

Такъ подъ темною водою
Шелъ съ бобрами По-Покъ-Кивисъ,
Подъ водою, гдѣ лежали
Вѣтви, пни и груды корма,

И пришелъ съ бобрами къ аркѣ,
Что вела въ вигвамъ обширный.

Тамъ опять онъ превратился,
Въ десять разъ сталъ выше, больше,
И бобры ему сказали:
„Будь у насъ вождемъ отнынѣ,
Будь надъ нами властелиномъ“.

Но не долго По-Покъ-Кивисъ
Могъ почетомъ наслаждаться:
Бобръ, поставленный на стражѣ
Въ чащѣ шпажниковъ и лилій,
Вдругъ воскликнулъ: „Гайавата!
Гайавата на плотинѣ!“

Вслѣдъ за этимъ раздалися
На плотинѣ крики, говоръ,
Трескъ валежника и топотъ,
А вода заволновалась,
Стала падать, понижаться,
И бобры поняли въ страхѣ,
Что плотина прорвалась.

Съ трескомъ рухнула и крыша
Ихъ просторнаго вигвама;
Въ щели крыши засверкало
Солнце яркими лучами,
И бобры поспѣшно скрылись
Подъ водой, гдѣ было глубже;
Но могучій По-Покъ-Кивисъ
Не пролѣзъ за ними въ двери:
Онъ отъ гордости и пищи,
Какъ пузырь, распухъ, раздулся.

Въ щели крыши Гайавата
На него смотрѣлъ и громко
Восклицалъ: „О, По-Покъ-Кивисъ!
Тщетны всѣ твои уловки,
Безполезны превращенья,—
Не спасешься, По-Покъ-Кивисъ!“

Безъ пощады колотили
По-Покъ-Кивиса дубины,
Молотили, словно маисъ,
На куски разбили черепъ.

Шесть охотниковъ высокихъ
Положили на носилки,
Понесли его въ деревню;
Но не умеръ По-Покъ-Кивисъ,
Джиби духъ его, не умеръ.

Онъ барахтался, метался,
Изгибаясь и качаясь,
Какъ дверныя занавѣски
Изгибаются, качаясь,
Если вѣтеръ дуетъ въ двери,
И опять собрался съ силой,
Принялъ образъ человѣка,
Всталъ и въ бѣгство устремился
По-Покъ-Кивисомъ лукавымъ.

Но отъ взоровъ Гайаваты
Не успѣлъ въ лѣсу онъ скрыться;
Въ голубой и мягкій сумракъ
Подъ вѣтвями дальнихъ сосенъ,
Къ свѣтлой просѣкѣ за ними
Вихремъ мчался По-Покъ-Кивисъ,
Нагибая вѣтви съ шумомъ,
Но сквозь шумъ вѣтвей онъ слышалъ,
Что его, какъ бурный ливень,
Настигаетъ Гайавата.

Задыхаясь, По-Покъ-Кивисъ
Наконецъ остановился
Передъ озеромъ широкимъ,
По которому средь лилій,
Въ тростникахъ, межъ островами,
Тихо плакали казарки,
То скрываясь въ тѣнь деревьевъ,
То сверкая въ блескѣ солнца,
Подымая кверху клювы,
Глубоко ныряя въ воду.

„Пишнэкэ!—воскликнулъ громко
По-Покъ-Кивисъ:—превратите
Поскорѣй меня въ казарку,
Только въ самую большую,—
Въ десять разъ сильнѣй и больше
Чѣмъ другія всѣ казарки!“

Но едва онѣ успѣли
Превратить его въ казарку,—
Въ исполинскую казарку
Съ круглой лоснящейся грудью,
Съ парой темныхъ мощныхъ крыльевъ
И съ большимъ широкимъ клювомъ,—
Какъ изъ лѣса съ громкимъ крикомъ
Сталъ предъ ними Гайавата!

Съ громкимъ крикомъ поднялися
И казарки надъ водою,
Поднялися шумной стаей
Изъ озерныхъ травъ и лилій
И сказали: „По-Покъ-Кивисъ!
Будь теперь поосторожнѣй,—
Берегись смотрѣть на землю,
Чтобы не было несчастья,
Чтобъ бѣды не приключилось.“

Смѣло путь онѣ держали,
Путь на дальній, дикій сѣверъ,
Пролетали то въ туманѣ,
То въ сіяньи яркомъ солнца,
Ночевали и кормились
Въ камышахъ болотъ пустынныхъ
И съ зарей пустились дальше.
Плавно мчалъ ихъ южный вѣтеръ,
Дулъ свѣжо и сильно въ крылья.

Вдругъ донесся къ нимъ неясный
Отдаленный шумъ и говоръ,
Донеслись людскія рѣчи
Изъ селенія подъ ними:
То народъ съ земли дивился
На невиданныя крылья
По-Покъ-Кивиса-казарки,—
Эти крылья были шире,
Чѣмъ дверныя занавѣски.

По-Покъ-Кивисъ слышалъ крики,
Слышалъ голосъ Гайаваты,
Слышалъ громкій голосъ Ягу,
Позабылъ совѣтъ казарокъ,
Съ высоты взглянулъ на землю—

И въ одно мгновенье вѣтеръ
Подхватилъ его, смялъ крылья
И понесъ, вертя, на землю.

Тщетно справится хотѣлъ онъ,
Тщетно думалъ удержаться!
Вихремъ падая на землю,
Онъ порой то землю видѣлъ,
То казарокъ въ синемъ небѣ,
Видѣлъ, что земля все ближе,
А просторъ небесъ—все дальше,
Слышалъ громкій смѣхъ и говоръ,
Слышалъ крики все яснѣе,
Потерялъ изъ глазъ казарокъ,
Увидалъ внизу вигвамы
И съ размаху палъ на землю,—
Съ тяжкимъ стукомъ средь народа
Пала мертвая казарка!

Но его лукавый Джиби,
Духъ его, въ одно мгновенье
Принялъ образъ человѣка,
По-Покъ-Кивиса красавца,
И опять пустился въ бѣгство,
И опять за нимъ въ погоню
Устремился Гайавата,
Восклицая: „Какъ бы ни былъ
Путь мой дологъ и опасенъ,
Гнѣвъ мой все преодолѣть,
Местъ моя тебя настигнетъ!“

Въ двухъ шагахъ былъ По-Покъ-Кивисъ,
Въ двухъ шагахъ отъ Гайаваты,
Но мгновенно закружился,
Поднялъ вихремъ пыль и листья
И исчезъ въ дуплѣ дубовомъ,
Перекинулся змѣю,
Проскользнулъ змѣей подъ корни.

Быстро правою рукою
Искрошилъ весь дубъ на щепки
Гайавата,—но напрасно!
Вновь лукавый По-Покъ-Кивисъ
Принялъ образъ человѣка

И помчался въ бурномъ вихрѣ
Къ Живописнымъ Скаламъ краснымъ,
Что съ побережья озирають
Всю страну и Гитчи-Гюми.

И Владыка Горъ могучій,
Горный Манито могучій
Распахнулъ предъ нимъ ущелье,
Распахнулъ широко пропасть,—
Скрылъ его отъ Гайаваты
Въ мрачномъ каменномъ жилищѣ,
Ввелъ его съ радушной лаской
Въ тьму своихъ пещеръ угрюмыхъ.

А снаружи Гайавата,
Предъ закрытымъ входомъ стоя,
Рукавицей, Минджикэвонъ,
Пробивалъ въ горѣ пещеры
И кричалъ въ великомъ гнѣвѣ:
„Отопри! Я Гайавата!“.
Но Владыка Горъ не отперъ,
Не отвѣтилъ Гайаватѣ
Изъ своихъ пещеръ безмолвныхъ,
Изъ скалистой мрачной бездны.

И простеръ онъ руки къ небу,
Призывая Эннэмики
И Вэвэссимо на помощь,
И пришли они во мракѣ,
Съ ночью, съ бурей, съ ураганомъ,
Пронеслись по Гитчи-Гюми
Съ отдаленныхъ Горъ Громовыхъ,
И услышалъ По-Покъ-Кивисъ
Тяжкій грохотъ Эннэмики,
Увидалъ онъ блескъ огнистый
Глазъ Вэвэссимо, и въ страхѣ
Задрожалъ и притаился.

Тяжкой палицей своею
Скалы молнія разбила
Надъ преддверіемъ пещеры,
Грянулъ громъ въ ея средину,
Говоря: „Гдѣ По-Покъ-Кивисъ?“—
И рассыпались утесы,

И среди развалинъ мертвымъ
Паль лукавый По-Покъ-Кивись,
Паль красавецъ Йенадиззи.

Благородный Гайавата
Вынулъ духъ его изъ тѣла
И сказалъ: „О, По-Покъ-Кивись!
Никогда ужъ ты не примешь
Снова образъ человѣка,
Никогда не будешь больше
Танцовать съ безпечнымъ смѣхомъ,
Но высоко въ синемъ небѣ
Будешь ты парить и плавать,
Будешь ты Киню отнынѣ—
Боевымъ Орломъ могучимъ!“

И живутъ съ тѣхъ поръ въ народѣ
Пѣсни, сказки и преданья
О красавцѣ Йенадиззи;
И зимой, когда въ деревнѣ
Вихри снѣжные гуляютъ,
А въ трубѣ вигвама свищеть,
Завываетъ буйный вѣтеръ,—
„Это хитрый По-Покъ-Кивись
Въ пляскѣ бѣшеной несется!“—
Говорятъ другъ другу люди.

XVIII.

СМЕРТЬ КВАЗИНДА.

Далеко прошелъ по свѣту
Слухъ о Квазиндѣ могучемъ:
Онъ соперниковъ не вѣдалъ,
Онъ себѣ не вѣдалъ равныхъ.
И завистливое племя
Злобныхъ Гномовъ и Пигмеевъ,
Злобныхъ духовъ Покъ-Уэджись,
Погубить его рѣшило.

„Если этотъ дерзкій Квазиндъ,
Ненавистный всѣмъ намъ Квазиндъ,
Поживетъ еще на свѣтѣ,
Все губя, уничтожая,
Удивляя всѣ народы
Дивной силою своею,—

Что же будетъ съ Покъ-Уэджисъ?—
Говорили Покъ-Уэджисъ.—

Онъ растопчетъ насъ, раздавить,
Онъ подводнымъ злобнымъ духамъ
Всѣхъ насъ кинетъ на съѣденье!“

Такъ, пылая лютой злобой,
Совѣщались Покъ-Уэджисъ
И убить его рѣшили,
Да, убить его,—избавить
Міръ отъ Квазинда навѣки!

Сила Квазинда и слабость
Только въ темени тайлась:
Только въ темя можно было
На смерть Квазинда поранить,
Но и то однимъ оружіемъ—
Голубой еловой шишкой.
Роковая тайна эта
Не была извѣстна смертнымъ,
Но коварные Пигмеи,
Покъ-Уэджисъ, знали тайну,
Знали, какъ врага осилить.

И они набрали шишекъ,
Голубыхъ еловыхъ шишекъ
По лѣсамъ надъ Таквамино,
Отнесли ихъ и сложили
На ея высокій берегъ,
Тамъ, гдѣ красные утесы
Нависаютъ надъ водою,
Сами спрятались и стали
Поджидать врага въ засадѣ.

Было это въ полдень лѣтомъ;
Тихъ былъ сонный знойный воздухъ,
Неподвижно спали тѣни,
Въ полуснѣ рѣка струилась;
По рѣкѣ, блестя на солнцѣ,
Насѣкомыя скользили,
Въ знойномъ воздухѣ далеко
Раздавалось ихъ жужжанье,
Ихъ напѣвы боевые.

По рѣкѣ плылъ мощный Квазиндъ,
По теченью плылъ лѣниво,

По дремотной Таквамино,
Плыть въ березовой пирогѣ,
Истомленный тяжкимъ зноемъ,
Усыпленный тишиною.

По вѣтвямъ, къ рѣкѣ склоненнымъ,
По кудрямъ березъ плакучихъ,
Осторожно опустился
На него Духъ Сна, Нэпавинъ;
Въ сонмѣ спутниковъ незримыхъ,
Во главѣ воздушной рати,
По вѣтвямъ сошелъ Нэпавинъ,
Бирюзовой Дэшъ-кво-ни-ши,
Стрекозою, сталь онъ тихо
Надъ пловцомъ усталымъ рѣять.

Квазиндъ слышалъ чей-то шопоть,
Смутный, словно вздохи сосенъ,
Словно дальній ропоть моря,
Словно дальній шумъ прибоя,
И почувствовалъ удары
Томагауковъ воздушныхъ,
Поражавшихъ прямо въ темя,
Управляемыхъ несмѣтной
Ратью Духовъ Сна незримыхъ.

И отъ перваго удара
Обняла его дремота,
Отъ второго—онъ безсильно
Опустилъ весло въ пирогъ,
Послѣ третьяго—окрестность
Передъ нимъ покрылась тьмою:
Крѣпкимъ сномъ забылся Квазиндъ.

Такъ и плыть онъ по теченью,—
Какъ слѣпой, сидѣлъ въ пирогѣ,
Сонный плыть по Таквамино,
Подъ прибрежными лѣсами,
Мимо тренетныхъ березокъ,
Мимо вражеской засады,
Мимо лагеря Пигмеевъ.

Градомъ сыпались шишки,
Голубыя шишки елей
Въ темя Квазинда съ побережья.

„Смерть врагу!“—раздался громкій
Боевой крикъ. Покъ-Уэджись.

И упалъ на бортъ пирога
И свалился въ рѣку Квазиндъ,
Головою внизъ, какъ выдра,
Въ воду сонную свалился,
А пирога, кверху килемъ,
Поплыла одна, блуждая
По теченью Таквамино.

Такъ погибъ могучій Квазиндъ.
Но хранилось долго-долго
Имя Квазинда въ народѣ,
И когда въ лѣсахъ зимою
Бушевали, были бури,
Съ трескомъ гнули и ломали
Вѣтви стонущихъ деревьевъ,—
„Квазиндъ!—люди говорили,—
Это Квазиндъ собираетъ
На костеръ себѣ галежники!“

ХІХ.

ПРИВИДѢНІЯ.

Никогда хохлатый коршунъ
Не спускается въ пустынь
Надъ пораненнымъ бизономъ
Безъ того, чтобъ на добычу
И второй не опустился;
За вторымъ же въ синемъ небѣ
Тотчасъ явится и третій,
Такъ что вскорости отъ крыльевъ
Собирающейся стаи
Даже воздухъ потемнѣетъ.

И бѣда одна не ходитъ;
Сторожать другъ друга бѣды;
Чуть одна изъ нихъ нагрянетъ,—
Вслѣдъ за ней спѣшатъ другіа
И, какъ птицы, выются, выются
Черной стаей надъ добычей,
Такъ что бѣлый свѣтъ померкнетъ
Отъ отчаянья и скорби.

Вотъ опять на хмурый сѣверъ
Мощный Пибоанъ вернулся!
Ледянымъ своимъ дыханьемъ
Превратилъ онъ воды въ камень
На рѣкахъ и на озерахъ,
Съ косъ страхнулъ онъ хлопья снѣга,
И поля покрылись бѣлой,
Ровной снѣжной пеленою,
Будто самъ Владыка Жизни
Сгладилъ ихъ рукой своею.

По лѣсамъ, подъ пѣсни вьюги,
Звѣроловъ бродилъ на лыжахъ;
Въ деревняхъ, въ вигвамахъ теплыхъ,
Мирно женщины трудились,
Молотили кукурузу
И выдѣлывали кожи;
Молодежь же проводила
Время въ играхъ и забавахъ,
Въ танцахъ, въ бѣганьи на лыжахъ.

Темнымъ вечеромъ однажды
Престарѣлая Нокомисъ
Съ Миннегатою сидѣла
За работою въ вигмамѣ,
Чутко слушая въ молчаньи,
Не идетъ ли Гайавата,
Запоздавшій на охотѣ.

Свѣтъ костра багряной краской
Разрисовывалъ ихъ лица,
Трепеталъ въ глазахъ Нокомисъ
Серебристымъ луннымъ блескомъ,
А въ глазахъ у Миннегаги—
Блескомъ солнца надъ водою;
Дымъ, клубами собираясь,
Уходилъ въ трубу надъ ними,
По угламъ вигвама тѣни
Изгибались за ними.

И открылась тихо-тихо
Занавѣска надъ порогомъ;
Ярче пламя запылало,
Дымъ сильный заволновался

И двѣ женщины безмолвно,
Безъ привѣта и безъ зова,
Чрезъ порогъ переступили,
Проскользнули по вигваму
Въ самый дальній, темный уголъ,
Сѣли тамъ и притаились.

По обличью, по одеждѣ,
Это были чужеземки;
Блѣдны, мрачны были обѣ
И съ безмолвною тоскою,
Содрогаясь, какъ отъ стужи,
Изъ угла онѣ глядѣли.

То не вѣтеръ ли полночный
Загудѣлъ въ трубѣ вигвама?
Не сова ли, Куку-кугу,
Застонала въ мрачныхъ соснахъ?
Голосъ вдругъ изрекъ въ молчаньи:
„Это мертвые возстали,
Это души погребенныхъ
Къ вамъ пришли изъ Странъ Понима,
Изъ страны Загробной Жизни!“

Скоро изъ лѣсу, съ охоты,
Возвратился Гайавата,
Весь осыпанъ бѣлымъ снѣгомъ
И съ оленемъ за плечами.
Передъ милой Миннегагой
Онъ сложилъ свою добычу
И теперь еще прекраснѣй
Показался Минненгагѣ,
Чѣмъ въ тотъ день, когда за нею
Онъ пришелъ въ страну Дакотовъ,
Положилъ предъ ней оленя,
Въ знакъ своихъ желаній тайныхъ,
Въ знакъ своей любви сердечной.

Положивъ, онъ обернулся,
Увидалъ въ углу двухъ женщинъ
И сказалъ себѣ: „Кто это?
Странны гости Миннегаги!“
Но расспрашивать не сталъ ихъ,
Только съ ласковымъ привѣтомъ

Попросилъ ихъ раздѣлить съ нимъ
Кровь его, очагъ и пищу.

Гостыи блѣдныя ни слова
Не сказали Гайаватѣ;
Но когда готовъ былъ ужинъ
И олень уже разрѣзанъ,
Изъ угла онѣ вскочили,
Завладѣли лучшей долей,
Долей милой Миннегаги,
Не спросясь, схватили дерзко
Нѣжный, бѣлый жиръ оленя,
Сѣбли съ жадностью, какъ звѣри,
И опять забились въ уголъ
Въ самый дальнѣй, темный уголъ.

Промолчала Миннегага,
Промолчалъ и Гайавата,
Промолчала и Нокомисъ;
Лица ихъ спокойны были.
Только Миннегага тихо
Прошептала съ состраданьемъ,
Говоря: „Ихъ мучить голодъ;
Пусть берутъ, что имъ по вкусу,
Пусть ѣдятъ,—ихъ мучить голодъ“.

Много зорь зажглось, погасло,
Много дней стряхнули ночи,
Какъ стряхаютъ хлопья снѣга
Сосны темныя на землю;
День за днемъ сидѣли молча
Гостыи блѣдныя въ вигвамѣ;
Почью, даже въ непогоду,
Въ ближнѣй лѣсъ онѣ ходили,
Чтобъ набрать сосновыхъ шишекъ,
Чтобъ набрать вѣтвей для топки,
Но едва свѣтало, снова
Появлялися въ вигвамѣ.

И всегда, когда съ охоты
Возвращался Гайавата,
Въ часъ, когда готовъ былъ ужинъ
И олень уже разрѣзанъ,
Гостыи блѣдныя безшумно

Изъ угла къ нему кидались,
Не спросясь, хватали жадно
Нѣжный, бѣлый жиръ оленя,—
Долю милой Миннегаги,—
И скрывались въ темный уголь.

Никогда не упрекнулъ ихъ
Даже, взглядомъ Гайавата,
Никогда не возмутилась
Престарѣлая Нокомисъ,
Никогда не показала
Недовольства Миннегага;
Все они терпѣли молча,
Чтобъ права святыя гостя
Не нарушить грубымъ взглядомъ,
Не нарушить грубымъ словомъ.

Въ полночь разъ, когда печально
Догоралъ костеръ, краснѣя,
И мерцалъ дрожащимъ свѣтомъ
Въ полусумракѣ вигвама,
Бодрый, чуткій Гайавата
Вдругъ услышалъ чьи-то вздохи,
Чьи-то горькія рыданья.

Съ ложа всталъ онъ осторожно,
Всталъ съ косматыхъ шкуръ бизона
И, отдернувши надъ ложемъ
Изъ оленьей кожи пологъ,
Увидалъ, что это Тѣни,
Гостыи блѣдныя, вздыхаютъ,
Плачутъ въ тишинѣ полночной.

И промолвилъ онъ: „О, гостыи!
Что такъ мучить ваше сердце?
Что рыдать васъ заставляетъ?
Не Нокомисъ ли васъ, гостыи,
Ненарокомъ оскорбила?
Иль предъ вами Миннегага
Позабыла долгъ хозяйки?“

Тѣни смолкли, перестали
Горько сѣтовать и плакать
И сказали тихо-тихо:

„Мы усопшихъ, мертвыхъ д—,
 Души тѣхъ, что жили съ вами;
 Мы пришли изъ Странъ Понима,
 Съ острововъ Загробной Жизни,
 Испытать васъ и наставить.

„Вопли скорби достигаютъ
 Къ намъ, въ Селенія Блаженныхъ;
 То живые погребенныхъ
 Призываютъ вновь на землю,
 Мучать насъ безплодной скорбью;
 И вернулись мы на землю,
 Но узнали скоро, скоро,
 Что вездѣ мы только въ тягость,
 Что для всѣхъ мы стали чужды:
 Нѣтъ намъ мѣста,—нѣтъ возврата
 Мертвецамъ изъ-за могилы!

„Помни это, Гайавата,
 И скажи всему народу,
 Чтобъ отнынѣ и вовѣки
 Вопли ихъ не огорчали
 Отошедшихъ въ міръ Понима,
 Къ намъ, въ Селенія Блаженныхъ.

„Не кладите тяжелой ноши
 Съ мертвецами въ ихъ могилы, —
 Ни мѣховъ, ни украшеній,
 Ни котловъ, ни чашъ изъ глины, —
 Эта ноша мучитъ духовъ.
 Дайте лишь немного пищи,
 Дайте лишь огня въ дорогу.

„Духъ четыре грустныхъ ночи
 И четыре дня проводить
 На пути въ Страну Понима;
 Потому-то и должны вы
 Надъ могилами усопшихъ
 Съ первой ночи до послѣдней
 Жечь костры неугасимо,
 Освѣщать дорогу духамъ,
 Озарять веселымъ свѣтомъ
 Ихъ печальные ночлеги.

„Мы идемъ, прости навѣки,
 Благородный Гайавата!

И тебя мы искушали,
И твое терпѣнье долго
Мы испытывали дерзко,
Но всегда ты оставался
Благороднымъ и великимъ.
Не слабѣй же, Гайавата,
Не слабѣй, не падай духомъ:
Ждетъ тебя еще труднѣе
И борьба и испытанье!“

И внезапно тьма упала
И наполнила жилище,
Гайавата же въ молчаньи
Услыхалъ одежды шорохъ,
Услыхалъ, что кто-то поднималъ
Занавѣску надъ порогомъ,
Увидалъ на небѣ звѣзды
И почувствовалъ дыханье
Зимней полночи морозной,
Но уже не видѣлъ духовъ,
Тѣней блѣдныхъ и печальныхъ
Изъ далекихъ Странъ Понима,
Изъ страны Загробной Жизни.

XX.

ГОЛОДЪ.

О, зима! О, дни жестокой,
Безконечной зимней стужи!
Ледъ все толще, толще, толще
Становился на озерахъ;
Снѣгъ все больше, больше, больше
Заносилъ луга и степи;
Все грознѣй шумѣли вьюги
По лѣсамъ, вокругъ селенья.

Еле-еле изъ вигвама,
Занесеннаго снѣгами,
Могъ пробраться въ лѣсъ охотникъ;
Въ рукавицахъ и на лыжахъ
Тщетно по лѣсу бродилъ онъ,
Тщетно онъ искалъ добычи, —
Не видалъ ни птицъ ни звѣря,
Не видалъ слѣдовъ оленя,
Не видалъ слѣдовъ Вабассо.

Страшенъ былъ, какъ привидѣнъе,
Лѣсъ блестящій и пустынный,
И отъ голода, отъ стужи
Потерявъ сознанье, падалъ,
Погибалъ въ снѣгахъ охотникъ.

О, Всесильный Бюкадэвинъ!
О, могучій Акозивинъ!
О, безмолвный, грозный Попокъ!
О, жестокія мученья,
Плачь дѣтей и вопли женщинъ!

Всю тоскующую землю
Изнурилъ недугъ и голодъ,
Небеса и самый воздухъ
Лютымъ голодомъ томились,
И горѣли въ небѣ звѣзды,
Какъ глаза волковъ голодныхъ!

Вновь въ вигвамъ Гайаваты
Поселился два гостя:
Такъ же мрачно и безмолвно,
Какъ и прежніе два гостя,
Безъ привѣта и безъ зова
Въ домъ вошли они и сѣли
Прямо рядомъ съ Миннегагой,
Не сводя съ нея свирѣпыхъ,
Впалыхъ глазъ ни на минуту.

И одинъ сказалъ ей: „Видишь?
Предъ тобою—Бюкадэвинъ!“
И другой сказалъ ей: „Видишь?
Предъ тобою—Акозивинъ!“

И отъ этихъ словъ и взглядовъ
Содрогнулось, сжалось страхомъ
Сердце милой Миннегаги;
Безъ отвѣта опустилась,
Скрывъ лицо, она на ложе
И томилась, трепетала,
Холодѣя и сгорая,
Отъ зловѣщихъ словъ и взглядовъ.

Какъ безумный, устремился
Въ лѣсъ на лыжахъ Гайавата;

Стиснувъ зубы, затаивши
Въ сердцѣ боль смертельной скорби,
Мчался онъ, и капли пота
На челѣ его смерзались.

Въ мѣховыхъ своихъ одеждахъ,
Въ рукавицахъ, Минджикэвонъ,
Съ мощнымъ лукомъ наготовѣ
И съ колчаномъ за плечами,
Онъ бѣжалъ все дальше, дальше
По лѣсамъ пустымъ и мертвымъ.

„Гитчи Манито!—вскричалъ онъ,
Обращая взоры къ небу
Съ безпредѣльной тоскою, —
Пощади насъ, о, Всесильный,
Дай намъ пищи, иль погибнемъ!
Пищи дай для Миннегаги —
Умираетъ Миннегага!“

Гулко въ дебряхъ молчаливыхъ,
Въ безконечныхъ дебряхъ бора,
Прозвучали вопли эти,
Но никто не отзывался,
Кромѣ отклика лѣсного
Повторявшаго тоскливо:
„Миннегага! Миннегага!“

До заката одиноко
Онъ бродилъ въ лѣсахъ печальныхъ,
Въ темныхъ чащахъ, гдѣ когда-то
Шелъ онъ съ милой Миннегагой,
Съ молодой женою рядомъ,
Изъ далекихъ странъ Дакотовъ.
Веселъ былъ ихъ путь въ то время!
Всѣ цвѣты благоухали,
Всѣ лѣсныя птицы пѣли,
Всѣ ручьи сверкали солнцемъ,
И сказала Миннегага
Съ беззавѣтною любовью:
„Я пойду съ тобою, мужъ мой!“

А въ вигвамѣ, близъ Нокомисъ,
Близъ пришельцевъ молчаливыхъ,
Караулившихъ добычу,

Ужъ томилась предъ кончиной,
Умирала Миннегага.

„Слышишь?—вдругъ она сказала:—
Слышишь шумъ и гулъ далекій
Водопадовъ Миннегаги?
Онъ зоветъ меня, Нокомись!“

— „Нѣтъ, дитя мое, — печально
Отвѣчала ей Нокомись:—
Это боръ гудить отъ вѣтра.“

„Глянь! — сказала Миннегага: —
Вонъ — отецъ мой! Одиноко
Онъ стоитъ и мнѣ киваетъ
Изъ родимаго вигвама!“

— „Нѣтъ, дитя мое, — печально
Отвѣчала ей Нокомись:—
Это дымъ плыветъ, киваетъ!“

„Ахъ! — вскричала Миннегага, —
Это Погока сверкаютъ
Очи грозныя изъ мрака,
Это онъ мнѣ стиснулъ руку
Ледяной своей рукою!
Гайавата, Гайавата!“

И несчастный Гайавата
Издалека, издалека,
Изъ-за горъ и дебрей лѣса,
Услыхалъ тотъ крикъ внезапный,
Скорбный голосъ Миннегаги,
Призывающій во мракѣ:
„Гайавата! Гайавата!“.
По долинамъ, по сугробамъ,
Подъ вѣтвями бѣлыхъ сосенъ,
Нависавшими отъ снѣга,
Онъ бѣжалъ съ тяжелымъ сердцемъ
И услышалъ онъ тоскливый
Плачъ Нокомись престарѣлой:
„Вагоминъ! Вагоминъ!
Лучше бѣ я сама погибла,
Лучше бѣ мнѣ лежать въ могилѣ!
Вагоминъ! Вагоминъ!“

И въ вигвамъ онъ устремился,
И увидѣлъ, какъ Нокомисъ
Съ плачемъ медленно качалась,
Увидалъ и Миннегагу,
Неподвижную на ложѣ,
И такой издалъ ужасный
Крикъ отчаянья, что звѣзды
Въ небесахъ затрепетали,
А лѣса съ глубокимъ стономъ
Потряслись до основанья!

Осторожно и безмолвно
Сѣлъ онъ къ ложу Миннегаги,
Сѣлъ къ ногамъ ея холоднымъ,
Къ тѣмъ ногамъ, что никогда ужъ
Не пойдутъ за Гайаватой,
Никогда къ нему изъ дома
Ужъ не выбѣгутъ навстрѣчу.

Онъ лицо закрылъ руками,
Семь ночей и дней у ложа
Просидѣлъ въ оцѣпенѣньи,
Безъ движенья, безъ сознанья:
День царить, иль тьма ночная?

И простились съ Миннегагой;
Приготовили могилу
Ей въ лѣсу глухомъ и темномъ,
Подъ печальною цикутой,
Обернули Миннегагу
Бѣлымъ мѣхомъ горностаю,
Закидали бѣлымъ снѣгомъ,
Словно мѣхомъ горностаю, —
И простились съ Миннегагой.

А съ закатомъ на могилѣ
Былъ зажженъ костеръ изъ хвоя,
Чтобъ душѣ четыре ночи
Освѣщалъ онъ путь далекій,
Путь въ Селенія Блаженныхъ.
Изъ вигвама Гайаватѣ
Видно было, какъ горѣлъ онъ,
Озаряя изъ-подъ низу
Вѣтви черныя цикуты.

И не разъ въ часъ долгой ночи
Подымался Гайавата
На своемъ безсонномъ ложѣ,
Ложѣ милой Миннегаги,
И стоялъ, слѣдилъ съ порога,
Чтобы пламя не погасло,
Духъ во мракѣ не остался.

„О, прости, прости! — сказалъ онъ, —
О, прости, моя родная!
Все мое съ тобою сердце
Схоронилъ я, Миннегага,
Вся душа моя стремится
За тобою, Миннегага!
Не ходи, не возвращайся
Къ намъ на трудъ и на страданья,
Въ міръ, гдѣ голодъ, лихорадка
Мучать душу, мучать тѣло!
Скоро подвигъ свой я кончу,
Скоро буду я съ тобою
Въ царствѣ свѣтлаго Понима,
Безконечной, вѣчной жизни!“

XXI.

СЛѢДЪ БѢЛАГО.

Средь долины, надъ рѣкою,
Надъ замерзшею рѣкою,
Тамъ сидѣлъ въ своемъ вигвамѣ
Одинокій, грустный старецъ.
Волоса его лежали
На плечахъ сугробомъ снѣга,
Плащъ его изъ бѣлой кожи,
Вобивайонъ, былъ въ лохмотьяхъ,
А костеръ среди вигвама
Чуть свѣтился, догорая,
И дрожалъ отъ стужи старецъ,
Ослѣпленный снѣжной вьюгой,
Оглушенный свистомъ бури,
Оглушенный гуломъ лѣса.

Угли пепломъ ужъ бѣлѣли,
Пламя тихо умирало,
Какъ неслышно появился
Стройный юноша въ вигвамѣ.

На щекахъ его румянецъ
Разливался алой краской,
Очи кроткія сіяли,
Какъ весенней ночью звѣзды,
А чело его вѣнчала
Изъ пахучихъ травъ гирлянда.
Улыбаясь и улыбкой
Все, какъ солнцемъ, озаряя,
Онъ вошелъ въ вигвамъ съ цвѣтами,
И цвѣты его дышали
Нѣжнымъ, сладкимъ ароматомъ.

„О, мой сынъ,—воскликнулъ старецъ:—
Какъ отрадно видѣть гостя!
Сядь со мною на цыновку,
Сядь сюда, къ огню поближе,
Будемъ вмѣстѣ ждать разсвѣта.
Ты свои мнѣ поразскажешь
Приключенія и встрѣчи,
Я — свои: свершилъ я въ жизни
Не одинъ великій подвигъ!“

Тутъ онъ вынулъ трубку мира,
Очень старую, чудную,
Съ красной каменной головкой,
Съ чубукомъ изъ трости, въ перьяхъ,
Наложилъ ее корою,
Закурилъ ее отъ угля,
Подаль гостю-чужеземцу
И повелъ такія рѣчи:

„Стòитъ мнѣ своимъ дыханьемъ
Только разъ на землю дунуть,
Остановятся всѣ рѣки,
Вся вода окаменѣетъ!“

Улыбаясь, гость отвѣтилъ:
„Стòитъ мнѣ своимъ дыханьемъ
Только разъ на землю дунуть,
Зацвѣтутъ цвѣты въ долинахъ,
Запоютъ, заплещутъ рѣки!“

„Стòитъ мнѣ потряхнуть во гнѣвѣ
Головой своей сѣдою, —
Молвилъ старецъ, мрачно хмурясь:—

Всю страну снѣга покроютъ,
Вся листва спадетъ съ деревьевъ,
Все поблекнетъ и погибнетъ,
Съ рѣкъ и тундръ, съ болотныхъ толей
Улетятъ и гусь, и цапля
Къ отдаленнымъ, теплымъ странамъ;
И куда бы ни пришелъ я,
Звѣри дикіе лѣсные
Въ норы прячутся, въ пещеры,
Какъ кремень, земля твердѣетъ!“

„Стòить мнѣ потрянуть кудрями, —
Молвилъ гость съ улыбкой кроткой, —
Благодатный теплый ливень
Оросить поля и доли,
Воскресить цвѣты и травы;
На озера и болота
Возвратятся гусь и цапля,
Съ юга ласточка примчится,
Запоютъ лѣсныя птицы;
И куда бы ни пришелъ я,
Лугъ колышется цвѣтами,
Лѣсъ звучить веселымъ пѣньемъ,
Отъ листвы темнѣютъ чащи!“

За бесѣдой ночь минула;
Изъ далекихъ странъ Востока,
Изъ серебряныхъ чертоговъ,
Словно воинъ въ яркихъ краскахъ,
Солнце вышло и сказало:
„Вотъ и я! Любуйтесь солнцемъ,
Гизисомъ, могучимъ солнцемъ!“

Онѣмѣлъ при этомъ старецъ.
Отъ земли тепломъ пахнуло,
Надъ вигвамомъ стали сладко
Опечи пѣть и Овейса,
Зажурчалъ ручей въ долину,
Нѣжный запахъ травъ весеннихъ
Изъ долины въ вигвамъ повѣялъ,
И при яркомъ блескѣ солнца
Увидалъ Сэгвонъ яснѣе
Старца ликъ холодный, мертвый:
Тѣ былъ Пибоанъ могучій.

По щекамъ его бѣжали,
Какъ весенніе потоки,
Слезы теплыми струями,
Самъ же онъ все уменьшался
Въ блескъ радостнаго солнца —
Паромъ таялъ въ блескъ солнца,
Влагой всачивался въ землю,
И Сэгвонъ среди вигвама,
Тамъ, гдѣ ночью мокрый хворостъ
Въ очагѣ дымился, тлѣя,
Увидалъ цвѣтокъ весенній,
Первоцвѣтъ, привѣтъ весенній,
Мискодить въ зеленыхъ листьяхъ.

Такъ на сѣверъ послѣ стужи,
Послѣ лютой зимней стужи,
Вновь пришла весна, а съ нею
Зацвѣли цвѣты и травы,
Возвратились съ юга птицы.

Съ вѣтромъ путь держа на сѣверъ,
Въ небѣ стаями летѣли,
Мчались лебеди, какъ стрѣлы,
Какъ большія стрѣлы въ перьяхъ,
И скликались, какъ люди;
Плыли гуси длинной цѣпью,
Изгибавшейся, подобно
Тетивѣ изъ жилъ оленя,
Разорвавшейся на лукъ;
Въ одиночку и попарно,
Съ быстрымъ, рѣзкимъ свистомъ крыльевъ,
Высоко нырки летѣли,
Пролетали на болота
Мушкодаза и Шухъ-шухъ-га.

Въ чащахъ лѣса и въ долинахъ
Пѣлъ Овейса синеперый,
Надъ вигвамами, на кровляхъ,
Опечи пѣлъ красногрудый,
Подъ густымъ наметомъ сосенъ
Ворковалъ Омими, голубь,
И печальный Гайавата,
Онѣмѣвшій отъ печали,
Услыхалъ ихъ зовъ веселый,

Услыхалъ — и тихо вышелъ
Изъ угрюмага вигвама
Любоваться вешнимъ солнцемъ,
Красотой земли и неба.

Изъ далекаго похода
Въ царство яркаго разсвѣта,
Въ царство Вебопа, къ Востоку,
Возвратился старый Ягу
И принесть онъ много-много
Удивительныхъ новинокъ.

Вся деревня собралася
Слушать, какъ хвалился Ягу
Приключеньями своими,
Но со смѣхомъ говорила:
„Угъ! Да это точно—Ягу!
Кто другой такъ можетъ хвастать!“

Онъ сказалъ, что видѣлъ море
Больше, чѣмъ Большое Море,
Много больше Гитчи-Гюми
И съ такой водою горькой,
Что никто не пьетъ ту воду.
Тутъ всѣ воины и жены
Другъ на друга поглядѣли,
Улыбнулись другъ другу
И шепнули: „Это враки!
Ко!—шепнули,—это враки!“

Въ немъ, сказалъ онъ, въ этомъ морѣ
Плылъ огромный челнъ крылатый,
Шла крылатая пирога
Больше цѣлой роши сосенъ,
Выше самыхъ старыхъ сосенъ.
Тутъ всѣ воины и старцы
Поглядѣли другъ на друга,
Засмѣялись и сказали:
„Ко, не вѣрится намъ что-то!“

Изъ жерла ея, сказалъ онъ,
Вдругъ раздался громъ, въ честь Ягу,
Стрѣлы молніи сверкнули.
Тутъ всѣ воины и жены
Безъ стыда захохотали.
„Ко,—сказали:—вотъ такъ сказка!“

Въ ней, сказалъ онъ, плыли люди,
Да, сказалъ онъ, въ этой лодкѣ
Я сто воиновъ увидѣлъ.
Лица воиновъ тѣхъ были
Бѣлой выкрашены краской,
Подбородки же покрыты
Были густо волосами.
Тутъ ужъ всѣ надъ бѣднымъ Ягу
Стали громко издѣваться,
Закричали, зашумѣли,
Словно вѣропы на соснахъ,
Словно сѣрыя ворѣны.
„Ко!—кричали всѣ со смѣхомъ:—
Кто жъ тебѣ повѣритъ, Ягу!“

Гайавата не смѣялся,—
Онъ на шутки и насмѣшки
Строго имъ въ отвѣтъ промолвилъ:
„Ягу правду говорить намъ;
Было мнѣ дано видѣнье,
Видѣлъ самъ я челнъ крылатый,
Видѣлъ самъ я блѣднолицыхъ,
Бородатыхъ чужеземцевъ
Изъ далекихъ странъ Востока,
Лучезарнаго разсвѣта.

„Гитчи Манито могучій,
Духъ Великій и Создатель,
Съ ними шлетъ свои велѣнья,
Шлетъ свои намъ приказанья.
Гдѣ живутъ они—тамъ вьются
Амо, дѣлатели меда,
Мухи съ жалами роятся.
Гдѣ идутъ они—повсюду
Вырастаетъ вслѣдъ за ними
Мискодить, краса природы.

„И когда мы ихъ увидимъ,
Мы должны ихъ, словно братьевъ,
Встрѣтить съ лаской и привѣтомъ.
Гитчи Манито могучій
Это мнѣ сказалъ въ видѣньи.

„Онъ открылъ мнѣ въ томъ видѣньи
И грядущее,—всѣ тайны
Дней, отъ насъ еще далекихъ.

Видѣлъ я густыя рати
Неизвѣстныхъ намъ народовъ,
Надвигавшихся на Западъ,
Переполнившихъ всѣ страны.
Разны были ихъ нарѣчья,
Но одно въ нихъ билось сердце,
И кипѣла неустанно
Ихъ веселая работа:
Топоры въ лѣсахъ звенѣли,
Города въ лугахъ дымились,
На рѣкахъ и на озерахъ
Плыли съ молніей и громомъ
Окрыленные пироги.

„А потомъ уже иное
Предо мной прошло видѣнье—
Смутно, словно за туманомъ:
Видѣлъ я, что гибнуть наши
Племена въ борьбѣ кровавой,
Возставая другъ на друга,
Позабывъ мои совѣты;
Видѣлъ съ грустью ихъ остатки,
Отступавшіе на Западъ,
Убѣгавшіе въ смятеньи,
Какъ разсѣянные тучи,
Какъ сухіе листья въ бурю!“

XXII.

ЭПИЛОГЪ.

На побережьи Гитчи-Гюми,
Свѣтлыхъ водъ Большого Моря,
Тихимъ, яснымъ лѣтнимъ утромъ,
Гайавата въ ожиданьи
У дверей стоялъ вигвама.

Воздухъ полонъ былъ прохлады,
Вся земля дышала счастьемъ,
А надъ нею, въ блескъ солнца,
На закатъ, къ сосѣдней рошѣ,
Золотистыми роями
Пролетали пчелы, Амо,
Пѣли въ яркомъ блескъ солнца.

Ясно глубь небесъ сіяла,
Тихо было Гитчи-Гюми;
У побережья прыгаль Нама,
Искрясь въ брызгахъ, въ блескъ солнца;
На побережьѣ лѣсъ зеленый
Возвышался надъ водою,
Созерцалъ свои вершины,
Отраженные водою.

Свѣтель взоръ былъ Гайаваты:
Скорбь съ лица его исчезла,
Какъ туманъ съ восходомъ солнца,
Какъ ночная мгла съ разсвѣтомъ;
Съ торжествующей улыбкой,
Полный радости и счастья,
Словно тотъ, кто видитъ въ грезахъ
То, что скоро совершится,
Гайавата въ ожиданьи
У дверей стоялъ вигвама.

Къ солнцу руки протянулъ онъ,
Обратилъ къ нему ладони,
И межъ пальцевъ свѣтъ и тѣни
По лицу его играли,
По плечамъ его открытымъ;
Такъ лучи, скользя межъ листьевъ,
Освѣщаютъ дубъ могучій.

По водѣ, въ дали неясной,
Что-то бѣлое летѣло,
Что-то плыло и мелькало
Въ легкомъ утреннемъ туманѣ,
Опускалось, подымалось,
Подходя все ближе, ближе.

Не летитъ ли тамъ Шухъ-шухъ-га?
Не ныряетъ ли гагара?
Не плыветъ ли Птица-баба?
Или это Во-би-вава
Брызги стряхиваетъ съ перьевъ,
Съ шеи длинной и блестящей?

Нѣтъ, не гусь, не цапля это,
Не нырокъ, не Птица-баба
По водѣ плыветъ, мелькаетъ
Въ легкомъ утреннемъ туманѣ;

То березовая лодка,
Опускаясь, подымаясь,
Въ брызгахъ искрится на солнцѣ,
И плывутъ въ той лодкѣ люди
Изъ далекихъ странъ Востока,
Лучезарнаго разсвѣта;
То наставникъ блѣднолицыхъ,
Ихъ пророкъ въ одеждѣ черной,
Но водѣ съ проводниками
И съ друзьями путь свой держить.

И, простерши къ небу руки,
Въ знакъ сердечнаго привѣта,
Съ торжествующей улыбкой
Ждалъ ихъ славный Гайавата,
Ждалъ, пока подъ ихъ пиро́гой
Захруститъ прибрежный щебень,
Зашуршитъ песчаный берегъ,
И наставникъ блѣднолицыхъ
На песчаный берегъ выйдетъ.

И когда наставникъ вышелъ,
Громко, радостно воскликнувъ,
Такъ промолвилъ Гайавата:
„Свѣтелъ день, о, чужеземцы,
День, въ который вы пришли къ намъ!
Все селенье наше ждетъ васъ,
Всѣ вигвамы вамъ открыты.

„Никогда еще такъ пышно
Не цвѣла земля цвѣтами,
Никогда на небѣ солнце
Не сіяло такъ, какъ нынѣ,
Въ день, когда изъ странъ Востока
Вы пришли въ селенье наше!
Никогда Большое Море
Не бывало такъ спокойно,
Такъ прозрачно и свободно
Отъ подводныхъ скалъ и мелей:
Тамъ, гдѣ шла пиро́га ваша,
Нѣтъ теперь ни скалъ, ни мелей!

„Никогда табакъ нашъ не былъ
Такъ душистъ и такъ пріятенъ,

Никогда не зеленѣли
Наши нивы такъ, какъ нынѣ,
Въ день, когда изъ странъ Востока
Вы пришли въ селенье наше!“

И наставникъ блѣднолицыхъ,
Ихъ пророкъ въ одеждѣ черной,
Отвѣчалъ ему привѣтомъ:
„Миръ тебѣ, о, Гайавата!
Миръ твоей странѣ родимой,
Миръ молитвы, миръ прощенья,
Миръ Христа и свѣтъ Маріи!“

И радушный Гайавата
Ввелъ гостей въ свое жилище,
Посадилъ ихъ тамъ на шкурахъ
Горностаевъ и бизонъ,
А Нокомисъ подала имъ
Пищу въ мискахъ изъ березы,
Воду въ ковшикахъ изъ липы,
И зажгла имъ трубку мира.

Всѣ пророки, Джосакиды,
Всѣ волшебники, Вэбины,
Всѣ врачи недуговъ, Миды,
Съ ними воины и старцы
Собралися предъ вигвамомъ,
Чтобъ почтить гостей привѣтомъ.
Тѣснымъ кругомъ у порога
На землѣ они сидѣли
И курили трубки молча,
А когда къ нимъ изъ вигвама
Вышли гости, такъ сказали:
„Всѣхъ насъ радуетъ, о, братья,
Что пришли вы навѣстить насъ
Изъ далекихъ странъ Востока!“

И наставникъ блѣднолицыхъ
Разсказалъ тогда народу,
Что пришелъ онъ имъ повѣдать
О Святой Маріи-Дѣвѣ,
О Ея предвѣчномъ Сынѣ.
Разсказалъ, какъ въ дни былые
Онъ сошелъ на землю къ людямъ,

Какъ Онъ жилъ въ постѣ, въ молитвѣ,
Какъ училъ Онъ, какъ евреи,
Богомъ проклятое племя,
На крестѣ Его распяли,
Какъ возсталъ Онъ изъ могилы,
Вновь ходилъ съ учениками
И съ земли вознесся въ небо.

И народъ ему отвѣтилъ:
„Мы словамъ твоимъ внимали,
Мы внимали мудрой рѣчи,
Мы должны о ней подумать.
Всѣхъ насъ радуешь, о, братья,
Что пришли вы навѣстить насъ
Изъ далекихъ странъ Востока!“

И, простясь, всѣ удалились,
Разошлись къ своимъ вигвамамъ,
Разказали на деревнѣ
Юнымъ воинамъ и женамъ,
Что прислалъ Владыка Жизни
Къ нимъ гостей изъ странъ Востока.

Отъ жары, въ затишѣ полдня,
Тяжкимъ воздухъ становился;
Въ полуснѣ шептались сосны
Позади вигвамовъ душныхъ,
Въ полуснѣ плёскались волны
На песчаное побережье,
А на нивахъ, не смолкая,
Иль кузничикъ, Па-покъ-кина.
Спали гости Гайаваты,
Истомленные жарою,
Въ душномъ сумракѣ вигвама.

Тихо вечеръ приближался,
Освѣжая знойный воздухъ,
И метало солнце стрѣлы,
Пробивая чащи лѣса,
Въ тайники его врываясь,
Все осматривая зорко.
Спали гости Гайаваты
Въ тихомъ сумракѣ вигвама.

Съ мягкихъ шкуръ всталъ Гайавата
И простился онъ съ Нокомисъ,

Тихимъ шопотомъ сказалъ ей,
Чтобъ гостей не потревожить!

„Ухожу я, о, Нокомисъ,
Ухожу я въ путь далекій,
Ухожу въ страну Заката,
Въ край Кивайдина родимый.
Но гостей моихъ, Нокомисъ,
На тебя я оставляю:
Сохраняй ихъ и заботься,
Чтобъ ни страхъ, ни подозрѣнье,
Ни печаль ихъ не смущали;
Чтобъ въ вигвамъ Гайаваты
Имъ всегда готовы были
И пріютъ, и кровъ, и пища“.

Такъ сказавъ ей, онъ покинулъ
Отчій домъ, пошелъ въ селенье
И простился тамъ съ народомъ
Говоря такія рѣчи:

„Ухожу я, о, народъ мой,
Ухожу я въ путь далекій:
Много зимъ и много весенъ
И придетъ, и вновь исчезнетъ,
Прежде чѣмъ я васъ увижу;
Но гостей моихъ оставилъ
Я въ родномъ моемъ вигвамѣ:
Наставленьямъ ихъ внимайте,
Слову мудрости внимайте,
Ибо ихъ Владыка Жизни
Къ намъ прислалъ изъ царства свѣта“.

На побережьѣ Гайавата
Обернулся на прощанье,
На сверкающія волны
Сдвинулъ легкую пирогу,
Отъ кремнистаго побережья
Оттолкнулъ ее на волны,—
„На закатъ!“—сказалъ ей тихо
И пустился въ путь далекій.

И закатъ огнемъ багрянымъ
Облака зажегъ, и небо,
Словно преріи, пылало

Длиннымъ огненнымъ потокомъ
Отражался въ Гитчи-Гюми
Солнца слѣдъ, и, удаляясь
Все на западъ и на западъ,
Плылъ по немъ къ зарѣ огнистой,
Плылъ въ багряные туманы,
Плылъ къ закату Гайавата.

И народъ съ побережья долго
Провожалъ его глазами,
Видѣлъ, какъ его пирога
Поднялась высоко къ небу
Въ морѣ солнечнаго блеска—
И сокрылась въ туманѣ,
Точно блѣдный полумѣсяцъ,
Потонувшій тихо-тихо
Въ полумглѣ, въ дали багряной.

И сказалъ: „Прости навѣки,
Ты прости, о, Гайавата!“
И лѣсовъ пустынныхъ нѣдра
Содрогнулись—и пронесся
Тяжкій вздохъ во мракѣ лѣса,
Вздохъ: „Прости, о, Гайавата!“
И о берегъ волны съ шумомъ
Разбивались и рыдали,
И звучалъ ихъ стонъ печальный,
Стонъ: „Прости, о, Гайавата!“
И Шухъ-шухъ-га на болотѣ
Испустила крикъ тоскливый,
Крикъ: „Прости, о, Гайавата!“

Такъ въ пурпурной мглѣ вечерней,
Въ славѣ гаснущаго солнца,
Удалился Гайавата
Въ край Кивайдина родимый,
Отошелъ въ Страну Понима,
Къ Островамъ Блаженныхъ,—въ царство
Безконечной, вѣчной жизни!

Словарь индѣйскихъ словъ, встрѣчающихся въ поэмѣ.

Амо—пчела.
Аджидомо—бѣлка.
Амикъ—бобръ.
Бимăгутъ—виноградникъ.
Бэмъ-вăва—звукъ грома.
Вабăссо—кроликъ; сѣверъ.
Вагонѣминъ—крикъ горя.
Ва-ва-тэйзи—свѣтлякъ.
Вăва—дикій гусь.
Вăвбикъ—утесъ.
Вавонэйса—полуночникъ
(птица).
Во-би-вăва—бѣлый гусь.
Вэ-мокъ-квăна—гусеница.
Вăмпумъ—ожерелья, пояса и
различныя украшенія изъ
раковинъ и бусъ.
Вэбино—волшебникъ.
Вэбино-Вэскъ—сурѣпка.
Вобивайонъ—кожаный
плащъ.
Гитчи-Гюми—Верхнее озе-
ро.
Дăгинда—гигантская лягуш-
ка.
Дэм-кво-нэ-ми—стрекоза.
Джиби—духъ.
Джосакиды—пророки.
Иза—стыдись!
Инайнивэгъ—пѣшка (въ игрѣ
въ кости).
Ишкудă—огонь, комета.
Кăго—не тронь!
Кагаги—воронъ.
Ко—нѣтъ.

Кайѣшкъ—морская чайка.
Кивайдинъ—сѣверо-западный
вѣтеръ.
Кинѣбикъ—змѣя.
Киню—орелъ.
Кэндза, Маскеноза—щука.
Куку-Кугу—сова.
Куо-ни-ми—стрекоза.
Мангъ—нырокъ.
Ман-гѣ-тэйзи—отважный.
Маномони—дикій рисъ.
Мэма—зеленый дятель.
Миды—врачи.
Минăга—черника.
Мэшинѣва—прислужникъ.
Минджикэвонъ—рукавицы.
Минни-вăва—шорохъ дере-
вьевъ.
Мише-Мѣква—Великій Мед-
вѣдь.
Мише-Нăма—Великій
Осетръ.
Мискодитъ—„Слѣдъ Бѣла-
го“ (цвѣтокъ).
Мондăминъ—маисъ.
Мѣсяцъ Свѣтлыхъ Ночей—
Апрѣль.
Мѣсяцъ Листьевъ—Май.
Мѣсяцъ Земляники—Юнь.
Мѣсяцъ Падающихъ Ли-
стьевъ—Сентябрь.
Мѣсяцъ Лыжъ—Ноябрь.
Мэвэй-ѣшка—плескъ воды.
Мушкодăза—глухарка.
Нăма—осетръ.

Нàма-Вескъ—зеленая мята.
Нэго-Вòджу—дюны Верхняго
 озера.
Нинимума—милый другъ.
Нэпàвинъ—сонъ, духъ сна.
Нòза—отецъ.
Нэшка—смотри!
Одàминъ—земляника.
Окагàвисъ—рѣчная сельдь.
Омими—голубь.
Онэвэ—проснись, встань!
Опечи—красногрудка (пти-
 ца).
Овèйса—сивоворонка (птица).
Озавабикъ—мѣдный дискъ (въ
 игрѣ въ кости).
Па-нокъ-кина—кузнечикъ.
Пòгокъ—смерть.
Пибоанъ—зима.
Пиликанъ—высушенное
 оленье мясо.
Пишнэкъ—казарка (птица).
Понима—загробная жизнь.
Поггэвòгонъ—палица.
Покъ-Уэджисъ—пигмей.

Сàва—окунь.
Сибовиша—ручей.
Сэгвòнъ—весна.
Сон-джи-тэгэ—сильный.
Соббикйи—тарантуль.
Тэмракъ—лиственница.
Угъ—да.
Угудвòнъ—самглавъ, луна-
 рыба.
Читовэйкъ—звукъ.
Шебаликъ—крыжовникъ.
Ша-ша—далекое прошлос.
Шогодàйя—трусъ.
Шогани—морской ракъ.
Шòшо—ласточка.
Шииэбвэгъ—утенокъ (фигур-
 ка въ игрѣ въ кости).
Шингебисъ—нырокъ.
Шовэнъ-нэмэшинъ—сжался!
Шухъ-шухъ-га—цапля.
Энктаги—Богъ Воды.
Эннимики—громъ.
Эпòква—тростникъ.
Иенадиззи—щетоль, франтъ.

Оглавление

I тома.

	стр.		стр.
Изъ юношескихъ стихо- твореній.		Родина	24
„Шире, грудь, распахнись для принятія...“	3	„Вьётся путь въ снѣгахъ, въ степи широкой“	—
Поэтъ	—	Ночная вьюга	25
Деревенскій нищій (первое на- печатанное стихотвореніе)	4	„Ночь и даль сѣдая...“	—
Полевые цвѣты	—	Въ февралѣ	26
„Какая теплая и темная заря!“	5	Весеннее	27
„Блѣднѣть ночь.. Тумановъ пелена...“	—	„Бушуетъ полая вода..“	—
„Осыпаются астры въ са- дахъ...“	6	Три ночи	28
„Любилъ я въ дѣтствѣ сумракъ въ храмѣ...“	—	Въ Геесиманскомъ саду	29
„Далеко за моремъ..“	7	„Христосъ воскресъ! — Опять съ зарею...“	30
„Зачѣмъ и о чемъ говорить?“	8	„Догорѣлъ апрѣльскій свѣтлый вечеръ...“	31
„.. Позднимъ лѣтомъ...“	—	„Одинъ встрѣчаю я дни ра- достной недѣли...“	—
Отрывокъ (изъ Мюссе)	9	Послѣ половодья	32
„Нѣтъ, не о томъ я сожалѣю...“	10	„Въ сторонѣ далекой отъ род- ного края...“	—
Ангель	—	„За рѣкой луга зазеленѣли...“	—
Родинѣ	11	Въ маѣ	33
Листопадъ.		„Зной,—но ясно лазурное небо глядится...“	—
Стихотворенія 1886—1900 гг.		Новолуніе	34
Листопадъ (Осенняя поэма)	12	Соловьи	—
На распутѣ	17	„Снова сонъ, плѣнительный и сладкій...“	35
Вирь	18	„Счастливъ я, когда ты голу- быя...“	36
Изъ сказки	19	На прудѣ	—
Ковыль	20	„Когда деревья въ свѣтлый майскій день...“	37
Послѣдняя гроза	21	Троица	—
Костеръ	22	„Лѣсъ шумитъ невнятнымъ, ровнымъ шумомъ...“	38
„Не видно птицъ. Покорно чах- нетъ...“	23	„Крупный дождь въ лѣсу зе- леномъ...“	—
Въ отъѣзжемъ полѣ	—	„Не пугай меня грозою...“	39

	СТР.
„Вдали еще гремитъ, но тучи ужь свалились...“	39
„Какъ флеромъ даль полей за- крывъ на полчаса..“	40
„Туча растаяла. Влажнымъ тепломъ...“	—
„Звѣзды ночью весенней нѣж- нѣе...“	—
„Какъ свѣтла, какъ нарядна весна!“	41
Лилии (А. Асныка).	—
Вечерняя молитва (мотивъ Сенкевича)	42
„Отдохни, — еще утро не ско- ро...“	44
Въ поѣздѣ	—
„Гаснетъ вечеръ, даль си- нѣетъ...“	45
„Ночь идетъ — и темнѣетъ...“	46
„Въ темнѣющихъ поляхъ, какъ въ безграничномъ морѣ...“	—
„Серпъ луны подъ тучкой длинной...“	—
На Днѣпрѣ	47
По вечерней зарѣ	—
„Нынче ночью кто-то долго пѣлъ“	48
„Мѣсяць задумчивый, полночь глубокая...“	—
„Могилы, вѣтряки, дороги и курганы...“	49
„Ночь наступила, день угасъ...“	—
„Ночь печальна, какъ мечты мои“	50
„Неуловимый свѣтъ разлился надъ землею...“	—
Разсвѣтъ	—
На проселкѣ	51
„Еще отъ дома на дворѣ...“	—
Подражаніе Пушкину	52
Родникъ	—
Псаломъ жизни (Г. Лонгфелло)	53
Учанъ-Су	54
Кипарисы	—
Золотой дискъ (Л. де-Лиля)	55
Зной	—
Закатъ	56
На дальнемъ сѣверѣ	—
Сумерки	—
„Зеленоватый свѣтъ пусты- ной лунной ночи...“	57
„Отчего ты печально, вечер- нее небо?“	—

	СТР.
Въ заливѣ	58
„Къ побережью моря длин- ная аллея...“	—
„Дологъ былъ во мракѣ но- чи...“	59
Сѣверное море	60
„Поздній часъ. Корабль и тихъ и темень...“	—
„Если бѣ только можно было...“	61
Плеяды	—
Затишье	—
„И вотъ опять ужь по за- рямъ...“	62
„Листья падаютъ въ лѣсу...“	—
„...И спилось мнѣ, что осен- ней порой...“	63
На хуторѣ	64
„Какъ печально, какъ скоро померкла...“	—
Астры (А. Асныка)	65
„Таинственно шумитъ лѣсная тишина...“	—
Октябрьскій разсвѣтъ	66
„Открыты жнивья золотыя...“	—
„Нагая степь пустыней вѣ- етъ...“	67
„Высоко полный мѣсяць сто- итъ...“	—
„Вѣтеръ осенній въ лѣсахъ подымается...“	—
Въ степи	68
„Въ пустынной вышинѣ...“	70
„Помню — долгій зимній ве- черъ...“	—
Мятедь	71
„Скачетъ пристяжная, снѣ- гомъ обдаетъ...“	72
Въ костелѣ	—
Мать	73
Смерть птицъ (Конне)	74

Новыя стихотворенія.

1901 г.

Ночь и день	75
Ручей	—
Въ Альпахъ	76
Оттепель	—
Облако	77
Ракета	—
Подснѣжки	—
Весенній вечеръ	78
Жемчугъ	79

	СТР.
Съ кургана	79
„Гроза прошла надъ лѣсомъ стороною...“	80
Въ старомъ городѣ	—
„Отошли закаты на далекій сѣверъ...“	81
„Облака, какъ призраки раз- валинъ...“	—
Элегія	—
„Ту звѣзду, что качалася въ темной водѣ...“	82
Счастье	—
На монастырскомъ кладбищѣ	83
Кедръ	—
„Зеленый цвѣтъ морской воды...“	84
„Въ поздній часъ мы были съ нею въ полѣ“	—
Ночь	85
Зарница	86
„Спокойный взоръ, подобно взору лани...“	—
Закатъ	—
Въ морѣ	87
Утро	—
Веснянка	88
Подъ тучей	89
„Звѣзда надъ темными дале- кими лѣсами...“	90
Надпись на могильной плитѣ .	—
Изъ Апокалипсиса (Глава IV)	91
На горахъ	92
„Изъ тѣсной пропасти уще- лья...“	—
Ночью въ іюлѣ	93
Курганъ	—
Сонъ-цвѣтокъ	94
„Моя печаль теперь спокойна...“	—
„Звѣзды ночи осенней, холод- ныя звѣзды...“	95
„Шумѣли листья, облетая...“	—
„Свѣтло, какъ днемъ, и тѣнь за нами бродить	—
„Смотрить мѣсяцъ ненаст- ный, какъ сыплются жел- тые листья...“	96
Изъ дневника	—
Эпиталама	98
„Морозное дыханіе мятели...“	—
Крещенская ночь	99
Кустарникъ	100
На островѣ	—
Звѣзды	101

	СТР.
Аккерманскія степи („Крым- скіе сонеты“ Мицкевича) .	101
Чатырдагъ („Крымскіе сон- еты“ Мицкевича).	102

Стихотворенія.

1902 г.

Смерть	103
Лѣсная дорога	—
На озерѣ	104
Первая любовь	105
„Когда вдоль корабля, качаясь, вьется пѣна...“	—
„Что напрасно мечтать! Кто на пѣсню откликнется?“ .	—
„Чашу съ темнымъ виномъ подала мнѣ богиня печали“	106
„Крестъ въ долинѣ при до- рогѣ...“	—
„Какъ все спокойно и какъ все открыто!“	107
Бродяги	—
Забытый фонтанъ	108
Эпитафія	109
Зимній день въ Оберландѣ .	—
Сивашъ	110
Кондоръ	—
„Широко межъ вершинъ ду- бравы...“	—

Пѣснь о Гайаватѣ

Лонгфелло.

Предисловіе переводчика . .	113
Вступленіе	115
I. Трубка мира	118
II. Четыре вѣтра	122
III. Дѣтство Гайаваты . . .	129
IV. Гайавата и Мэджекивисъ	135
V. Постъ Гайаваты	143
VI. Друзья Гайаваты	151
VII. Пирѣга Гайаваты . . .	155
VIII. Гайавата и Мише-нама	159
IX. Гайавата и Жемчужное Перо	165
X. Сватовство Гайаваты .	172
XI. Свадебный пиръ Гайа- ваты	179
XII. Сынъ Вечерней Звѣзды	185
XIII. Благословеніе полей .	195

	СТР.		СТР.
XIV. Письмена	201	XIX. Привидѣніе	229
XV. Плачъ Гайаваты	205	XX. Голодъ	235
XVI. По-Покъ-Кивисъ	211	XXI. Слѣдъ бѣлаго	240
XVII. Погоня за По-Покъ-Ки- висомъ	217	XXII. Эпидогъ	246
XVIII. Смерть Квазинда	226	Словарь индѣйскихъ словъ, встрѣчающихся въ поэмѣ .	253
